

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

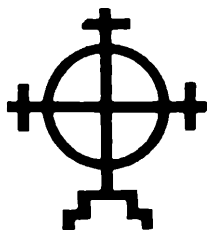
НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1987 (II-III) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 38-39

№
38-39
1987
(II-III)

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1987 (II-III) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 38-39

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

- 1978 Журнал, по благословению Русской Православной Церкви за рубежом, был основан протоиереем о. Александром и К.И. Киселевыми, Н.Ф. И.Э. и А.Н. Федоровыми
- 1978-79 Главный редактор – кн. С.С. Оболенский
- 1980-81 Главный редактор – Г.А. Хомяков
- 1982 Редакция: К.И. Киселева, З.В. Трифунович (секретарь), М.А. Холодная (заместитель главного редактора), О.П. Ильинский, Т.А. Родзянко

Члены редакционного совещания:

В.И. Алексеев (США); З.Е. и Ю.П. Залесские (Франция);
Е.Н. Казанская (Австралия); А.Е. Климов (США);
Н.П. Полторацкий (США); Прот. В. Потапов (США);
Г.А. Рар (ФРГ); Дьякон Н. и Н.Г. Семеновы (Франция);
Прот. А. Трубников (Франция); А.Н. Федоров (Франция)

Корректор – Г.В. Крыжицкая

Ответственный редактор № 38-39 – З.В. Трифунович

Всю переписку, рукописи и подписную плату просим посылать по адресу издательства:

V. Rev. A. KISELEV
Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108th Street
New York, N.Y. 10025 USA
Tel.: (212) 663-9093

Помещаемые в журнале статьи не обязательно выражают взгляды редакции, считающей, что тема русского возрождения должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Казначей журнала – И.П. Холодный

Ревизионная комиссия:

Е.А. Александров, Н.В. Казякин, А.Д. Кулеша

© 1986 by Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc.
(ISSN 0222-1543).

---

*Обложка – крест из церкви свв. апостолов Петра и Павла
в Кожевниках (Новгород), 1406 г. – работы
художника А.В. Русака*

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, – литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы – дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США – Американско-русское просветительное Общество «Родина» – Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей – Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека – Западно-Американская и Сан-Франциская Епархия – Кадетское Объединение — Комитет защиты гонимых православных христиан – Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе – Конгресс русских американцев – Национ. Организ. Витязей – Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) – Организация Российских юных разведчиков – Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС – Общество «Отрада» – Обще-Монархическое Объединение в Монреале – Общество «Икона» в Париже – Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской – «Православное Дело» – Русско-Американское просветительное общество в Детройте – Женское общество помощи Австралийской Епархии – Русский центр в Сан-Франциско – Св. Серафимовский Фонд – Австралийско-Новозеландская Епархия – Ставропигиальный Св. Тронцкий Монастырь (Джорданвилль) – Союз русских инженеров – Св.-Петропавловский кафедральный собор – Российское национальное объединение в Германии – Братство Святого Креста в Австралии – Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция – Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США – Фонд Царя-Мученика – Восточно-Американская и Нью-Йоркская Епархия – «Русский очаг», Аргентина – Толстовский Фонд – Ставропигиальный Храм-Памятник Св. Кн. Владимира, Джаксон, Н. Дж. – Церковь во имя Преп. Сретия Радонежского, Валлей Коттедж, Н.И. – Храм Покрова Пресв. Богородицы, Скенектади, Н.И. – Богоявленская церковь, Бостон, Масс. – Новое Дивеево, Спринг Валлей – Храм Покрова Пресв. Богородицы, Наяк, Н.И. – Церковь Преп. Серафима Саровского, Си-Клиф, Н.И. – Церковь Св. Иоанна Предтечи, Вашингтон, Дн. Си. – Церковь Св. Александра Невского, Лейквуд (Хауэлл), Н. Дж. – Успенская Церковь, Ричмонд хилл, Н.И. – Благовещенская церковь, Флешинг, Н.И. – Церковь Преп. Серафима, Нью-Йорк, Н.И. – Представительство русских эмигрантов в Америке – Объединение галлиполийцев в Америке – Попечительство о нуждах Русской Православной Церкви Заграницей – Св. Троицкая церковь, Астория – Св. Николаевский собор, Сеаттл – Церковь всех святых земли русской, Бурлингем – Церковь свв. Петра и Павла, Санта Роза – Церковь преп. Серафима Саровского, Монтерей – Церковь св. Марка Эфесского, Розлиндел, Массачусетс – Церковь св. Симеона Верхотурского, Калистога, Калифорния.

Этот список будет пополняться по мере выражения желания другими русскими организациями в нем участвовать.

Поздравляем с наступающим годом

1000-летия Крещения Руси!

*Молитвами Пресвятой Богородицы и
всех святых в земле Российской просиявших
да спасет и сохранит Господь
многострадальное отечество наше
и всех верных чад его.*

**Александр Сергеевич
ПУШКИН**

ОТ РЕДАКЦИИ

В январе 1987 года исполнилось 150 лет со дня смерти великого русского человека — гения — поэта — Александра Сергеевича Пушкина. В нем воплотилось все, чем живут идейно настроенные люди и здесь и там, на нашей далекой родине, чему поклоняются и на что надеются: это вера в духовное прозрение, любовь к своему необыкновенному, ни на кого не похожему, прошлому, надежда на чудесные перемены, преобразования, это мечты о возврате к доверию и взаимопониманию.

Каждому из нас хочется считать Пушкина своей собственностью, быть его сродником и уж, конечно, — единомышленником. Недаром Марина Цветаева назвала свою книгу о Пушкине «Мой Пушкин», И.С. Аксаков стихи Пушкина — благодеянием, а Анна Ахматова в «Слове о Пушкине» утверждает, что «он победил и время и пространство, став, по словам Юлия Айхенвальда, великим и желанным спутником, вечным современником, идущим 'с нами от нашего детства и до нашей старости, он всегда около нас, он всегда откликается на зов нашего сердца, жаждущего прекрасных откровений'». Поэтому и в этот юбилейный год мы вместе с А. Блоком обращаемся к Пушкину с просьбой:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК ПУШКИНА

**(ПО ПОВОДУ 150ЛЕТИЯ СО ДНЯ ЕГО
РОЖДЕНИЯ)**

26 мая 1799 года навсегда останется благословенной датой для России, ибо в этот день Бог благословил ее появлением на свет Пушкина.

Если мы привыкли приветствовать рождение каждой новой жизни на земле, то тем более мы должны радоваться появлению в мир гения, который всегда есть явление исключительное, ибо он приносит с собою, в той или другой области жизни, новое открытие для человечества.

Когда у Сергея Львовича Пушкина, жившего в Немецкой слободе в Москве, родился сын Александр, никто, конечно, не предвидел, что это событие будет началом новой эпохи в истории русской культуры, что оно знаменует собою восход солнца Русской поэзии, которое ярко озарит Русскую землю и будет сиять над нею «вечной красой».

Пушкин еще при жизни занял царственное положение среди наших писателей; с тех пор его престол остается непоколебимым: все стараются учиться у него и подражать ему, но никто не дерзает оспаривать у него его венца, сияющего немеркнущей славой. Даже революция, потрясая все авторитеты, не могла поколебать его треножника, а, напротив, сама старается найти в нем для себя идеологическое оправдание и нравственную опору. Вокруг его имени создан своеобразный культ, нашедший своих жрецов в виде особого, так сказать, литературного сословия

пушкинистов. Они тщательно исследовали историю его жизни вплоть до мельчайших подробностей его домашнего быта, ревниво собирали и продолжают собирать оставшееся от него литературное наследство, стараясь не утратить не только малейшего из его произведений, но даже сберечь для потомства каждую случайно брошенную им фразу, или отдельные слова, внимательно изучили основные мотивы его творчества, постарались проникнуть в сокровенную лабораторию его творящего духа, чтобы проследить зарождение его идей, их постепенное развитие и окончательное оформление, истолковали все загадочные места в его творениях, исчислили все его любимые слова и выражения и, наконец, вслушались в самую музыку его речи, чтобы уловить созвучие его словесного и душевного ритма, которое наблюдается у него в такой степени, как ни у кого другого из наших писателей.

В последнее время литература о Пушкине обогатилась очень ценной многолетней работой А.В. Тырковой—Вильямс «Жизнь Пушкина», которая заслуживает самого широкого распространения.

Как это нередко бывает у людей, уходящих всем своим существом в ту или другую специальную область знания, пушкинисты склонны иногда впадать в крайности, доводя свое почитание поэта почти до слепого фетишизма и утопая в скрупулезных мелочах, подобно талмудистам; однако, им, несомненно, мы обязаны тем, что личность и творчество Пушкина изучены так полно и всесторонне, как ничто другое в истории нашей литературы, и стали поистине народным достоянием. Надо пожалеть только о том, что вместе с драгоценными сокровищами, вышедшими из—под пера поэта, и наряду с ними, они собирают, опубликовывают и распространяют те из его произ-

ведений, которых он стыдился при жизни, считая их недостойными своего высокого таланта, и потому старался выбросить их, как сор, из своей художественной мастерской.

Он сам считал себя высшим судьей своих творений, и если он хотел, чтобы сохранена была незапятнанной посмертная память Байрона, то не менее, конечно, он желал того же и для самого себя. Поступая вопреки его воле, которая должна быть особенно священна для его горячих почитателей, пушкинисты,* сами того не замечая, наносят тяжелое оскорбление памяти поэта, набрасывая на нее некотрую тень.

Многогранный гений Пушкина, вращаясь пред нашим взором, подобно калейдоскопу, сверкает всегда новыми лучами и красками, и нам кажется, что поэт растет вместе с временем, отделяющим его от нас. Но это, конечно, не более, как обман зрения. Гений, отошедший в область истории, остается всегда равен самому себе. Только мы сами постепенно dorастаем до такого уровня, чтобы сделаться способными воспринять его идеи и его дух и, проникая постепенно в глубинные недры его творчества, извлекаем оттуда новые драгоценные перлы.

С каждым годом мы глубже входим в духовное существо Пушкина, как и он сам глубже проникает в наше сознание и в самую нашу душу, как бы глубже сродняясь с нами духовно.

Значение юбилейных чествований великих людей состоит в том, что они ставят последних в фокус общественного внимания и тем способствуют более глубокому и всестороннему их изучению. Пушкин-

---

* Мы говорим, конечно, не обо всех.

ские юбилеи, благодаря своему всенародному значению, становятся, кроме того, выражением нашего национального единства. Пушкин всегда был выше всех общественных группировок, политических партий и литературных школ и направлений. Он универсален и всеобъемлющ. Каждый из нас ощущает в нем частицу самого себя.

В связи с юбилейным воспоминанием 150—летия рождения поэта, его славное имя снова промчалось по всей Руси Великой (не взирая на ее плененное состояние), где его назвал каждый суший в ней язык, и облетело все наше всемирное рассеяние, где также повсюду торжественно праздновалась его память.

Весь русский народ пережил светлый праздник, который дает нам близкая встреча с гением, особенно с таким лучезарным, как Пушкин. Поминовение его началось во многих местах заупокойной молитвой о нем, что соответствовало не только нашему православному чувству, но и его собственным заветам, ибо он имел обычай творить молитвенную память о близких ему людях в нарочитые для них дни; к числу таких лиц относились не только его умершие родные, но и Петр Великий, и декабристы, и даже Байрон, за которого он заказал отслужить заупокойную литургию, послав потом просфору Вяземскому.

Повсюду устроены были торжественные собрания в память поэта, с произнесением соответствующих речей, в некоторых местах организованы были юбилейные выставки, изданы юбилейные сборники, везде были привлечены к участию в пушкинских торжествах учащиеся, которые придавали им особое одушевление. Молодые поэты, выступавшие из их среды, старались показать, что творческий огонь не угас в душе русского народа, как бы ни тяжела была его нынешняя судьба.

Можно без преувеличения сказать, что Пушкин в течение минувших юбилейных дней полновластно владел вниманием русских людей, оттесняя на второй план все их обычные жизненные заботы и интересы и заставив отозваться на свой праздник даже некоторые инославные литературные круги.

Углубляясь в смысл этих торжеств, мы невольно спрашиваем себя: в чем же заключается неумирающая державная сила гения Пушкина, делающая каждый его юбилей новым триумфом для него и новым национальным праздником для нас самих. Она состоит не только во всеобъемлющей полноте и исключительной глубине его творческого таланта, не только в неувядаемой свежести и красоте его поэзии, но и в самом существе, в самой природе отпущенного ему дарования. Очищенное и повитое небесным огнем, так величественно изображенным им в его «Пророке», оно таит в себе нечто высокое, светлое, радостное, прекрасное, подлинно граничащее со «святым и божественным», как он сам называет свое вдохновение. Оно всегда звало его ввысь, «туда в заоблачную келью, в соседство Бога Самого», откуда он и занес нам, по его собственному поэтическому выражению, «несколько райских песен», не перестающих волновать нашу душу. Его поэтические произведения звучат часто торжественными, как бы религиозными аккордами, которые подслушал своим тонким критическим чутьем еще Белинский в поэзии Пушкина. Не напрасно «Божество» и «вдохновение» у него стоят иногда рядом, чтобы показать, что последнее имеет свой источник в первом. И если к святыне никто из смертных не может приближаться без трепета, то немудрено, что и Пушкин испытывал «священный ужас», когда внимал «звукам небес».

«Восторг и слезы вдохновенья» наполняли его

благоговейною благодарностью к Тому, «Кто язык его одарил могучею властью над умами» и давал ему ощущать гармонию миров.

Франк был прав, когда сказал, что «поэзия была для Пушкина выражением религиозного восприятия мира, чуткого внимания к «божественному глаголу» и именно поэтому «прекрасное должно быть величаво». Поэзия была для него не только праздником бытия, но и откровением иной жизни, под влиянием которой все земное преображалось у него небесным светом. А.Н. Майков художественно выразил это в своем замечательном стихотворении «Перечитывая Пушкина»:

Его стихи читая, точно я
Переживаю некий миг чудесный,
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг пронеслась нежданная струя.
Не здешними мне кажутся их звуки.
Как бы, влиясь в его бессмертный стих.
Земное все – восторги, страсти, муки,
В небесное преображалось в них.

Вознося его над миром, творческое вдохновение приближало Пушкина к триединому идеалу вечной истины, добра и красоты, который светит каждому истинному поэту, стремящемуся проникнуть в идеальный мир. Если его окрыленная гениальная мысль проникла в самое существо вещей, по глубокому замечанию проф. И.А. Ильина, то сердце его искало правды, теплоты и святости добра, без которого самая истина становится бледной и бескровной, ибо «нет истины, где нет любви», как сказал сам поэт. Красота есть сияние этого чудесного созвездия – истины и добра, и ею—то так «пленялся» Пушкин, кото-

рый «наслаждение прекрасным в прекрасный получил удел». Но красота вещь «страшная», как сказал Достоевский. Она таит в себе великие соблазны, которым платил дань и Пушкин. Но в глубине его души ему светил всегда ее вечный Первообраз, который и возносил дух поэта из праха, дабы он снова, как орел, воспарял к небесам.

С этой высоты он и созерцал целостную гармонию мира, отражавшуюся стройными созвучиями в его поэзии. Он подлинно был «сын гармонии»: в его творчестве нет места для диссонирующих, душу раздирающих звуков. Мрачная демоническая стихия никогда не увлекала его даже в воображении: она как бы отталкивалась сама собою от его светлого гармонического таланта в отличие от Достоевского, у которого картины зла горят часто таким соблазнительным огнем, который невольно обжигает душу.

Пушкин не мог, конечно, не касаться темных сторон жизни и самой человеческой природы, ибо без этого художественное изображение мира, отразившегося, как в зеркале, в его творчестве, было бы односторонним и неполным. Но он умел стать духовно выше них, поэтому они как бы не прикасались к его душе и не отравляли его пера ненавистью и желчью. Изображая порочных и преступных людей, он склонен скорее жалеть, чем презирать их, и находить проблески благородного чувства даже у таких закоренелых злодеев, как Пугачев.

Касаясь мрачных эпох нашей истории, он описывает их эпически бесстрастно, подобно столь любимым им древним летописцам, образ которых он запечатлел навсегда в своем бессмертном Пимене. Отрицательные типы в его произведениях, по закону контраста, часто только оттеняют высокие и светлые проявления человеческого духа, какие мы находим у

других нарисованных им героев, подобно тому, как тени на картине художника рельефнее выделяют наиболее яркие красочные ее места. Не напрасно он рисует их часто параллельно, как Моцарта и Сальери, Кочубея и Мазепу, Гринева и Швабрина.

Если мы обратимся к его личной жизни, то и здесь увидим проявление того же благожелательного отношения к людям, выражавшегося в разнообразных и часто трогательных формах. Его великая душа не знала ни мелкой зависти, ни злобной мести, ни холодного эгоистического самодовольства. Он радовался появлению каждого нового литературного таланта и покровительствовал ему, как напр. Гоголю. Надо читать его обращения к Козлову или Шишкову, чтобы видеть, как он умел поощрять и второстепенные дарования, не только не возносясь, а скорее умаяясь перед ними сам. В светлых чертах ему предносится образ маститого Державина, который, «в гроб сходя, благословил» его первые поэтические опыты. Такого же благословения он просит при вступлении на свое поэтическое поприще у Жуковского, прямо обращаясь к нему со словами: «благослови, поэт»! Он поверял ему свои мысли, как своему учителю, хотя последний вскоре признал себя «побежденным» своим учеником. Обремененный часто долгами сам, Пушкин, однако, оказывал щедрую материальную помощь не только своим близким, но и чужим для него людям. Он любил ходатайствовать за опальных, хотя бы и не расположен был к ним лично. С другой стороны, он умел ценить добро, какое получал сам от других людей и спешил принести дань искренней признательности всем, кому считал себя чем либо обязанным: и своему покровителю – Императору Николаю I, которому «слагал свободную хвалу» без лести, и своим лицейским наставникам и «мертвым и жи-

вым», призывая своих товарищей, «не помня зла», «воздать» им «честью» за полученное от них «благо», и своим друзьям, посетившим его в Михайловском изгнании, и своей знаменитой няне Арине Родионовне, к которой относился с трогательной любовью, увековечив навсегда ее скромный образ в посвященных ей стихах.*

Как и все пророки, Пушкин наименее был признан в собственном доме. Его жена стояла неизмеримо ниже своего мужа и по уму и по культурному уровню, и потому не понимала и не ценила его высокого дарования. Она тяготилась стихами своего супруга, которые по ее словам, «надоели» ей. Ей чуждо было сознание ответственности, лежащей на спутнице жизни великого человека, к чему так чутка была Анна Григорьевна Достоевская, бывшая истинным ангелом—хранителем для своего супруга до самой его кончины.

Наталия Николаевна требовала от мужа постоянных светских удовольствий, вызывавших непосиль-

---

* Благородные черты своего характера Пушкин передал и своим ближайшим потомкам. Те, кто жил в дореволюционную пору в Москве, хорошо помнят характерную военную фигуру его сына — Александра Александровича Пушкина (которого отец в письмах к жене называл обычно Сашкой), напоминавшего отца и по своему внешнему облику, и особенно по своему духовному складу. Он отличался большою отзывчивостью сердца и был скромен до застенчивости. Однажды в беседе со мною, он коснулся Гоголя и сказал: «Вот говорят о несчастной судьбе Гоголя, а между тем ему покровительствовал мой отец, а он ведь был незаурядный человек». Невольно внимание обращала на себя в обществе и его дочь — внучка поэта, Надежда Александровна, вся светившаяся лучами какой—то особенно радостной доброты, целомудренной скромности и глубокой религиозности.

ные для него денежные траты, и тем отягощала его и без того тяжелую жизнь. Пушкин не мог не видеть ее легкомыслия, которое как бы возрастало у нее с годами и послужило ближайшею причиною его роковой дуэли, повлекшей за собою его смерть.

Тем не менее он не послал ей ни одного слова упрека и до последней минуты защищал ее честь и нравственное достоинство, как своей жены. Лежа на смертном одре, он думал больше об ее спокойствии, чем о своем собственном здоровье, и тем дал новое доказательство своего великодушия.

Гениальный по уму, он был младенцем по сердцу. Это заставляло его лучшего друга Дельвига, хорошо знавшего детскую простоту и ясность его души, написать ему однажды: «Великий Пушкин, малое дитя»!

Если нам укажут на его острые язвительные эпиграммы, порывы бурных страстей, выливавшихся в его ранних стихотворениях, и ропот на свою судьбу, переходивший почти в отчаяние в более позднее время, то мы ответим на это собственными словами поэта, хотя они и не относились к нему непосредственно:

Он человек! Им властвует мгновенье.

Он раб молвы, сомнений, и страстей.

Пушкин легко поддавался случайным настроениям, благодаря своему пылкому темпераменту, но они вовсе не выражают его основной природы. Он буквально выходил иногда из себя, т.е. из свойственного ему душевного равновесия. Это была невольная дань искушениям, постигавшим его в смутные минуты жизни. След, оставленный ими в его душе, он сравнивал с «чешуей», от которой старался очистить себя

уже в ранние годы своей жизни. Он не хотел коснеть в своих греховных увлечениях и стремился к нравственному «возрождению», как об этом свидетельствует стихотворение под этим заглавием, написанное в 1819 г.

Художник—варвар кистью сонной
Картину гения чернит,
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые с летами
Спадают ветхой чешуей.
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных чистых дней.

Эта внутренняя покаянная мука его сердца, которую мы часто слышим в лирических стихах Пушкина, невольно роднит нас с ним, как человеком.

Кающийся грешник всегда ближе к нам, чем самодовольный фарисей – этот мнимый праведник.

Кто из нас самих не переживал временных душевных бурь и нравственных падений, но все ли болели и мучились ими так, как Пушкин? У него они были заметнее для других только потому, что он занимал слишком заметное положение в современном ему обществе, внимательно следившем за ним и не прощавшем ему малейших слабостей, и еще более потому, что он доверял их художественному перу, распространявшему их шире и дальше, чем он хотел сам. (Очень нередко ему приходилось страдать от незаслуженных нападок, когда ему приписывали чу-

жие стихи, вызывавшие общественное возмущение). Впрочем, иногда он нарочито обнажал мучившие его искусительные помыслы вовне, желая таким образом выбросить их из своей души и превращая откровенные излияния своего сердца как бы в открытую все-народную исповедь. Таково, напр., его глубокое по силе выраженных в нем душевных переживаний и по своему философскому религиозному смыслу стихотворение «Демон»:

В те дни, когда мне были новы
Все впечаталенья бытия –
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, –
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновения искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистощимой клеветой
Он Провиденье искушал,
Он звал прекрасное мечтою.
Он вдохновенье презирал:
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел, –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Из содержания этого стихотворения видно, что описываемые в нем душевные переживания относятся к его юношескому возрасту, однако он уже тогда ясно сознавал, чьи «язвительные речи» вливали в его гармоническую душу «хладный яд», а понять происхождение этих искушений значило уже вступить на путь освобождения от них.

Так понял «Демона» Жуковский: он увидел в самом появлении этого произведения начало победы Пушкина над смущавшими его кознями лукавого. Он умолял своего юного друга решительно и навсегда отвергнуть сатанинские соблазны, чтобы стать «ангелом», к чему вело его, его высокое призвание. «Ты создан попасть в боги. Вперед! Крылья у души есть. Вышины она не побоится, там ее постоянный элемент. Дай свободу этим крыльям, и небо твое»!

Пушкину не нужно было напоминать о том, насколько высоко и ответственно указанное ему назначение: он сам сравнивал его со священным «пророческим» служением. Именно поэтому ему часто больно было признаться в авторстве своих легкомысленных стихов – этих «изнеженных звуков безумства, лени и страстей». Особенно тяготила его совесть кощунственная поэма, оскорбляющая светлое евангельское повествование о благовестии нашего спасения. Несмотря на свойственную ему искренность, он пытался при официальном допросе даже отрицаться от этого своего произведения. Оно настолько было чуждо и даже ненавистно его душе, что он уничтожал его списки всюду, где находил их. Не будучи в состоянии изгладить навсегда эти «печальные строки», он тем более «горько жаловался» на себя, «горько» лил покаянные слезы, уподобляя себя «отроку Библии», «безумному расточителю», т.е. блудному сыну, за злоупотребление собственным талантом.

Чтобы правильно уяснить себе духовный облик

нашего великого поэта — столь простой и сложный в одно и то же время — надо иметь в виду, что в нем было как бы два лица — одним он был обращен во внешний мир, а другим внутрь самого себя. Его душа напоминала собою океан, на поверхности коего вздымались бури, а в глубине царило торжественное величественное спокойствие.

Вяземский сравнивает его духовный мир с «теми днями, в которые при сильных порывах ветра и при волнении в нижних слоях атмосферы, безоблачное небо остается спокойным и светлым». Зная, что «служение муз не терпит суеты», он старался защитить от нее внутреннее святилище своего творчества: иногда он даже нарочито окружает себя дымовой завесой кажущегося легкомыслия, чтобы скрыть за ней высокие мысли и глубинные движения своего поэтического вдохновения. Оттуда, из этих сокровенных недр своего духа, ему открывались скрытые для других тайны бытия, как из глубокого колодца видны бывают нам, даже днем, звезды.

Когда вы вчитаетесь в «Бориса Годунова», где так живо ощущается биение пульса Святой Руси, с его мерным спокойным душевным ритмом, и вспомните, что это написано рукою 25-летнего Пушкина, внешняя жизнь которого тогда не переставала бить ключом, вы видите здесь как бы другого человека, подобного старцу—аскету, который выходит из окружающего мира, запирается в своей внутренней кельи и оттуда проникает в недоступные для других духовные глубины.

Дар гениального прозрения соединен в нем с утонченно чутким нравственным чувством: эти два духовных светильника, сливаясь вместе, возносят его талант на недостижимую высоту.

Пушкин был наиболее совестливым и правдивым из наших писателей. Через голос совести он, по соб-

ственному его выражению, познал Бога. С высоты ее неподкупного престола он судит царей и других исторических деятелей и простых смертных и строже всех других самого себя. Он мог бы с большим правом, чем Толстой, сказать о себе, что главным героем его произведений для него была правда. С этим мерилom он подходит к оценке всех своих и даже любимых им героев. Так, воспевая государственный и военный гений Петра, он в то же время порицает его за вспышки неудержимого гнева, диктовавшие иногда его жестокие и несправедливые указы.

Строгое совестливое отношение не только к своим и чужим поступкам, но даже к самому своему творческому дарованию, свободному по своей природе, которое само для себя, по общему представлению, есть закон, помогло ему выработать в себе то чувство меры, которое составляет столь характерную печать его гения.

Обыкновенно говорят, что Пушкин заимствовал это чувство у классических писателей древности. Если в таких словах и есть известная доля правды, то гораздо более он обязан этой особенностью его таланта своему врожденному такту и постоянной нравственной работе над собою.

Наш ум нередко жертвует своим самодержавием в пользу страстей и привычных нам предрассудков. Пушкин старался всегда хранить трезвость, или лучше сказать, «трезвенность» мысли, которая делала ее вполне независимой и ясной в одно и то же время. При свете «бессмертного солнца ума», не омраченного предвзятыми идеями, он мог легко распознать истину и отличить ее от «ложной мудрости».

Наша мысль становится точной и ясной только тогда, когда она облечена в соответствующую ей форму словесного выражения. Поэтому Пушкин так ревниво относился к слову. «Кто не согрешает в слове», говорит Ап. Иаков (III, 2), «тот совершенный

человек». И наш поэт старался быть таким совершенным властелином своего языка, не поддаваясь сам его власти.

Владея, как никто другой, богатством слова, он не расточал его непроизводительно, а скорее берег его, как некоторую драгоценность. Поэтому его язык отличается такою лаконичностью и аскетическою простотою, что не мешает ему быть выразительным и высоко художественным по форме.

В сознании глубокой ответственности писателя пред обществом, Пушкин не хотел опочить на лаврах, какие доставлял ему его природный гений.

Он всю жизнь продолжал учиться, умножая свои познания. Его трудолюбие было пропорционально его таланту. Ему знакомы были муки духовного рождения, как и прочим смертным. Он иногда проводил долгие часы в беспокойных исканиях не только наиболее звучного и выразительного стиха, но и наиболее точного отдельного эпитета или глагола.

Так ему не малых усилий стоило найти глагол «грянул» в известном стихе из «Полтавы»: «и грянул бой – Полтавский бой»!

Привычка сурово вопрошать везде свою совесть, неумолимый суд которой он с такою силою изобразил в «Борисе Годунове», спасала Пушкина не только от умственного застоя, но и от многих нравственных опасностей, и особенно от суетного тщеславия и гордости, которая всегда угрожает высокоодаренным людям, окруженным общим восхищением и опьяняющим шумом похвал.

Шопенгауер справедливо сказал, что гений не может не замечать своего превосходства над другими людьми так же, как человек высокого роста не может не видеть того, что другие стоят головою ниже его.

Не мог не сознать и Пушкин превосходства своих дарований, какими он вознесен был над прочими смертными. Об этом говорит его «Памятник»,

датированный им самим «1836 г. авг. 21», следовательно, написанный за полгода до его кончины, где он сам трезво и объективно указал на свои заслуги пред Русским Народом и определил свое место в будущей истории Русской духовной культуры.

Сознание своего высокого призвания ставит его выше суетных похвал и порицаний.

«Веленью Божию, о муза, будь послушна», вот высший закон, коему он подчиняет свой гений и в исполнении коего хотел бы найти для себя лучшую награду.

Замечательно, что еще в «неопытные лета» он боялся быть «пресыщенным опасной суетой» и

...«про себя таил
Души высокие создания.
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья».

Уже тогда он смотрел на хвалу, как на «докучный звон» и пред лицом своего друга Дельвига давал следующий, почти аскетический обет:

Нет, нет! ни счастьем, ни славой,
Не буду увлечен.

и он остался верен своему обещанию, сохранив до конца жизни большую скромность и не прельщаясь «восторженных похвал минутным шумом».

Мысль о смерти, бывшая его спутником с юности, также напомнила ему о ничтожестве всего земного, обращая его мысль к вечности. Не напрасно одним из последних заключительных аккордов его поэзии явилась его величавая и в то же время смиренная «Великопостная молитва», которая была так созвучна ему по своему содержанию и «падшего свежила неведомой силой».

Кротость и смирение сердца порождали в нем и

смирение ума, а это последнее чувство, вместе с высокими устремлениями его духа и «божественным» даром вдохновения, помогло ему преодолеть религиозные сомнения в молодости и укрепляло его веру в более зрелые годы. Смерть застала его уже убежденным православным христианином, что показала особенно его предсмертная исповедь, глубоко потрясшая его духовника и друзей.*

Последние годы его жизни были озарены таким ярким светом его веры, что это невольно обращало на себя внимание его друзей, особенно такого чуткого и религиозного, как Жуковский. Выслушав его горячие реплики по поводу неуместности военной стражи, поставленной для охраны картины Брюлова «Распятие» (что он выразил и в стихотворении «Мирская власть»), Жуковский сказал потом Смирновой: «Как созрел Пушкин, и как развилось в нем религиозное чувство! Он несравненно более верующий, чем я».

Но он не был чужд живого религиозного чувства и в более раннем возрасте; оно укрепились в нем особенно со времени пребывания его в Михайловской ссылке, поставившей его в непосредственное духовное соприкосновение с народной стихией и с Святогорским монастырем. Надо поистине удивляться близорукости или косности тех людей, кто и при нынешнем состоянии пушкиноведения продолжают поддерживать старый предрассудок, будто Пушкин был безрелигиозным и даже неверующим человеком. Религиозность его казалась мало заметной только потому, что она, по словам Мережковского, была «естественной и бессознательной» и вместе, следовало бы

---

* Подробнее об этом см. в нашем исследовании: «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви».

добавить к этому, скромной и стыдливой, но в этом –то и заключается ее главная сила.

В ней не было ничего показного: она была столь же искренней, как и все, что исходило из его духа.

Общая добросовестность и духовная чуткость Пушкина сказались и в его глубоком серьезном отношении к главным вопросам жизни, особенно к религии.

Он внимательно изучал свою веру, пользуясь для этого Библией, прочитанной им «от доски до доски», житиями святых, проповедями Митрополита Филарета, внимательным чтением книг религиозного и философского содержания и указаниями своего собственного внутреннего опыта.

Поэтому его религиозное мировоззрение было таким зрелым, здоровым и ясным, чуждым болезненных духовных уклонов его времени – холодного рационализма с одной стороны и мрачного мистицизма с другой (хотя его душа легко воспринимала все мистическое).

Он далек был и от эстетического пантеизма своего старшего современника Гете, который так легко обычно соблазняет «жрецов прекрасного» – поэтов.

Чем ближе он стоял к народу, тем глубже проникался духом чистого Православия, воспринятого им вполне сознательно – не только сердцем, но и умом, как это видно из переписки его с Чаадаевым, и из бесед с такими людьми, как Жуковский, Хомяков, Тургенев и Смирнова.

Православная русская культура, окружавшая его отовсюду, как нравственный воздух, незаметно для него самого питала и образовывала его дух: ей он обязан, несомненно, широтою своего сердца, готового вместить весь мир и сделавшего его поистине «всечеловеком» в лучшем смысле этого слова; от нее

же он взял любовь к правде Божией, благостное приятие жизни и примиренное отношение к смерти, и многое другое, что делает его образ всем нам столь близким и родным.

Первые основы его духовного воспитания заложены были в нем еще в детстве в Москве глубоковеревающей бабушкой Марией Алексеевной Ганнибал (рожденной Пушкиной, из другой ветви той же фамилии) и няней Ариной Родионовной. Москва, как сердце России, была искони носительницей нашего Русского национального духа, и в ней именно суждено было увидеть свет нашему великому национальному поэту 150 лет тому назад.

Москва стала как бы восприемницей его от купели: она обвеела его с колыбели своими славными историческими преданиями и теплотою своего крепкого православного быта, в который уходят своими корнями многие черты его характера. В Первопрестольной столице провел годы своей юности и младший современник Пушкина, другой наш знаменитый поэт Лермонтов. От него осталось замечательное по своей художественной красоте изображение современной ему Москвы, как она отразилась в его юной душе.

«Москва, – говорит он, – не есть обыкновенный большой город, каких тысячи. Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в систематическом порядке: нет, у нее своя душа, своя жизнь...

«Как у океана, у нее свой язык, сильный, звучный, святой, молитвенный».

Впечатлительная душа гениального ребенка Пушкина не меньше Лермонтова чувствовала эту мистику, эту душу Москвы, внимая ее звучному «молитвенному» языку, который оставил неизгладимую печать на его юной душе и самом его поэтическом творчестве.

По словам его биографов, оно пробудилось в нем уже в восьмилетнем возрасте. В родительском доме Пушкин провел первые 12 лет своей жизни (переезжая каждое лето из первопрестольной столицы в подмосковное село Захарово, принадлежавшее некогда Годуновым), пока от него не оторвал его Лицей. Эти юные годы оставили навсегда светлый след в его душе, как это видно из его собственных воспоминаний:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед.

Москва имела важное значение в его жизни и в последующие уже зрелые годы. В Москву он приехал прямо из Михайловской ссылки по вызову Императора Николая I—го, прибывшего туда на коронацию в 1826 г. Обласканный Государем, он с восторгом был принят своими друзьями, устроившими ему триумфальную встречу.

Там же он нашел себе подругу жизни в лице Н.Н. Гончаровой, глубоко проникнутой традициями благочестивой Москвы, которые она внесла и в свой домашний быт. Теплые чувства, какие питал Пушкин к Москве, заставляли его часто обращаться к ней сердцем в «своей блуждающей судьбе». Она же внушала ему трогательные стихи, в которых он оплакивает ее разорение в 1812 г.

Края Москвы, края родные!

.....

И вы их видели, врагов моей отчизны,
И вас багрила кровь и пламень пожирал.

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть старины?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни.

В Москве ему был воздвигнут и всенародный рукотворный памятник; торжество открытия последнего явилось блестящим всероссийским праздником, на котором устами великих писателей того времени он прославлен был, как величайший русский поэт и вместе, как «всечеловек».

Замечательно, что родившись в Москве, сердце России, получивши свое образование в Царскосельском лицее вблизи Петербурга, проведши большую часть жизни в этом последнем, объехавши значительную часть родной земли с севера на юг и с запада на восток, Пушкин никогда не выезжал за границу, хотя иногда и стремился туда. Соприкасаясь везде с народной стихией, он удален был от иноземных влияний, что помогло ему в полной чистоте сохранить свой родной русский облик. Пушкин был и навсегда останется нашим истинным национальным поэтом — единым для всего Русского Народа.

Он принадлежит всецело Великой Исторической России: в нем нет части для большевиков, сколько бы они ни пытались присвоить его себе путем искажения истории его жизни и самого его духовного и поэтического облика: резкие, непроходимые грани отделяют его от тех, кто хотел бы от него провести свою разрушительную родословную линию.

Он был слишком трезв, чтобы опьяняться революционным хмелем, подобно Блоку, слишком правдив, чтобы примириться с ложью коммунизма, слишком свободолюбив и гуманен, чтобы оправдать его тиранию и кровавые жестокости, слишком высоко

парил духом над землею, чтобы погрузиться в грубую материалистическую стихию, убивающую всякое живое творчество, и, наконец, слишком пронизателен и мудр, чтобы не понять, что из царства крови, насилия и рабства нельзя создать земного рая, где все одинаково бы благоденствовали, благословляя свой жребий.

Пушкина подделать нельзя. Он был и всегда остается верным себе и сам за себя непосредственно говорит русскому сердцу, особенно молодым поколениям, столь чутким к его слову.

В своей духовной слепоте нынешние власти Русской земли не понимают того, что для них нет более строгого и непримиримого обличителя, чем собственный голос поэта, который так явственно звучит в его бессмертных творениях.

Широко распространяя его произведения в России, большевики, сами того не подозревая, подрывают основание своей Вавилонской башни, которую они пытаются создать на нашей Родине.

В молодости Пушкина несомненно волновали «вольнолюбивые» мечты декабристов, среди которых было много его друзей. Однако, последние чувствовали, что он, по свойствам своего характера, не может принять усвоенного ими революционного принципа: цель оправдывает средства, и пойти за ними по избранному ими пути до конца, поэтому они не посвятили его в тайну своего заговора.

У него не было двойной морали, применяющей разные мерки к деятелям и героям революции и к их несчастным жертвам. Даже в таком раннем, незрелом его произведении, как ода «Вольность», написанном по словам Тырковой, в 1817 г. и имевшем целью воспеть свободу и дать урок царям, он выносит одинаково суровый приговор и монархам, если они, пренебрегая законом, обращают свою власть в жестокую

тиранию, и тем, кто поднимает на них предательскую кровавую руку мести: последних он сравнивает с «янычарами», считая их «стыдом и ужасом» наших дней. Устами А. Шенье, казненного во время французской революции, он разоблачает ложь и обман последней, которая, подняв народное восстание во имя свободы, утопила ее в крови. Какою огненной силою дышат обличительные, подлинно контр—революционные слова, которые Пушкин влагает в уста обреченного на смерть Шенье, выражая в них, прежде всего, собственное негодующее чувство:

Закон,
На вольность опершись, провозгласил
равенство.
И мы воскликнули: блаженство!
О горе! О, безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари; о ужас, о позор! . .

Если он не хотел простить т. наз. Великой французской революции умученного ею молодого поэта, то мог ли он примириться с нашей кровавой революцией, безжалостно умертвившей и продолжающей истреблять миллионы русских людей, среди которых мы видим всех: и достойных служителей Церкви, и «творцов бессмертных питомцев вдохновенья» — поэтов, и выдающихся ученых, и доблестных представителей военного сословия и бесчисленное множество других людей разных званий и состояний, являющихся истинным цветом Русского Народа.

Не ее ли страшный образ провидел поэт, когда предостерегал нас в своей «Капитанской дочке»: «не

приведи Бог увидеть Русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

В этом же своем творении, законченном незадолго до его смерти, в котором так ярко выразился его вполне выкристаллизовавшийся духовный образ, он оставил нам всем и особенно молодым поколениям, великий, незабываемый, глубоко выношенный им завет: «Молодой человек, если записи мои попадут в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения общественных нравов, без всяких насильственных потрясений».

Его правдивый и вещий язык оставил нам и другие пророческие слова, обращенные как бы нарочито к нынешнему носителю советского «самовластья», имя которого стало притчею во языцех:

Читают на твоем челе
Печать проклятия народы...
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Угнетенная правда сама рано или поздно отмстит за себя. «И в тьме возникшие низвергнутся во тьму» — пишет он в своем обращении к Жуковскому.

Таков наш великий национальный поэт, как он представляется нам теперь, через полтора века после его рождения.

Некогда Тургенев в заключительном своем стихотворении в прозе написал следующие знаменательные для нас строки:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Не будь тебя, как не впасть в отчаяние

при виде всего, что творится дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

В сумраке нынешних дней, в минуты тяжелых сомнений и раздумий о дальнейших судьбах нашей Родины, нашим ярким светочем, нашей опорой и утешением служит великий, могучий правдивый и свободный гений Пушкина.

Нельзя не верить, что такой гений мог быть дан только великому народу. Мы радуемся, что он остается донине созвучен уму и сердцу Русского Народа, доказывая тем свое бессмертие. Среди нынешних страданий нашей Родины, павших своею тяжестью на каждого из нас, нам особенно отрадно слышать ободряющее мудрое слово поэта:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись.
В день уныния смирись,
День веселья, верь, настанет,
.....
Все благо .....
Благословен и день забот.
Благословен и тьмы приход.

Откуда почерпнул Пушкин эту жизненную философию, столь сродную нашему народу и в то же время глубоко христианскую по своему существу, поскольку она проникнута духом смирения, терпения и покорности своему жребию?

Он взял ее из своего собственного русского сердца и из векового опыта нашей истории. Если поэтов, по его слову, охраняет «Промысл высокий и святой», то тем более он бодрствует над Русским народом, которому указано от Него особое «предназначение». Постигавшие его в его исторических судьбах «иску-

шения долгой кары» только укрепляли его дух, возрождая его к новой жизни.

Прошлое таит в себе залог будущего. Поэтому, «в надежде славы и добра, вперед мы можем смотреть без боязни», как бы ни были велики наши испытания.

Пушкин всем нам передал глубокую веру в неизживаемую духовную силу России, и мы все должны «почтить в нем вдохновение», которым почтил его Бог, и воздать благодарение Всеблагову Небесному промыслу за то, что Он явил нам этого поистине великого, отмеченного особо печатью Божиею Русского человека, 150 лет тому назад.

Наша Вести

Издание Союза Членов Русского Корпуса

Редактор Н.Н. Протопопов

Адрес: Nashi Vesti
P.O. Box 5741
Presidio of Monterey, CA 93940

Подписка: \$12.00 в год.

А.С. ПУШКИН

(ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ГЕНИАЛЬНОГО ПОЭТА).

Для того, чтобы правильно рассмотреть большую картину, надо встать перед ней не слишком близко и не слишком далеко. Если мы будем смотреть слишком близко, то детали заслонят от нас целое и мы, как говорится, «из-за деревьев не увидим леса»; если же, наоборот, мы будем смотреть издалека, то не заметим драгоценных деталей и тонких нюансов, часто являющихся ключом к пониманию целого. Иными словами, необходимо найти так называемую «фокусную» точку зрения, которая даст нам правильное впечатление и о деталях и о целом.

Такая «фокусная» точка зрения существует и в духовном восприятии личности человека. Ее очень трудно найти. Родные и близкие – обычно знают все мелочи и недостатки человека, но часто не понимают личности в целом; чужие и дальние – схватывают только поверхностную целостность, но не видят и не понимают деталей и нюансов. Особенно трудно воссоздать и правильно представить личность человека отдаленной эпохи, т.е. историческую личность. Историк и, особенно, историк литературы обязан найти такой «фокус» для правильного истолкования изучаемой личности. Материалами для правильного понимания писателя служат: объективная, строго документированная биография; автобиографические сведения и дневники; черновые рукописи, с их поправ-

ками, исправлениями, набросками, заметками, планами; записные книжки и письма; воспоминания современников (чем их больше, чем они разностороннее, чем разнообразнее, и даже чем они более противоречивы – тем лучше).

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве, в дворянской помещичьей семье (отец его был майор в отставке), 26 мая 1799 года, в четверг, в день праздника Вознесения Господня. Эти сведения о месте и времени рождения Пушкина можно рассматривать, как некие символы. Величайший русский национальный поэт – родился в Москве, в сердце России, и сам стал сердцем русской литературы; он родился в чудесном весеннем месяце мае – и явил собою светлую дивную весну чудесной русской литературы. Пушкин родился в последний год 18-го века – блистательного века классицизма, – и взял от него самое ценное: способность в художественном творчестве у м о м охлаждать страсти, кипучую действительность жизни преобразовывать в холодный мрамор словесной скульптуры; а затем, – уже силой своего личного гения, – одухотворять этот мрамор и претворять его в реальную живую жизнь. Пушкин родился в день Вознесения, – и весь его жизненный и творческий путь явил собою непрерывное восхождение к недостижимому на земле истинному идеалу Совершенства, который, в его понимании, представлял собою триединый троесвятенный образ Истины, Добра и Красоты. Не случайно и последние предсмертные слова его – «выше, пойдем выше» – звали стремиться ввысь.

Жизнь гения всегда трагична. «Много дано – много и спросится». Достойное несение великого бремени гениальности – тяжелый крест. Жизнь Пушкина была исключительно трагична и представляла собою, прежде всего, непрерывный нравственный

подвиг непрестанной борьбы со своими страстями. От рождения Пушкин получил очень тяжелую порочную наследственность, как со стороны отца, так и со стороны матери. Чрезвычайно рано проснувшиеся страсти истязали чуткую и нежную по природе душу поэта в течение всей его жизни.

Как известно, Пушкин, по материнской линии был правнуком знаменитого «арапа Петра Великого» и унаследовал бурные «африканские страсти» своего прадеда.

Сам поэт, в своей «Автобиографии» сообщает жуткие данные о своей наследственности. Вот что он пишет о своих предках.

«Прадед мой (по отцу) Александр Петрович был женат на меньшей дочери графа Головина, первого Андреевского Кавалера. Он умер весьма молодым, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович... дед мой, был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него перепелась...»

«Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька». (Это и был знаменитый и известный своей судьбой «арап Петра Великого», которому была дана фамилия Ганнибал).

«В семейственной жизни прадед мой Ганнибал» — пишет Пушкин, — «так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею раз-

велся и принудил постричься в Тихвинском монастыре... Вторая жена его, Христина-Регина фон Шенберг... родила ему множество черных детей обоего пола... Дед мой, Осип Абрамович... женился на Марье Алексеевне Пушкиной... И сей брак был несчастлив... Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после этого бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре».

Отец поэта, Сергей Львович Пушкин (1770-1848 гг.) получил светское французское воспитание в духе вольнодумства 18-го века. В основе этого воспитания лежала скептически-атеистическая французская философия и эротическая французская литература. Особый успех он имел в салонных играх, требовавших остроумия и игривости ума. Был он прекрасный актер и декламатор, мастерски читал Мольера, писал легкие французские и русские стихи. Интересуясь литературой, был лично знаком с Дмитриевым, Карамзиным, Жуковским, Батюшковым и другими литераторами. Летом 1814 года он вступил в масонскую ложу «Северного Щита», но активного участия в ней не принимал. Будучи бессердечным эгоистом, он имел склонность к чувствительности и слезливости, любил патетические вопли и декламационные жесты. Основная черта его личности была постоянная душевная фальшивость и актерство в

жизни. К детям своим Сергей Львович был глубоко равнодушен. Никакой душевной близости с ними у него никогда не было. Никакой душевной ласки дети никогда от него не имели. Сергей Львович умер 78 лет, в 1848 году, на 11 лет пережив своего великого сына. Двенадцать лет он прожил одиноким вдовцем. Однако, продолжал изысканно одеваться, балагурить, ухаживать за молодыми девушками и даже 10-летними девочками, влюблялся в них и писал любовные стихи. Несколько раз он сватался к молодым девицам, будучи на 50-60 лет старше их. Между прочим он ухаживал за А.П. Керн, которую воспел Пушкин, писал ей страстные любовные письма, а затем влюбился в ее дочь, Екатерину Ермолаевну, подбирал и ел кожицу от клюквы, которую она выплевывала... За несколько дней до своей смерти он умолял ее выйти за него замуж... Таким «павианом во фраке» был отец Пушкина.

Мать Пушкина, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал, была легкомысленной, ветреной, избалованной и капризной женщиной. Она была очень хороша собой и в свете ее прозвали «прекрасной креолкой». Мало интересуясь французской философией, она знала французскую литературу, вполне сходясь в этом отношении во вкусах со своим мужем, очаровывая светское общество не только своей красотой, но и остроумием и веселостью. Питала отвращение ко всякому труду и, подобно мужу, запустившему управление имениями, она совершенно запустила свое домашнее хозяйство. Надежда Осиповна была вспыльчива, властна и взбалмошна. Муж находился у нее под башмаком. У нее было трое детей: старшая дочь Ольга, сын Александр (поэт), – которых она не любила, и младший сын Лев, которого обожала. Старших детей она часто подвергала несправедливым и

унизительным наказаниям. Никакой материнской ласки старшие дети не знали. Поэтому, когда 12-летнего отрока-Пушкина повезли в Петербург, для помещения в Лицей, – он покинул родителей без всякого сожаления.

Надежда Осиповна умерла ровно за 10 месяцев до трагической кончины своего великого сына. Умерла она в первый день светлого Христова Воскресения, в самую заутреню, 29 марта 1836 года. В последний год ее жизни, когда она серьезно заболела, Пушкин стал чрезвычайно внимателен и почтителен к ней, проявляя искреннюю заботливость и нежную любовь. Баронесса Е.Н. Вревская, в заметке, бывшей в распоряжении историка М.И. Семецкого («Русский Вестник», 1869 г., №11, 89), сообщила по этому поводу очень ценные сведения. «Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына (Льва), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу. Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такой нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она поняла свою несправедливость и просила у него прощения, сознаваясь, что не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал...»

Брат отца, дядя Пушкина Василий Львович (1767–1830), второстепенный, но известный в свое время поэт, был немногим лучше своего брата. Пи-

сал он, подражая стилю Дмитриева и Карамзина, послания, элегии, басни, сказки, сатиры обычно легкомысленного, а порой и непристойного содержания, вкрапливая для остроты в свои произведения даже и совсем неприличные слова. Пушкин ценил дядю и его стихи только в самой ранней юности. Позднее же он постоянно отзывался о нем с насмешкой и пренебрежением, а иногда с горьким сожалением. В 1830 году, незадолго до смерти Василия Львовича, Пушкин писал о нем Вяземскому: «Бог знает, чем и зачем он живет».

Правильное воспитание и моральная среда, в которой живет и развивается ребенок, могут во многом парализовать тлетворное влияние порочной наследственности. Но Пушкин был лишен и этого. Воспитание, которое он получил в семье и в школе (в Лицее), нельзя назвать иначе, как развращающим и растлевающим сердце и ум.

Пушкин родился почти уродом. Обезьяноподобный, волосатый, он рос вялым, малоподвижным, торпидным, тупым, угловатым, неуклюжим ребенком, ужасавшим своим видом и поведением родителей. Затем он вдруг резко переменялся: стал, наоборот, необычайно подвижным, легко возбудимым, взрывчатым, оставаясь долгое время угловатым и неуклюжим. Недаром и прозвища впоследствии у него были: «Искра» и «Сверчок» (Между прочим, нежный Жуковский называл его: «сверчок моего сердца»). Африканская кровь предков по матери породила у Пушкина африканские страсти и создала его взрывчатый желчный темперамент. К этой крови присоединилась извращенная, порочная и преступная кровь его европейских предков со стороны отца, грозившая роковым образом предопределить на всю жизнь порочное развитие его моральной личности. Семейное и школь-

ное воспитание во многом углубило тяжелую наследственность. Рано научившись читать, отрок Пушкин нашел в огромной библиотеке отца массу атеистической и эротической французской литературы, с которой жадно стал знакомиться. Запойное чтение этой развращающей сердце литературы питало рано пробужденные чувственные страсти, а скептические и атеистические идеи, преподносимые в ироническом и сатирическом освещении, развращали юный ум.

С ранних лет отданный на руки гувернанток и гувернеров, сомнительной нравственности и к тому же часто менявшихся, лишенный родительского внимания и ласки, вполне предоставленный бесконтрольной соблазнительности в выборе чтения, рано узнавший из неосторожных разговоров взрослых в гостиной, в лакейской и в девичьей о том, что на языке этих взрослых называлось «любовью», отрок Пушкин был уже глубоко отравлен ядом кощунства, цинизма и скепсиса, надолго развративших его живое творческое воображение. Очень рано чуткое ухо отрока познакомилось и с тем, что называется сквернословием, образцы которого, главным образом на русском языке (хотя дома говорили большей частью по-французски) он часто слышал. И привычка сквернословить долго и прочно держалась у Пушкина. Если не вовсе отучил, то во всяком случае весьма содействовал искоренению этой привычки у русского великого поэта, — его друг, великий польский поэт Мицкевич.

Все складывалось так, что Пушкин мог совершенно нравственно погибнуть. Но, к счастью, по милости Божьей, даны были Пушкину и благие дары свыше; посланы были и добрые влияния на его жизненном пути, начиная даже с колыбели. Среди даров, посланных свыше, надо отметить врожденное боль-

шое доброе сердце, чрезвычайно чуткую совесть, повышенную моральную самокритику, исключительную высочайшую и чистейшую эстетическую одаренность вообще и светлый поэтический гений в особенности, особую ясность творческого ума и мужественную волю. При наличии этих врожденных подарков с неба – невозможно было стать Пушкину не религиозным, невозможно было ему не откликаться на благие влияния, зовущие к свету Божественной Истины, Добра и Красоты. Носителями таких благих и добрых влияний, посеявших в глубину глубин души Пушкина, с ранних лет его детства и отрочества, неумирающие семена подлинно «разумного, доброго, вечного» – были: бабушка Мария Алексеевна Ганнибал, горячо и нежно любившая внука и в свою очередь любимая им; прославленная любимая няня Пушкина Арина Родионовна; диакон о. Александр Иванович Беликов (окончивший Славяно-греко-латинскую академию), преподававший отроку Пушкину Закон Божий, Русский язык и арифметику (с 1809 по 1811 гг.); и, наконец, – дядька Никита Козлов, состоявший при Пушкине в детстве в Москве, затем, после окончания Лицея в Петербурге; был при Пушкине в ссылке на юге и в селе Михайловском; служил камердинером после женитьбы Пушкина и отвозил со своим барином тело матери поэта из Петербурга в Святые Горы; а в начале февраля 1837 г. отвозил туда же гроб с телом самого поэта. Жандармский офицер Ракеев, по долгу службы сопровождавший гроб Пушкина, рассказывал: «... Человек у Пушкина был ... Что за преданный был слуга. Смотреть было даже больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: ни ест, ни пьет» (В. Вересаев, «Спутники Пушкина», М. 1937 г. I т. стр. 38).

Бабушка Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал (1745-1818), по общим отзывам была очень умная и рассудительная женщина. Дельвиг, друг Пушкина, приходил в восторг от письменного слога Марии Алексеевны, от ее сильной и простой русской речи. Когда ребенку грозило наказание от отца или матери (часто незаслуженное, жестокое и даже несправедливое), то он убегал к защитнице-бабушке, где его уже не трогали. Бабушка и няня Арина Родионовна, рассказывали младенцу и отроку Пушкину народные сказки, а чтобы он не страшился их – учили его молиться и креститься и сами его крестили. В стихотворении «Сон» (1816 г.) Пушкин так об этом вспоминает:

«...Ах! умолчу ль о мамушке моей
(трудно сказать к кому это относится – к бабушке или к няне?)

О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...»

В 1806 г. Мария Алексеевна купила под Москвой прелестное сельцо «Захарово», в котором Пушкины проводили летнее время. С няней Ариной Родионовной (1758-1828) Пушкин особенно сблизился и глубоко ее оценил в годы вынужденного своего пребывания в селе Михайловском. Не знавший в детстве и юности материнской ласки, Пушкин относился к горячо любившей его няне с истинно сыновней нежностью, трогательно называя ее в одном из своих стихотворений – *«голубка дряхлая моя»*.

Лето, проведенное отроком Пушкиным в селе «Захарово», – всегда освежало юную душу глубокими

впечатлениями дивной русской деревенской природы. Но с наступлением осени – надо было возвращаться в Москву, где соперники бабушки и няни – Вольтер, Руссо, Парни, Жак Вержье, Жан Грекур – снова завладевали и пленяли неопытное сердце и незрелый еще ум отрока-поэта.

Из массы прочитанных авторов французской литературы, именно Вольтер и Парни долгое время владели умом и душой Пушкина. Именно этим двум авторам он старался подражать, восхищаясь изяществом бесстыдных их творений и тонкой язвительностью их кощунственной насмешки над религией. Это им, в конце концов, обязан Пушкин самым позорным грехом своей жизни: сочинением в 1821 г., в Кішеневе, кощунственно-циничной поэмы «Гаврилады», облеченной в изящно-привлекательную поэтическую форму. Как известно, Пушкин от этой поэмы с мучительным стыдом и омерзением отрекался потом всю жизнь.

После более чем достаточной домашней подготовки, встал вопрос об определении 12-летнего отрока Пушкина в какое-нибудь привилегированное учебное заведение для продолжения образования. В это время шла борьба за влияние между иезуитами и масонами. На семейном совете сначала решено было отдать Пушкина в петербургский закрытый пансион отцов-иезуитов, в котором воспитывалось много детей русских аристократов. Но планы эти неожиданно изменились. Стало известным, что под Петербургом, в Царском Селе, открывается новое привилегированное учебное заведение – Царскосельский Лицей – на каких-то совсем новых началах и что попасть в этот Лицей – великая честь. Первоначально проект Лицея, повидимому, был составлен директором департамента Министерства Народного Просвещения, по указаниям

Сперанского. Перед Пушкиными встал вопрос – куда же отдать сына? В иезуитский Петербургский пансион или в Царскосельский либеральный Лицей? Либералы же в большинстве своем были масоны. Дело решилось случайно, благодаря личным знакомствам и связям: с директором будущего Лицея В.Ф. Малиновским и директором Департамента Духовных Дел А.И. Тургеневым. Оба были масонами и врагами иезуитов. Помогли связи и протекции поэта И.И. Дмитриева, который тогда был министром Юстиции, и графа А.К. Разумовского, министра Народного Просвещения. Пушкин 12 августа 1811 г. выдержал вступительные экзамены и был принят в число лицеистов. При приеме он познакомился и сразу же подружился с другим принятым лицеистом, Ив. Ив. Пущиным.

Царскосельский Лицей открылся 19 октября 1811 года. На торжестве открытия присутствовали: Император Александр I, обе императрицы, великие князья, члены Государственного Совета, духовенство, министры, придворные и другие сановники. После кратких официальных речей И.И. Мартынова (директора Департамента Министерства Народного Просвещения, одного из составителей лицейского Устава) и директора Лицея В.Ф. Малиновского, с большим пафосом произнес речь профессор политических наук А.П. Куницын, окончивший свое образование в Германии, в Геттингенском Университете. Интересно, что кроме Куницына получили образование в Геттингенском Университете еще и другие профессора Лицея: словесник А.И. Галич, математик Я.И. Карцев, историк И.К. Кайданов. Ближайшим помощником директора Лицея первое время был профессор Ник. Фед. Кошанский, окончивший философское отделение Московского Университета. Он преподавал ла-

тинский язык и русскую словесность. Кошанский как и Малиновский, тоже был масон. Все вышеуказанные профессора были ревнителями традиции масона Новикова. Немецкий язык и немецкую словесность преподавал Фед. Матв. Гауэншильд, масон, при помощи которого Сперанский предполагал устроить специальную масонскую ложу, в которую хотел привлечь русских архиереев, склонных к реформации. Этот странный проект Сперанский не осуществил. Такой подбор преподавателей удовлетворял планам Сперанского, но министр Народного Просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский в это время уже разочаровался в масонстве и, ставши поклонником иезуитов, почитал известного философа Жозефа де Местра, мечтавшего о насаждении в России католицизма. Но самым своеобразным преподавателем Лицея был профессор французской литературы де Будри. Это был его псевдоним, а настоящая фамилия его была Марат и он был родным братом знаменитого якобинца Марата. Законоучителем был назначен настоятель Придворной церкви о. Николай Вас. Музовский. 21 января 1816 г. на место о. Музовского законоучителем Лицея был назначен о. Гавриил Полянский. В сентябре же этого 1816 года, на место о. Полянского был назначен о. Герасим Петрович Павский (впоследствии известный враг митрополита Филарета). Между прочим, выпускной экзамен по Закону Божьему, состоявшийся 16 мая 1817 года, происходил в присутствии кн. Голицына (исправл. должность министра Народного Просвещения), архимандрита Филарета (Дроздова), впоследствии знаменитого московского митрополита, архимандрита Иннокентия (Смирнова) и о. Герасима Павского.

Первый директор Лицея Вас. Фед. Малиновский окончил Московский Университет. Интересно отме-

тить, что он был автором книги «Рассуждение о мире и войне», в которой проводилась чисто масонская идея проекта вечного мира, при помощи Международного Трибунала Наций, где должны были решаться все спорные вопросы международной политики.

Пушкин провел в Лицее 6 лет (с 1811 по 1817 гг.). Окончил он по второму разряду, имея отлично только по русской и французской словесности и по фехтованию.

Чувство «дружбы» – было особенно развито у Пушкина; оно как бы компенсировало ему недостаток родительской любви и ласки в прошлом. В Лицее у него было много друзей: Пущин, про которого он позднее написал – «Мой первый друг, мой друг бесценный»; Дельвиг, про которого, после его смерти, Пушкин писал Плетневу – «Никто на свете не был мне ближе Дельвига»; Кюхельбекер, поэт с которым так смело и трогательно Пушкин обнялся, когда встретил его, перевозимого из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую; Илличевский – тоже поэт; Малиновский, с которым Пушкин поклялся быть в вечной дружбе и которого трогательно вспомнил перед кончиной; Матюшкин, ставший моряком, и под конец жизни бывший контрадмиралом и сенатором, которому посвятил несколько теплых строк Пушкин в своем стихотворении «19 октября 1825 г.»; Вольховский, первый ученик, окончивший с большой золотой медалью, пленивший Пушкина своей спартанской воздержанностью и строгостью к себе; Яковлев, талантливый сочинитель романсов на слова Пушкина и Дельвига; Данзас, впоследствии секундант Пушкина на последней дуэли; Корсаков; Горчаков, с которым, правда, дружба была лишь в стенах Лицея.

19 октября – день открытия Лицея – всегда торжественно праздновался; по окончании Лицея лицей-

сты обычно собирались ежегодно в этот день. Пушкин посвятил этому дню несколько стихотворений: в 1825, 1827, 1828, 1831, и 1836 гг.

В Царском Селе, в стенах Лицея, Пушкин начал писать свои первые стихи (детские опыты до нас не дошли). Когда, «при кликах лебединых» (по выражению самого поэта), уединенному в аллеях Царскосельского парка юноше «стала являться Муза», – он внимал ей всем существом: и душой и телом. И совершалось дивное и чудное чудо: «уродливый» Пушкин превращался в эти минуты в статного, стройного, изящного и красивого юношу. Раздвигались плечи, расширялась грудь, становились прекрасными походка и плавные движения рук, голова подымалась вверх, лицо преображалось, светлело внутренним восторгом, свидетельствуя о том, что поэт «приносит священную жертву Апполону»... «Безобразный утенок» превращался в эти мгновения в «Царскосельского лебедя». С годами эти метаморфозы стали случаться все чаще и чаще, и каждый раз стали оставлять после себя глубокие следы: духовный рост поэта постепенно изменял его телесный облик.

Большую роль в деле умственного и нравственного развития лицеистов сыграла Отечественная война 1812 года. В лицейскую годовщину 1836 г. Пушкин так вспоминал об этом времени:

Вы помните: текла за ратью рать
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

В 1815 г., на Лицейском Акте, Пушкин прочитал свое стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» – в присутствии самого Державина. Пушкин сам об этом сообщает так: «Я прочел мои 'Воспоминания в

Царском Селе', стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминается имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли».

С этого замечательного дня можно считать, что юный Пушкин – догнал своего великого учителя, самого крупного поэта 18 века – Державина. Эти стихи Пушкина не только равны державинским, но местами – совершеннее. Знаменитые строчки, где упомянут Державин, были следующие:

«Державин и Петров героям песнь бряцали

Струнами громкозвучных лир.

Тремя словами охарактеризована вся сущность формы державинских стихов.

В своем романе «Евгений Онегин», в 8-й главе, Пушкин, вспоминая лицейские годы, когда ему стала являться муза, говорит о ней:

«Весной, при кликах лебединых

Близ вод, сиявших в тишине,

Являться муза стала мне.

Моя студенческая келья

Вдруг озарилась: муза в ней

Открыла пир молодых затей,

Воспела детские веселья,

И славу нашей старины,

И сердца трепетные сны.

И свет ее с улыбкой встретил;

Успех нас первый окрылил;

Старик Державин нас заметил

И, в гроб сходя, благословил».

Начитанность Пушкина при поступлении в Лицей

была поразительная. В Лицее он продолжал так же много и жадно читать и, за 6 лет учения, к концу курса, основательно ознакомился с историей литературы: античной, всеобщей (особенно французской) и русской (как 18 века, так и начала 19-го). Лицей был строго закрытое, с интернатом, учебное заведение, но в старших классах дисциплина значительно ослаблялась и лицеисты пользовались большей свободой в деле общения с внешним миром. 19 октября 1814 г. в Царском Селе расположился, прибывший из Парижа, Лейб-Гвардии Гусарский полк, среди офицеров которого позднее оказались такие культурные и образованные люди, как Чаадаев, Каверин, Николай Раевский-младший, с которыми в 1816 г. познакомился и подружился Пушкин.

Искренность, откровенность, прямодушие, непосредственность, честность и смелость натуры Пушкина привели к тому, что почти все поэтическое творчество лицейского периода превратилось в лирическую декларацию о своих недостатках и пороках. Анакреонтический дух этой лицейской лирики был обусловлен психологией творчества юного поэта, поживавшего сладкие на вкус, но горькие по существу плоды порочной наследственности и порочного семейного воспитания. Только этими последними влияниями и можно объяснить наличие в лицейской лирике непристойных стихов.

Главными учителями Пушкина в русской поэзии были: Державин, Жуковский и Батюшков, затем Крылов и, в прозе, Карамзин. Огромное моральное влияние на Пушкина имел Жуковский, которого воистину можно назвать Ангелом-Хранителем поэта.

Лично Пушкин познакомился с Жуковским будучи еще лицеистом, в 1815 году, когда Жуковский приезжал в Царское Село. Впоследствии Пушкин так

вспоминал о первой их встрече:

«Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молненной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела».

В 1817 г. Пушкин окончил Лицей и после короткого пребывания в селе Михайловском и в селе Тригорском (где он познакомился и подружился с семьей культурной помещицы Прасковьи Александровны Осиповой), – поселился в Петербурге. Уезжая из с. Тригорского, он написал стихотворение «Простите верные дубравы», которое заканчивалось так:

«...Приду под липовые своды
На скат Тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселых граций и ума».

Последние слова чрезвычайно характерны для Пушкина: в нем самом было это редкое гармоническое сочетание эстетической одаренности и ума.

В стихотворении 1825 г. – «Вакхическая песня» Пушкин вновь повторил эту же мысль: «Да здравствуют музы, да здравствует разум». В душе Пушкина были и «музы» и «разум». Известна работа М.О. Гершензона – «Мудрость Пушкина». О духовном содержании поэзии и мысли Пушкина, в необъятной литературе о нем вообще (со всех других точек зрения), имеется мало серьезных исследований. Кроме вышеуказанной книги Гершензона можно указать только несколько светских авторов, писавших на эту тему: Мережковский, Айхенвальд, Франк, Струве, Цириков, Гофман, И.А. Ильин, А.В. Тыркова, и три выдающихся работы высоких духовных писателей: Архиепископа Никанора Херсонского и Одесского – «Беседа о Пушкине» («Душеполезное Чтение» 1899 г.), Митрополита Антония (Храповицкого) – «Пушкин

как нравственная личность и православный христианин» (Белград, 1929 г.) и две работы митрополита Анастасия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви – «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви» (Мюнхен, 1947) и «Нравственный облик Пушкина» (Джорданвилль, 1949). У последних трех авторов дается целостный, правдивый, правильный, документально точный, убедительный и живой, нравственный образ Пушкина, как христианина. После чтения работ этих трех авторов, нельзя без чувства нравственного негодования и омерзения, – знакомиться с недобросовестными «исследованиями», стремящимися изобразить Пушкина атеистом, материалистом, революционером, мечтавшим о коммунизме. Ни один писатель в мире не мог бы так обрушиться на коммунизм со всей мощью своего гениального ума, со всем благороднейшим своим сердцем и со всей своей непреклонной и неподкупной волей, как обрушился бы Пушкин, будь он жив в настоящее время.

Период жизни Пушкина с 1818 по 1820 гг. – это «период Зеленой лампы». (Название случайное: друзья Пушкина собирались у Никиты Всеволодовича Всеволожского, у которого дома была зеленая лампа). Всеволожский был сын камергера, богач. Служил вместе с Пушкиным в Коллегии Иностранных Дел. «Лучший из минутных друзей моей минутной молодости» – так иронически-грустно отзывался о нем впоследствии Пушкин. У Всеволожского собирались для кутежей, попоек, картежной игры, легких бесед, но иногда тут поднимались и политические разговоры, инспирируемые проникавшими на эти собрания членами тайных обществ (С. Трубецкой, Я. Толстой, Ф. Глинка и др.). В жизни Пушкина этот период «Зеленой лампы» был периодом нравственных

падений и политических заблуждений. Но чуткая душа поэта нашла в себе силы вылезти из нравственного болота, и символом этой победы явилось стихотворение «Возрождение» (1819 г.).

«Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей:
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных чистых дней.

Пушкин падал, но раскаивался и подымался. Пушкин грешил, но грехов не забывал и мучился при воспоминании о них. Чрезвычайно характерно, в этом отношении, стихотворение «Воспоминание», написанное в 1828 году. В нем имеются такие покаянные строки:

«...Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток: –
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю...»

Нет никакого сомнения в том, что в этом стихотворении Пушкин выражает свое мучительное раскаяние в прошлых грехах, хотя имеются в литературе попытки иного толкования, надуманный и натянутый характер которых резко бросается в глаза (см. например, В.В. Вересаев – «В двух планах», М. 1929 г. стр. 126: «'Воспоминание' – это не восстание совести,

не горькое покаяние человека, стыдящегося ненормальной своей жизни; это – тоска олимпийского бога, изгнанного за какую-то вину на землю, томящегося тяжелой и темной земной жизнью». Еще нелепее попытка придать этому стихотворению характер политического раскаяния в своих «грехах» перед революцией – см. Н.А. Степанов: «Лирика Пушкина» М. 1959 г.).

Первым большим по объему произведением Пушкина была поэма «Руслан и Людмила». Начата эта поэма была еще в Лицее, в 1817 году; продолжал он писать ее в селе Михайловском (во время летнего там пребывания), и в Петербурге, в период «Зеленой лампы», среди самой рассеянной жизни. Окончена эта поэма была на страстной неделе в великую пятницу 26 марта 1820 года. Эпилог поэмы был написан позднее, 26 июля 1820 г., уже на Кавказе. «Пролог» («У лукоморья дуб зеленый») был написан еще позже, в селе Михайловском. Поэма была напечатана в 1820 году.

26 марта (в день окончания поэмы) Жуковский подарил Пушкину свой портрет с трогательной искренней надписью – «Победителю-ученику от побежденного учителя». Это была правда: в 1820 году Пушкин уже превзошел своего учителя – Жуковского (первого – Державина – он превзошел еще в Лицее). В это же время и Батюшков (третий учитель Пушкина) – признал превосходство поэта и воскликнул: «Злодей, как он стал писать».

В этот же период своей жизни (т.е. от окончания Лицея до окончания «Русалана и Людмилы», с 1817 по 1820 гг.) Пушкин написал много так называемых «вольных стихов» (ода «Вольность», «Деревня», эпиграммы на Императора Александра Павловича, на Аракчеева, на архимандрита Фотия, на кн. Голицына,

А конец стихотворения – умен, благороден и правдив:
«...Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?»

Невольно вспоминается дивная народная русская песня, созданная в год освобождения крестьян, в 1861 году, когда законное чаяние Пушкина именно так и осуществилось:

«Ах ты воля, моя воля,
Воля чудная моя,
Воля сокол поднебесный,
Воля светлая заря.
Не с зарей ли ты спустилась,
Не во сне ли вижу я,
Знать горячая молитва
Долетела до Царя».

Если период «Зеленой лампы», период нравственных падений, – завершается покаянным настроением (стих. «Возрождение»), то и период бурных политических страстей (под влиянием атмосферы «декабрьского движения») – не целиком захватывал поэта, что видно из других произведений этого же периода. В 1818 году, Пушкин написал в ответ на предложение фрейлины Нат. Як. Плюсковой, следующее стихотворение в честь Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны: (Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения» в 1819 г., № 10):

«На лире скромной, благородной,
Земных богов я не хвалил
И силе, в гордости свободной,
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учась славить,
Стихами жертвуя лишь ей,

Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой, –
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Эта свободная независимость личных суждений и оценок – чрезвычайно характерна для Пушкина. Пушкин никогда не был и не мог быть партийным, а потому и политические его оценки носили нравственный характер. Смелое прямотушие заставляло его мужественно защищать справедливость, на чьей бы стороне она ни была. (В этом отношении подобен Пушкину был поэт А.К. Толстой – ср. его «Двух станов не боец, но только гость случайный»).

Пушкин был переведен на службу в канцелярию главного попечителя колонистов Южного края, генерала И.И. Инзова, находившуюся тогда в г. Екатеринославе. При этом, по Высочайшему повелению, Пушкину было выдано на проезд 1000 рублей. От Министерства Иностранных Дел и Иностранной Коллегии генералу Инзову было послано письмо, составленное графом И. Каподистрией, подписанное графом К.В. Нессельроде и утвержденное Императором Александром Павловичем. В этом письме были следующие замечательные строки:

«Исполненный горестей в продолжении своего

детства, молодой Пушкин покинул родительский дом, не испытывая сожаления. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремление к независимости. Этот ученик (Лицея) уже в раннем возрасте проявил гениальность необыкновенную. Успехи его в Лицее были быстры, его ум возбуждал удивление, но его характер, повидимому, ускользнул от внимания наставников...» «Нет такой крайности, в какую бы не впадал этот несчастный молодой человек, как нет и такого совершенства, которого он не мог бы достигнуть превосходством своих дарований...» «Несколько стихотворений, а в особенности ода на свободу, обратили на г. Пушкина внимание Правительства. Наряду с величайшими красотами замысла и исполнения, это последнее стихотворение обнаруживает опасные начала, почерпнутые в современной школе или, лучше сказать, в той анархической системе, которую люди неблагонамеренные называют системой прав человека, свободы и независимости народов. Тем не менее, гг. Карамзин и Жуковский, узнав об опасности, угрожавшей молодому поэту, поспешили преподать ему свои советы, побудили его сознаться в своих заблуждениях и взяли с него торжественное обещание навсегда от них отказаться». (Примечание: Карамзин об этом писал Дмитриеву иначе: «Я просил о нем из жалости к таланту и молодости: авось, будет рассудительнее; по крайней мере дал мне слово на два года»). Письмо, так умно и справедливо составленное министром Каподистрией генералу Инзову, заканчивалось так: «Его судьба (т.е. Пушкина) будет зависеть от Ваших добрых советов. Благоволите же преподать ему таковые. Благоволите просветить его неопытность, внушая ему, что достоинства ума без достоинств сердца яв-

ляются почти всегда гибельным преимуществом, и что весьма многие примеры показывают, что люди, одаренные прекрасным гением, но не искавшие в религии и нравственности охраны против опасных уклонов, были причиной несчастий как для себя самих, так и для своих сограждан».

Благое Провидение было очень милостиво по отношению к Пушкину. Генерал Инзов оказался прекрасным человеком. В молодости он некоторое время был масоном, но позднее отрезвел. Он искренно любил поэта и отечески о нем заботился.

По приезде в Екатеринослав, Пушкин простудился и заболел. В это время, через Екатеринослав проезжал прославленный герой войны 1812 г. генерал Н.Н. Раевский со своей семьей (сыном и двумя дочерьми). Сын генерала, молодой Николай Раевский, был другом Пушкина. Раевские попросили ген. Инзова отпустить поэта с ними в путешествие по Кавказу и Крыму. Во время этого путешествия Пушкин особенно отметил и чрезвычайно высоко оценил младшую дочь Раевского Марию Николаевну, бывшую тогда почти еще девочкой. Впоследствии (в 1825 г.) Мария Раевская вышла замуж за декабриста князя Серг. Григ. Волконского и последовала за ним в ссылку в Сибирь. (Некрасов позднее воспел ее в своей поэме «Русские женщины»). Мария Волконская несомненно является одним из прообразов Татьяны Лариной («Евгений Онегин»). Ей же, повидимому, посвящена и поэма «Полтава».

Пока Пушкин путешествовал (с конца мая по 2-ое сентября 1820 г.), генерал Инзов был переведен в г. Кишинев. Начался Кишиневский период жизни Пушкина. Его можно назвать своего рода повторением периода «Зеленой лампы», причем нравственные падения поэта на этот раз были еще глубже и

страшнее. Но и муки совести были не меньше. Безделье, кутежи, карты, попойки, ссоры, дуэли, увлечения женщинами – вот канва его внешней жизни. А одновременно с этим, в глубине глубин его души шла мучительная внутренняя борьба и зрели творческие силы.

Самым огромным грехом этого периода жизни и, можно определенно утверждать, что и самым огромным грехом всей его жизни – была кощунственно-циничная поэма «Гаврилиада», написанная в апреле 1821 г., облеченная в изящную форму, что делало грех поэта особенно тяжким. Хотя не имеется ни одной строчки этой поэмы, написанной рукой Пушкина, но имеется собственноручно им написанный план ее. Как известно, поэт отрекался от нее всю жизнь. Когда позднее, в 1828 г. было начато по этому поводу следствие и от Пушкина требовали точных сведений о том: когда, где, при каких обстоятельствах, через кого он познакомился с этой поэмой, – поэт попросил разрешения лично, в закрытом конверте, передать письмо самому Государю. После этого, по распоряжению Императора Николая Павловича, – дело было преркшено. Не может быть никакого сомнения в том, что Пушкин во всем признался Государю, но искренно и убедительно высказал свое глубокое искреннее раскаяние.

Из Кишинева Пушкин несколько раз приезжал в село Каменку, Киевской губернии, в большое богатое поместье Екатерины Николаевны Давыдовой, по первому браку – Раевской. Ее сыновьями были: знаменитый генерал Н.Н. Раевский (старший) и А.Л. и В.Л. Давыдовы. С последним Пушкин познакомился в Кишиневе и был в приятельских отношениях. Василий Львович Давыдов был одним из деятельнейших членов Южного Тайного общества. В Каменке еже-

годно съезжались для совещания члены этого общества. На один из этих съездов попал и Пушкин. Он не знал о существовании тайного общества, но догадывался о нем. Беседы с заговорщиками, особенно с председателем собрания, Вас. Львовичем Давыдовым не могли не действовать на Пушкина развращающим образом, как в политическом, так и в религиозно-нравственном отношении. Именно этими влияниями и можно объяснить те кощунственные стихотворения, которые в это время написал Пушкин, одновременно с «Гаврилиадой». Особенно цинично-кощунственное стихотворение, прямо и посвященное В.Л. Давыдову, написано было на Страстной неделе Великого Поста 1821 г., после исповеди и причащения Св. Таинств. Заканчивалось это стихотворение восхвалением восстания и восклицанием:

«...Ужель надежды луч угас?
Но нет! – мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся –
И я скажу : 'Христос воскрес' ...»

Не случайно именно к этому периоду жизни Пушкина принадлежит и вступление его 4 мая 1821 г. в масонскую ложу «Овидий». К счастью поэта эта ложа вскоре была закрыта, и ни о каких связях Пушкина с масонами в дальнейшем ничего неизвестно. Подробно исследовавший этот вопрос Георгий Чулков («Жизнь Пушкина», Москва, 1938 г.) пришел к следующему заключению, с которым нельзя не согласиться: «Пушкин был плохим масоном. Если бы ложа не была закрыта, он все равно покинул бы ее».

В июле 1823 г. генерал Инзов сдает свою должность графу М.С. Воронцову, имевшему своей резиденцией, как Новороссийский генерал-губернатор, г. Одессу. Туда же переезжает и Пушкин, начиная служить под новым начальством Вороногова. Между

гордым сановником-бюрократом и вспыльчивым самолюбивым поэтом не могло не получиться глубоких конфликтов, осложненных еще и романом Пушкина с женой Воронцова – графиней Елизаветой Ксавьерьевной Воронцовой. Роман этот был серьезный и очень глубокий, оставивший свои следы на всю жизнь Пушкина и вдохновивший его на несколько прекрасных лирических стихотворений.

В результате многих столкновений, по настойчивой просьбе графа, Пушкина высылают из Одессы и, по Высочайшему повелению Императора Александра Павловича, отправляют в село Михайловское, Псковской губернии, под надзор сначала отца, а затем, после отказа отца, – под надзор местных властей. Был и еще один повод к такой перемене в судьбе поэта. В конце своего пребывания на юге, он имел одну большую неприятность, которая могла для него кончиться очень тяжело, и которая, в конце концов и привела его к высылке из Одессы и к продлению ссылки в с. Михайловском.

За 4 года пребывания на юге России, он написал свои, так называемые «байронические поэмы»: «Кавказский пленник» (1821 г.), «Братья разбойники» (1822 г.), «Бахчисарайский фонтан» (1823 г.), вышеуказанную поэму «Гаврилиада» и стих «К В.Л. Давыдову» (1821 г.), первые две главы «Евгения Онегина» (1823 г.) и начал писать поэму «Цыгане». Кроме этого он написал ряд прекрасных стихотворений, среди которых особенно замечательны: «Редет облаков летучая гряда», «Муза», «Песнь о вещем Олеге», «Демон» и «К морю». Последнее стихотворение (запечатленное в картине Айвазовского и Репина) – представляло собою прощание поэта с Черным морем, с событиями жизни в Одессе и воспоминание о смерти Наполеона (1821 г.) и Байрона (1824 г.). Зародивше-

еся на берегу моря, это стихотворение написано было уже в с. Михайловском. Заканчивалось оно так:

«...Прощай же море, не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн».

В период пребывания на юге, Пушкин познакомился с творчеством Байрона, одно время увлекся его личностью и высоко ценил его творения, а затем стал к нему охладевать, замечать его недостатки, как драматурга и как человека. Трехлетнее увлечение Байроном еще в Одессе сменилось интересом к Шекспиру. Постепенно Пушкин начал все более и более серьезно изучать величайшего английского писателя и проникаться глубочайшим к нему уважением.

Кишиневский и одесский периоды жизни Пушкина не были только периодами его нравственных падений. После падений были периоды раскаяний, а затем и духовные взлеты. Шла борьба. Медленно, со срывами, но неуклонно рос поэт, как личность, а вместе с этим росло и его творчество. Ранняя, еще с отрочества, привычка к запойному чтению, продолжалась и в годы изгнания. Он находил время для чтения и жадно и много читал. К изучению Шекспира Пушкин приступил уже с обширными и глубокими знаниями русской и всемирной истории, огромной начитанностью в области всеобщей литературы и с глубоким интересом к политической философии.

9 августа 1824 г. Пушкин приехал в с. Михайловское. Там его встретила няня Арина Родионовна и вся семья Пушкиных. Отношения между поэтом и

его отцом, Сергеем Львовичем, резко и бурно испортились. 29 октября 1824 г., между отцом и сыном произошла дикая ссора. Отец кричал, что «Александр его хотел прибить». (См. письмо Пушкина Жуковскому, 31 октября 1824 г.).

Вскоре после этого вся семья Пушкиных уехала из Михайловского в Петербург и поэт остался в деревне один, с няней Ариной Родионовной (3 ноября уехал брат Лев Сергеевич, 10 ноября уехала сестра Ольга Сергеевна, а 17 ноября уехали родители). По соседству с с. Михайловским было село Тригорское, где жила культурная помещица и умная женщина Прасковья Александровна Осипова с дочерьми. Все они очень любили и ценили Пушкина и как поэта и как человека. Пушкин часто бывал у них. А дома няня рассказывала ему сказки, которые теперь он уже мог очень высоко оценить. Наступила осень – время года, которое особенно любил Пушкин. После шумной и суетной жизни в Кишиневе и Одессе – уединение и тишина деревни действовали успокоительно. В ноябре поэт написал брату Льву Сергеевичу о своей жизни: «До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма».

Пушкин начал усиленно работать. Продолжая писать «Евгения Онегина», он 2-го октября закончил третью главу, а 10 октября – закончил поэму «Цыгане». Но главная работа была над «Борисом Годуновым». Тщательное изучение Шекспира привело его к желанию написать трагедию в шекспировском духе и силе. Изучение Истории Карамзина (в это время он изучал 10-й и 11-й томы «Истории Государства Российского») дало поэту нужный сюжет. Изучение «Ле-

тописей» обогатило его душу дивными образами древне-русской монастырской жизни. В 5 верстах от с. Михайловского находился Святогорский монастырь. Туда часто стал ходить Пушкин и многому там научился.

11 января 1825 г. благое Провидение доставило поэту неожиданную нечаянную радость: его навестил верный, любящий и любимый лицейский друг – Ив. Ив. Пущин. Радости не было конца. Пущин привез Пушкину в подарок список «Горе от ума» Грибоедова. Друзья прочли эту замечательную комедию вслух. «Половина войдет в пословицы» – пророчески оценил пьесу Пушкин.

Поэма «Цыгане», законченная Пушкиным в с. Михайловском 10 октября 1824 г., представляет собою произведение огромной идейной и художественной ценности. Если «байронические» поэмы Пушкина, написанные еще на юге России, по своему поэтическому и психологическому содержанию уже приближались к байроновским, то поэма «Цыгане» несомненно выше всех поэм Байрона. Устами старого цыгана Пушкин развенчал байронизм и дал великому английскому поэту нравственный урок. Еще в 1818 г. кн. Вяземский, в стих. «Толстому», дал точную психологическую характеристику байронического героя:

«...Которого душа есть пламень,
А ум – холодный эгоист;
Под бурей рока – твердый камень!
В волненьях страсти – легкий лист!»

Пушкин же воплотил эту психологическую формулу в живой убедительный образ Алеко, подчеркнув (словами старого цыгана) еще и этическую сущность этого героя:

«Оставь нас гордый человек...

Ты не рожден для дикой доли:

Ты для себя лишь хочешь воли . . .»

Сравнивая Байрона с Шекспиром, Пушкин говорит: «Как Байрон-трагик мелок перед ним».

В 1825 г. была закончена трагедия «Борис Годунов». Поэт сам ее высоко ценил и любил. Работал над ней долго, усердно, упорно, тщательно изучая эпоху. Много читал. «Книг, ради Бога, книг» – постоянный его вопль в письмах к брату. За два года пребывания в Михайловском, он собрал столько книг, что при переезде, после окончания ссылки, в Москву, ему понадобилось на перевозку 35 огромных ящиков. В эпоху создания этой трагедии Пушкин достиг полной зрелости своего дарования. В июле 1825 г. он писал Н.И. Раевскому – «Я чувствую что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить».

Пушкин сам указывает те влияния, под которыми слагалась его трагедия. «Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и простоте. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий: в Летописях старался угадать образ мыслей и язык того времени». Все это удалось поэту в высшей степени. Трагедия «Борис Годунов» – равна шекспировскому творчеству. Гений Пушкина в этом произведении достигает гения Шекспира. Творческое напряжение при работе совершенно исключительное. Знаменитый монолог Пимена – Пушкин писал много часов, в самозабвении, почти не дыша, ни на минуту не отрываясь от своей творческой работы. Зато, когда кончил перечел написанное, пришел в восторг от глубокого удовлетворения (что бывало редко), стал бегать по комнате и хлопать в ладоши.

Вот эти замечательные строки:

«Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду –
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют».

Особенно знаменательны последние две строчки, которые последними двумя чертами заканчивают целостный дивный образ древнерусского историка-летописца. Смысл этих строк ясен и прост: за темные деяния царей надо не революции и бунты устраивать, а умолять Спасителя.

Характеры всех остальных лиц этой трагедии: Бориса Годунова, самозванца, Марины, Шуйского и других, – даны полно, цельно, живо, в диалектической динамике и их личных переживаний, и их взаимоотношений друг с другом.

В известном монологе Царя Бориса –

«Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно.

Но счастья нет моей душе . . .»

– имеется одна замечательная мысль:

« . . . Ах, чувствую: ничто не может нас

Среди мирских печалей успокоить;

Ничто, ничто... едина разве совесть».

Что это значит? Если у человека чистая совесть то он сможет достойно и мужественно перенести все скорби. Нечистая же совесть роковым образом лишает человека возможности получить просветление скорби и он впадает или в ожесточение, или в отчаяние.

Свой монолог Борис Годунов заканчивает словами:

«Да, жалок тот, в ком совесть не чиста».

Огромную, решающую роль, в этой прекрасной трагедии, играет невидимый главный герой – народ, народная совесть.

Потрясающее впечатление производит конец этой трагедии: «Народ безмолвствует». Невольно вспоминается прекрасная древняя латинская фраза из речи Цицерона: *«cum tacent clamant»* («тем, что они молчат, они кричат»).

В том же 1825 г. Пушкиным написана «Сцена из Фауста». По преданию, она дошла в переводе на немецкий язык к самому Гете, который прислал в подарок Пушкину свое перо. Эта сцена замечательна тем, что на 5 страницах дает полный, образный, ясный и яркий конспект-резюме всего «Фауста» Гете. Такой лапидарности, такой сжатости, такого «сгущения мысли в слове» (слова академика Потебни) у Гете не было. В этом отношении Пушкин оказался сильнее Гете.

В апреле 1825 г. в Михайловское приехал второй близкий друг Пушкина – Дельвиг. Он раньше всех и понял и оценил исключительный гений Пушкина. Осенью того же 1825 г. в своем стихотворении «19 октября», Пушкин посвятил Дельвигу несколько глубоко искренних и проникновенных дружеских строк:

«...С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;

С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши...»

Осенью же 1825 г. Пушкин имел встречу и с третьим приятелем, бывшим лицеистом кн. А.М. Горчаковым, который будучи уже и в то время известным дипломатом (первый секретарь посольства в Лондоне), приехал навестить своего родственника Пещурова, в селе Лямоново, недалеко от с. Михайловского. Узнав об этом, Пушкин немедленно прискакал на лошади навестить приятеля. При встрече поэт прочитал ему часть трагедии «Борис Годунов», которую Горчаков, конечно, не мог оценить. Пушкин написал об этой встрече своему другу кн. Вяземскому: «Мы встретились и расстались довольно холодно – по крайней мере с моей стороны». Но позднее, в элегии «19 октября» (1825 г.) он отозвался об этой встрече мягче:

«Нам разный путь судьбой назначен строгий:
Ступая в жизнь мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись».

В этой же прекрасной элегии («19 октября 1825 г.»), Пушкин, вспомнил и других лицейских товарищей, выпил за их здоровье в одиночестве. Добрым словом он помянул и своих бывших наставников:

«Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию и мертвым и живым
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим».

Последняя строчка так характерна для беззлобного, не злопамятного, великодушного Пушкина. Он

был вспыльчив, взрывчат, но отходчив и умел так легко и просто прощать.

В конце своей элегии, Пушкин, заглядывая в отдаленное будущее, когда один за другим сойдут в могилу все лицеисты его выпуска, спрашивает:

«Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?»

И советует:

«Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот».

Второй год пребывания Пушкина в с. Михайловском начал, наконец, сильно тяготить поэта. Вполне развернувшейся и расцветшей поэтической душе его – становится тесно и трудно жить в глухой, занесенной снегом, деревне, без общения с умными друзьями, без достаточного количества и качества книг, которые можно было найти только в столичных библиотеках. Он не в силах больше переносить изгнание; он мечтает бежать за границу, в Париж, в Лондон, серьезно обдумывает план бегства. Его друзья хлопочут о помиловании опального поэта. Тем более, что теперь Пушкин уже не тот, который был выслан из Петербурга на юг. Много и глубоко он продумал в своем вынужденном одиночестве о социально-политических вопросах, о сущности западной культуры, о неисповедимых судьбах России. Многие открыл ему «Колумб русской истории» Карамзин, многому научился он у великого Шекспира. И о смысле истории, о философии истории он начинает думать совсем иначе, чем думали его недавние друзья-вольнодумцы. «Думы» Рылеева кажутся ему уже не слишком глубокими. Пушкин уже теперь не верит, что грубость, жестокость, мрачное невежество легко устранить, из-

менив только политическую систему.

Во многих журналах Франции, Германии, Англии и других стран, имя Пушкина уже стало известно. Не даром и Гете прислал ему свое перо. И вот, Пушкин снова взывает к своим друзьям о помощи. «Вероятно Правительство удостоверилось», пишет он Жуковскому, «что я к заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел». Зная неподкупную совесть Пушкина, зная его прямую, честную, смелую, правдивую, мужественную и открытую натуру – нельзя сомневаться, что каждое слово этого письма было искренним и честным. Если бы он был во время восстания в Петербурге – он мог бы заразиться безрассудным настроением своих легкомысленных горячих друзей и под минутным порывом солидарности с ними – попасть на Сенатскую площадь. Но Благое Провидение удержало его в с. Михайловском.

В середине февраля 1826 г. Пушкин пишет Дельвигу, как всегда искренно и прямо: «Никогда я не проповедовал ни возмущения, ни революции – напротив...» «Как бы то ни было, я желал бы вполне и искренно помириться с Правительством...» «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира...» Под этим Пушкин подразумевал глубину и широту исторического и политического кругозора, умение рассматривать совокупность многообразных фактов как целое, и оценку исторических лиц и событий с высшей точки зрения философии истории (историософии).

«Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный», – пишет он Жуковскому, – «я храню его про себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и не-

обходимости». Приблизительно в таком же смысле было написано Пушкиным и письмо самому новому Императору. Ответа долго не было и поэт этим очень тревожился. «Жду ответа, но плохо надеюсь» – писал он Вяземскому 10 июля. «Бунт и революция мне никогда не нравились – это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков».

В это поистине страшное время Пушкин усиленно читает Библию, глубоко вдумывается в сокровенный смысл этой Великой Святой книги. Размышляет он, как и подобает поэту, в образах. Поэт и мыслитель сливаются воедино. Размышляет он и о мире, и о своей душе, и о трагедии мировой истории и о трагедии своей души. И если на трагедию мира он смотрит глубоким взглядом Шекспира, то на трагедию своей собственной души он смотрит глубже Шекспира. Свои грехи он начинает понимать, как одержимость, как закон тела, «противоборствующий законам его ума» и жаждет помощи Свыше. И эта помощь приходит в виде особого, до сих пор еще небывалого вдохновения, озарения, духовного перерождения. И в таком состоянии он пишет своего «Пророка».

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, –
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился.

Третьего сентября Пушкин провел в Тригорском и вернулся домой в полночь. Поэт чувствовал какой-то перелом в своей жизни, прощался с молодостью и предчувствовал новую жизнь. Вдруг... колокольчики тройки – и в сенях бряцанье шпор... Значит арест? Допросы? Крепость? Кандалы? Сибирь? И, самое жуткое, – конец поэтического творчества?...

Поэт поспешно прячет в бумажник черновик цикла стихов на тему «Пророка», где имелись строчки о том, как пророк является к царю «с вервием на вые», в «позорной ризе», с грозным требованием покаяния... Эти стихи остались не написанными. Само Благое Провидение наложило на них запретную десницу. Сохранилась только единственная каноническая редакция, указанная выше, заканчивающаяся словами: «Глаголом жги сердца людей».

Пушкин должен был немедленно ехать в Москву по вызову Царя. Поэта привезли прямо в Комендантское Управление, откуда дежурный генерал повел его в Малый Николаевский дворец, примыкавший к Чудову монастырю (который недавно только был описан в трагедии «Борис Годунов»). Небритого, в дорожном пыльном сюртуке ввели Пушкина в кабинет Императора. Тема беседы была следующая. Покойный Император Александр Павлович выслал поэта в деревню за вольнодумство, но Император Николай Павлович думает освободить его, если только он даст слово не писать ничего против Правительства. Пушкин ответил, что уже давно не пишет ничего против Правительства и что у него одно только желание быть полезным отечеству. Государь готов верить Пушкину, но в бумагах заговорщиков имелись списки его стихов, и иные из мятежников прямо заявили, что их образ мыслей сложился под влиянием Пушкина. А как Пушкин относится к этим бунтовщикам? Поэт должен был сознаться, что он многих из этих лиц уважал, а некоторых даже любил. Но если Пушкин любил заговорщиков, то как поступил бы он, случись ему быть 14 декабря в Петербурге? Поэт ответил, не колеблясь: «Непременно, Государь, был бы среди мятежников, и слава Богу, что меня не было тогда в столице...»

Эта искренность поразила Императора. «Теперь, надеюсь» – сказал Император, «мы более ссориться не будем. Я сам буду твоим цензором».

В этот же день, вечером, на балу у французского посланника, Государь Николай Павлович сказал Д.Н. Блудову (бывшему основателю общества «Арзамас», а впоследствии графу, министру и Президенту Академии Наук) – «Знаешь, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России». На недоумение Блудова Государь сказал: «Это был Пушкин».

У Пушкина было много близких друзей из самых разнообразных кругов. Кроме этого у него было огромное количество почитателей во всех слоях общества. Наконец, можно категорически утверждать, что вся грамотная Россия знала, ценила и, что особенно важно, беззаветно любила своего национального гениального поэта, как может любить только русское народное сердце. Как глубоко прав был Тютчев в оценке этой любви: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет».

Если Пушкину пришлось пережить много горьких минут, обусловленных придирками правой государственной цензуры, то не менее, ему пришлось пережить душевной боли и от упреков «левой цензуры», ревниво придирчиво следившей за каждым шагом независимой мысли поэта, когда справедливость требовала с его стороны признания правды справа. «Цензура слева» не могла простить Пушкину ни стихотворения в честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны (написанном еще в 1818 г.), ни «Стансы», посвященные Имп. Николаю Павловичу (1826 г.), ни «Друзьям», начинающееся словами – «Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю» (1828 г.), ни стихотворного ответа митрополиту Филарету (1830 г.). Особенно циничны коммен-

тарии к этим стихотворениям в Советской России.

Крупнейшим произведением Пушкина в 1828 г. была замечательная поэма «Полтава». Творческий подъем был чрезвычайно энергичен и стремителен. Поэма написана очень быстро (в три недели). Остановка произошла только перед описанием Полтавского боя. Пушкин не мог найти одного слова, которым начиналось бы это описание. В одном слове он хотел выразить и силу, и внезапность, и грохот этого боя. И вот, однажды, поднимаясь по лестнице со своими друзьями, он воскликнул: «Нашел! Нашел!...» он нашел искомое слово – «грянул»: «И грянул бой, Полтавский бой!...»

В этой поэме два главных героя: Петр Великий и Мазепа. Основная идея поэмы заключается в противопоставлении этих личностей. Мазепа – носитель личного эгоистического начала, а Петр – носитель государственной идеи, идеи общего народного блага. В эпилоге поэт утверждает основную мысль своего произведения:

«Лишь Ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе».

Стих в «Полтаве», при всей своей простоте, поражает исключительной силой и художественным совершенством. Описание украинской ночи, появление Петра Великого перед войсками, сам Полтавский бой, описание казни, характеристика Мазепы, – все выражено незабываемыми стихами, предельно сжатыми, насыщенными глубоким психологическим содержанием, с шекспировской глубиной и ясностью. Образ Петра Великого, столь сложный и противоречивый, одновременно и страшный и обаятельный, пугающий и манящий, изумительно дан в кратком диалектическом облике мощного военного гения:

«...Из шатра

Толпой любимцев окруженный
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь – как Божия гроза».

Необычайно сильное, потрясающее впечатление производит простое сочетание рифм: «ура» и «Петра».

«...И се долину оглашая
Далече грянуло 'ура!':
Полки увидели Петра».

В 1829 г. Пушкин, со всей страстностью своей пылкой натуры, полюбил молодую, едва начинавшую расцветать замечательную красавицу Наталью Николаевну Гончарову. Это было чрезвычайно серьезное увлечение несоизмеримо более сильное и глубокое, чем многие прежние за время после Михайловской ссылки (как, например, увлечения Софией Феодоровной Пушкиной, Александриной Римской-Корсаковой, Екатериной Ушаковой, Анной Олениной и другими). Семейство Гончаровых стояло на несколько более высокой ступени общественной лестницы, но разорено было не менее семейства Пушкиных. На свое предложение поэт получил неопределенный, не вполне благоприятный ответ, и «с горя» 1 мая уехал на Кавказ, провел недели две в Тифлисе, а затем отправился в Действующую Армию, с которой вошел в Арзерум. Позднее он издал «Путешествие в Арзерум» – образец прекрасной, сжатой, лаконической пушкинской прозы. По возвращении он получил выговор за самовольную, без разрешения высшего начальства (т.е. Государя и Бенкендорфа) отлучку, но зато был вознагражден, при повторном предложении, согласием на брак Гончаровой.

В конце августа 1830 года Пушкин поехал в с. Болдино (Нижегородской губернии), часть которого

отец выделил ему ввиду женитьбы, чтобы привести в порядок свои дела и, пользуясь осенним временем, которое он всегда любил, – творчески поработать.

Вследствие холеры и связанного с ней карантина, поэт вынужден был там остаться целых три месяца. Эта, так называемая «Болдинская осень», проведенная в полном уединении, оказалась гораздо более продуктивной для творчества, чем два года пребывания в с. Михайловском. Такого прилива вдохновения и работоспособности у него еще никогда не было. Вот что он в эту осень написал: две последние главы «Евгения Онегина» (роман в стихах, над которым работал свыше 7 лет), «Домик в Коломне», четыре так называемых «Малых трагедии» («Скупой Рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан», впоследствии названный «Каменный гость»), пять «Повестей Белкина» в прозе и около 30 прекрасных стихотворений, среди которых были такие шедевры, как «Бесы», «Осень», «Безумных лет угасшее веселье», «В начале жизни школу помню я», «Для берегов отчизны дальней».

Свой роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкин начал писать почти одновременно с поэмой «Цыгане», в мае 1823 г. Если в первых своих поэмах, написанных на юге России, он создавал образы байронических героев в обще-типическом их проявлении, то в своем новом романе он поставил себе целью отобразить явление типично русского байрониста на фоне широкой картины русской жизни того времени, т.е. 20-х годов 19 века. Внешними образцами для него сначала служил «Дон Жуан» и «Беппо» (юмористическая поэма) – Байрона. Приступая к своей работе, Пушкин еще не знал, чем ее кончить, ибо, как сам признавался в конце 8-й главы, – «даль свободного романа» он «сквозь магический кристалл еще не-

ясно различал».

Интересно, что все герои романа – одновременно и личности и типы. В романе все – объективно, но в то же время во всем и во всех – отражается сам автор. Роман в целом – поэтическая автобиография Пушкина. Главное лицо романа, конечно, Татьяна. Это – идеальный образ русской женщины, идеальный женский образ во всей мировой литературе и, одновременно, образ самой *Музы Пушкина*.

«Маленькие трагедии» Пушкина – исключительно гениальны. Самая замечательная из них – «Моцарт и Сальери». Моцарт – это образ гения. Моцарт – это ключ к пониманию и самого Пушкина. «Гений и злодейство – две вещи несовместимые». Поэтому про гения можно сказать, что он стоит на первой ступени истинно духовной жизни, ведущей к святости. Гений явление духовное. А духовное от душевного отличается больше, чем душевное отличается от телесного. Этим объясняется почти полное отсутствие критических работ о маленьких трагедиях (и, особенно, о Моцарте и Сальери), более или менее адекватных, вернее и точнее сказать – конгениальных этим самым совершеннейшим произведениям величайшего гения мировой литературы. До смешного плоски и беспомощны и бессодержательны все попытки советских критиков, при помощи марксистского социологического метода, дать аналитический комментарий к этим замечательным произведениям. Из дореволюционных критиков, кое-что правильно и правдиво осветил и проанализировал в этих произведениях Пушкина литературовед-психолог, академик Д.Н. Овсянко-Куликовский, в своем опыте психологического изучения тех сторон пушкинского творчества, которые автор считал важнейшими, а именно **лиризма и реализма**.

«Моцарт и Сальери», – пишет акад. Овсяннико-Куликовский («Пушкин» СПб. 1909 г.) – вместе с другими 'драматическими опытами' Пушкина, справедливо причисляются к совершеннейшим созданиям его гения. Трудно представить себе художественное произведение, которое было бы, при меньшем размере, богаче содержанием. Художественная экономия мысли доведена здесь до последних пределов. Но сжатость формы (то, что академик А.А. Потебня называл «сгущением мысли в слове») ничуть не вредит ясности содержания: все богатство его легко и отчетливо разворачивается в сознании читателя. Это не ребус, который еще нужно разгадать. Моральная мысль произведения обнаруживается сама собой. Психология зависти, как страсти, исчерпана в монологах и репликах Сальери, а изображение и истолкование натуры гения в лице Моцарта должно быть признано одним из самых удивительных, истинно-гениальных откровений Пушкина».

В 1833 г. Пушкин совершает путешествие в Оренбургскую губернию (попутно и в Казанскую), чтобы, так сказать, «экскурсионным методом» собрать материалы для «Истории Пугачевского бунта». На основе собранного документального научного исторического материала о времени Пугачева Пушкин пишет свою замечательную историческую и в то же время психологическую повесть (небольшой по количеству страниц, но гениальный по содержанию роман) – «Капитанская дочка». Великий русский историк, профессор В.О. Ключевский сказал про эту повесть: «Вот как надо писать историю». «Капитанская дочка» начата была в 1833 г., а закончена в 1836 г.; заключительные строки датированы 19-ым октября. (Первым же опытом в области художественной прозы был незаконченный роман «Арап Петра Велико-

го», написанный еще в 1827 г.).

В 1833 г. Пушкин написал поэму «Медный всадник», вновь вернувшись к теме Петра Великого. Основная идея этой самой замечательной из поэм Пушкина – противоположение личных интересов – интересам общегосударственным. Великим деяниям Петра, в частности основанию Петербурга, – противопоставляются личные мечты молодого человека о семейном счастье с любимой девушкой; однако стихийное бедствие (страшное наводнение в Петербурге) беспощадно разрушает все его мечты: невеста гибнет от наводнения, а сам он сходит с ума. Таким образом несчастный Евгений является одной из жертв Петровского дела – основания новой столицы, а Петр Великий – косвенным виновником его гибели. Пушкин с большим и искренним сочувствием описывает несчастья Евгения, но всецело становится на сторону Петра, понимая огромное значение Петровских преобразований. С восторженным изумлением воспекает Пушкин образ Петра, символизированный Фальконетовским памятником – «Медным Всадником» – на Сенатской площади в Петербурге:

«Ужасен он в окрестной мгле:

Какая дума на челе!

Какая сила в нем сокрыта!

А в сем коне какой огонь!

Куда ты скачешь, гордый конь,

И где опустишь ты копыта?

О, мощный властелин судьбы!

Не так ли ты над самой бездной,

На высоте уздой железной

Россию вздернул на дыбы? . . .»

В художественном отношении эта «державная» поэма – лучшая поэма Пушкина. Самые характерные черты пушкинского творчества: сжатость, лапидар-

ность, «сгущение мысли в слове», скульптурность образов, идейная насыщенность, железной уздой воли сдержанная страсть, неисчерпаемый запас лирического потока, трезвость глубокой и ясной мысли, гармония частей и целостная простота единства композиции, — все это мы находим в чудесной сей поэме.

Этими же свойствами вполне созревшего Пушкина обладают и другие произведения последнего периода его жизни: «Пиковая дама» (1834 г.), «Египетские ночи» (1835 г.) и другие.

За год до своей смерти Пушкин начал издавать журнал «Современник». Будучи прежде всего поэтом, Пушкин стал выступать и как историк, и как теоретик и историк литературы, и как критик и публицист. Везде мы видим глубокий пронизательный ум, доброе сердце и мужественную волю. Письма же Пушкина представляют собою неисчерпаемый материал для понимания его личности, как в целом, так и в деталях обыденной жизни, а вместе с тем и для понимания тончайших нюансов психологии его творчества.

Лирика Пушкина принадлежит к числу наименее изученных сторон его творчества. Впрочем, кое-что в этом отношении все же имеется, интересного и ценного, в старых и новых работах, заслуживающих серьезного внимания исследователя (см. работы академика Л.Н. Майкова, академика Д.Н. Овсянко-Куликовского, а из новых — работы Б.В. Томашевского, Н.В. Измайлова, Н.Л. Степанова, Б.П. Городецкого и др.). Наиболее характерными чертами лирики Пушкина следует признать прежде всего следующие: она обаятельна не только изяществом выражения глубоких и тонких чувств, но и гармонией ума и сердца, которая чрезвычайно усиливает непосредственное впечатление от музыки его стиха, чарует душу и пленяет волю. Умная мысль, выраженная в лирической

форме, не только запоминается, но и звучит в памяти сердца. Лирика Пушкина всегда глубоко искренна, правдива, мужественна, умна, проста, доступна и понятна каждому, в меру его чуткости и эстетического развития.

Из двух известных теорий искусства – «искусство для искусства» и «утилитарной теории искусства» – Пушкин не разделял ни одной. Его теория искусства (им нигде не сформулированная, но всюду чувствуемая) сводилась к следующему: поэт должен быть совершенно свободен в своем творчестве. Ему нельзя предъявлять никаких «заказов»: ни социальных, ни нравственных, ни религиозных. Но всякий поэт, если он хочет стать настоящим, большим поэтом, – обязан расти и совершенствоваться, как религиозно-нравственная личность. И тогда с ним, с его духовным ростом, будет расти и совершенствоваться и его творчество. Идеал совершенства – тройственный: Истина, Добро, Красота в их триединстве. Красота без Истины или без Добра, – не Красота, а только красивость, только кажущаяся Красота, только обманный люциферианский свет, т.е. то, что в православной аскетике называется «прелестью».

Первое время после свадьбы Пушкин, повидимому, был счастлив, о чем свидетельствуют его, как всегда, искренние письма. «Я женат и счастлив» – писал Пушкин Плетневу через неделю после свадьбы, – «одно желание мое, чтобы ничего в жизни моей не изменилось; лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился». В мае 1831 г. Пушкин переселяется на дачу в Царское Село. Жуковский и Гоголь (с которым Пушкин в это время познакомился) часто навещают поэта. В политическом отношении Пушкин в то время идет рука об руку с Жуковским и пишет такие патриоти-

ческие вещи, как «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Затем он просит Государя разрешить ему работать в Государственных архивах, чтобы собрать материал для истории Петра Великого. Разрешение ему дается, он вновь принимается на службу в Коллегию Иностранных Дел, с жалованьем 5.000 рублей.

В феврале 1833 года Пушкин пишет своему другу Нащокину уже в другом тоне. «Жизнь моя в Петербурге ни то, ни се. Заботы мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете; жена моя в большой моде; все это требует денег, деньги достаются мне через мои труды, а труды требуют уединения . . .»

26 января 1834 г. в Петербургском свете появился и стал блистать своей красотой и дешевым светским остроумием молодой француз, барон Дантес, приемный сын Голландского посланника барона Геккерена. В дневнике Пушкина имеется такая запись, относящаяся к этому времени: «Барон Дантес и маркиз де-Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет».

Этот пустой блестящий барон Дантес влюбился в жену Пушкина, которая с ним кокетничала, и стал за ней усиленно ухаживать, что подало повод многочисленным врагам поэта для оскорбительных толков и сплетен.

4 ноября 1836 г. Пушкин получил три экземпляра анонимного послания, заносившего его в орден «рогносцев», что намекало на интимную близость Дантеса с женой Пушкина. Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Дантес вызов принял, но через барона Геккерена, своего приемного отца, просил отсрочки на 15 дней. В продолжение этого времени Пушкин узнал,

что Дантес сделал предложение сестре жены Пушкина – Екатерине Николаевне. После убеждения друзей, Пушкин взял свой вызов обратно. Свадьба состоялась 10 января 1837 г., но наглые ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной не прекратились. Старик Геккерен также стал интриговать против Пушкина. Выведенный из терпения поэт, послал голландскому посланнику барону Геккерену чрезвычайно оскорбительное письмо, в расчете, что Дантес вынужден будет вызвать на дуэль Пушкина. Так и случилось. 27 января 1837 г., в 5-м часу вечера, на Черной речке в Петербурге состоялась эта роковая дуэль, на которой Пушкин был смертельно ранен в живот. Упав на снег, поэт сказал, что имеет еще силы стрелять и потребовал Дантеса к барьеру. Лежа, упираясь на локоть, обливаясь кровью, он выстрелил и, увидя упавшего противника (который был только слегка ранен в руку и контужен), закричал «браво». Но, поняв опасность своего положения, стал серьезен, просил передать Дантесу, что он его простил, беспокоился о жене, которую не хотел пугать, а потому успокаивал; сам же просил врачей не скрывать от него – смертельна ли рана; потом послал к Государю просить прощения для своего секунданта (лицейского товарища Данзаса), и стал готовиться к смерти.

Как известно, во время поединка Пушкина с Дантесом не было врача. А ранение было тяжелое, смертельное. Раненого поэта привезли домой около шести часов вечера. Ни домашнего врача Пушкиных доктора И.Т. Спасского, ни лейб-хирурга Н.Ф. Арендта не оказалось дома. Данзас заехал в Воспитательный дом и нашел там врача-акушера доктора Шольца, который посоветовал заехать к хирургу Задлеру. В седьмом часу вечера оба врача вошли в кабинет, где лежал Пушкин. Доктор Задлер уехал за инструмен-

тами. На настойчивый прямой вопрос о характере ранения, Шольц ответил, что ранение серьезное, опасное и, повидимому, смертельное, но прибавил, что может быть доктор Арендт и доктор Спасский будут другого мнения. Пушкин искренно горячо поблагодарил Шольца: «Вы поступили со мной как честный человек». К семи часам приехали Арендт и Спасский. Арендт подтвердил опасность ранения. Спасский пытался обнадежить Пушкина, но последний махнул рукой. Рано утром пришел доктор В.И. Даль (врач, писатель, этнограф и лексикограф, будущий знаменитый автор «Толкового словаря живого великорусского языка»). Он пришел сам, как врач и как друг. Пушкин очень ему обрадовался и сразу обратился в нему «на ты», чего раньше не делал. Даль и Спасский дежурили у постели умирающего почти безотлучно. Позднее побывали, как консультанты, профессора И.В. Буяльский и Х.Х. Саломон. Всем врачам было ясно, что положение поэта совершенно безнадежно.* (О болезни и смерти Пушкина см. Д-р Ю.Г. Малис – «Болезнь и смерть Пушкина», 6-й том Сочинений Пушкина, под ред. Венгерова, стр. 311-324; а из новых работ см. А.М. Заблудовский – «Русская хирургия первой половины 19 века», «Нов. хирург. архив», 1957 г. т. 39. кн. 1, стр. 19-24).

Лейб-медик Н.Ф. Арендт, по своему опыту и положению, конечно, оказался главным лечащим врачом Пушкина. Но, кроме этого, он оказался еще и посредником между умирающим поэтом и Императором Николаем Павловичем. После первого же осмотра, Арендт спросил Пушкина: «Я еду к Государю. Не

---

* В письме А.И. Тургенева к А.Я. Булгакову и в «Воспоминаниях» В.И. Даля упоминается еще и доктор Андреевский, который присутствовал при кончине Пушкина и закрыл покойному глаза.

прикажете ли ему что сказать?»

«Скажите, что я умираю и прошу прощения за себя и за Данзаса. Он ни в чем не виноват».

Возвращения Арендта Пушкин ждал с нетерпением и говорил: «Жду Царского Слова, чтобы умереть спокойно».

Арендт не нашел Государя в Зимнем Дворце. Государь был в театре. Вернувшись из театра, Государь отправил к Арендту фельдъегеря с письмом, в котором была вложена записка к Пушкину. Ее нужно было прочесть Пушкину и вернуть обратно.

«Я не лягу спать, я буду ждать ответа Пушкина», — писал Государь Арендту.

Около умирающего поэта собрались его близкие друзья: Данзас, Плетнев, Жуковский, Вяземский, А.И. Тургенев, граф М.Ю. Виельгорский, Даль, д-р Спасский и др.

Наконец приехал Арендт и привез письмо. Государь писал: «Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам видеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение». (Текст академического издания).

Пушкин прочел эту записку и долго не выпускал листка из рук, как бы не желая с ним расстаться. Подлинник записки не сохранился, но Жуковский, Вяземский, Тургенев и доктор Спасский, все приводят приблизительно одинаковый текст. Эти же лица приводят одинаково и ответ Пушкина: «Скажите Государю, жаль, что умираю, весь был бы его...». Вяземский же особенно подчеркивает: «Эти слова слышаны мною и врезались в память и сердце мое по чувству, с коим были произнесены...» Сомневаться в правдивости этих единодушных свидетельств невозможно. Оспаривают и даже опорочива-

ют эти свидетельства только недобросовестные исследователи в Советской России.

Обещание Государя взять на свое попечение семью Пушкина, сняло с последнего тяготу земных забот. Но просьба Государя исполнить христианский долг, т.е. причаститься Св. Таинств, пришла уже после того, как Пушкин сам выразил желание видеть священника. Когда доктор Спасский спросил, кого он хочет, Пушкин ответил: «Возьмите первого ближайшего священника». Послали за о. Петром из Конюшенной церкви. Священник был поражен глубоким благоговением, с каким Пушкин исповедывался и приобщался св. Таинств. «Я стар, мне уже не долго жить, на что мне обманывать» – сказал он кн. Е.Н. Мещерской (дочери Карамзина) – «Вы можете мне не поверить, но я скажу, что я самому себе желаю такого конца, какой он имел». Вяземскому о. Петр тоже со слезами на глазах говорил о христианском настроении Пушкина. Данзасу Пушкин сказал: «Хочу умереть христианином».

Пушкин мучительно страдал. Доктор Спасский говорил: «Это была настоящая пытка. Физиономия Пушкина изменилась, взор его сделался дик, казалось глаза готовы выскочить из своих орбит, чело покрывалось холодным потом, руки похолодели, пульса как бы не бывало... Готовый крикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтобы жена не услышала...» Однажды он сказал Спасскому: «Жена бедная безвинно терпит и в свете ее заедят».

Умирал Пушкин так же мужественно, как жил. Кроме невыносимых физических страданий его тяжело мучила сердечная тоска, которая обычно бывает при заражении крови. На третий день, к утру, страдания немного утихли и умирающий решил попрощаться с семьей и друзьями. Позвал жену и простился с ней.

Потребовал детей. Их принесли полусонных. Он молча клал каждому руку на голову, крестил и слабым движением руки отсылал от себя. (У Пушкина было четверо детей: Мария, 4 г. 8 мес.; Александр, 3 г. 6 мес.; Григорий, 1 г. 8 мес. и Наталья, нескольких месяцев).

По свидетельству А. Амосова, незадолго до кончины Пушкин, глубоко вздохнув, сказал: «Как жаль, что нет здесь ни Пушкина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать».

За несколько минут до смерти, Пушкин впал в полузабытье и схватил руку Даля: «Ну, подымай меня, идем... да выше, выше... идем» Затем он вдруг открыл глаза. Лицо его прояснилось: «Кончена жизнь» – сказал он тихо. Даль не расслышал, переспросил: «Что кончено?» – «Жизнь кончена», – внятно повторил Пушкин и прибавил: «Тяжело дышать... давит...» Это были его последние слова.

Умер Пушкин так тихо, что доктор Даль не уловил последнего вздоха.

По свидетельству кн. В.Ф. Вяземской, кн. Е.Н. Мещерской, Е.А. Карамзиной и других друзей поэта, выражение лица покойного было необыкновенно прекрасно, спокойно, а на устах сияла улыбка. Но особенно замечательны слова В.А. Жуковского. «Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо, – писал Жуковский отцу поэта С.Л. Пушкину. – Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в первую минуту смерти... Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут, какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать не умею. Оно было для меня, так ново и в то же время, так знако-

мо. Это был не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также выражение поэтическое. Нет. Какая-то глубокая удивительная мысль на нем разливалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, удовлетворенное знание. Я уверяю тебя, что никогда на лице его я не видал выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина».

«В Литературных прибавлениях» к «Русскому Инвалиду» А.А. Краевский, редактор этих прибавлений, поместил несколько теплых, глубоко прочувствованных слов по поводу кончины Пушкина. Строчки эти были обведены траурной каймой. Вот эти строки («Литературные прибавления», 1837 г. № 5):

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща! Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава! Неужели в самом деле у нас нет уже Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть! 29 января 2 ч. 45 м. пополудни».

За это объявление Краевский получил строгий выговор от министра Народного Просвещения С.С. Уварова.

Гоголь, который во время кончины Пушкина был за границей, узнав о смерти поэта воскликнул: «Пушкин! Пушкин! Какой прекрасный сон мне приснился в жизни».

Тютчев написал прекрасное стихотворение «29

января 1837 г.», где заклеил убийцу Пушкина Дантеса следующими словами: ...«Пред нашей правдою земною, навек он Высшею рукою в 'цареубийцы' заклеимен». А закончил стихотворение словами: «Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет».

Лермонтов написал свое замечательное стихотворение «На смерть поэта».

Кольцов написал памяти Пушкина лучшее свое стихотворение – «Лес».

Ап. Григорьев сказал: «Пушкин это наше все».

Тургенев и Достоевский произнесли, позднее, на открытии памятника Пушкина в Москве в 1880 г. свои знаменитые речи, потрясшие всех слушателей.

Вся русская классическая великая литература признала Пушкина своим Учителем и непревзойденным образцом.

Для оценки религиозно-нравственной личности Пушкина приведем мнения трех выдающихся православных русских иерархов: Никанора, Архиепископа Херсонского, митрополита Антония (Храповицкого) и митрополита Анастасия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.

«Пушкин был не только поэт, но и человек и потому ничто человеческое не было чуждо ему. Спускаясь с горних творческих высот и погружаясь в заботы и наслаждения 'суетного света', он утрачивал свой дар духовного прозрения. Его обескрыленный ум, еще недостаточно дисциплинированный в юности, но отравленный в значительной степени ядом вольтерьянства, не мог тогда собственными силами осмыслить мировую жизнь и разрешить все сложные загадки бытия. Отсюда началась для него трагедия оскудения веры, какую так глубоко изобразил он в своем раннем стихотворении 'Безверие'. Его мучила особенно тайна смерти, неразрешимая без

утешительного света религии . . . »

«Постепенное возбуждение, поддерживаемое в Пушкине пылом 'африканских' страстей, неудовлетворенностью своим материальным положением, столкновениями с правительством и враждебными ему критиками, всего менее способствовали спокойной работе его испытующей мысли, искавшей выхода на истинный путь. В такие моменты как бы помрачался его светлый гений, и его лира издавала диссонирующие звуки. Под таким настроением душевной дисгармонии и рождались обыкновенно его язвительные политические памфлеты, эпиграммы и кощунственные стихотворения, оскорблявшие религиозное чувство верующих и стяжавшие ему печальную репутацию безбожника, от коей его имя не может освободиться даже до настоящих дней.

Однако неверующим его могут считать только люди тенденциозно настроенные, которым выгодно представить нашего великого национального поэта религиозным отрицателем, или те, кто не дал себе труда серьезнее вдуматься в историю его жизни и творчества . . . Его духовный облик сложен, глубок и непроницаем, как море. На поверхности его бушевали волны страстей, в то время как в глубинах своих он оставался недвижим и спокоен, и там совершалась сокровенная работа гениальной мысли, проникающей к величайшим тайнам бытия и смерти . . . »

«Пушкин, по своему внутреннему духовному существу был глубоко нравственный человек, что отразилось и на его творчестве . . . Он ясно сознавал и чувствовал грани, отделяющие добро от зла, противопоставляя их одно другому. Почти все его герои носят ярко выраженный характер: в лице их он возвышает добродетель и клеймит порок и страсть. Его личные падения были плодом порывов страстного

чувства и слабости воли, но отнюдь не потемнения нравственного сознания или усыпления совести, отличающейся у него на самом деле большой чуткостью. Голос последней явственно звучал в его душе всегда, служа источником его постоянного нравственного обновления после его страстных увлечений на пути греха... Однако ничто не питало и не услаждало так его сердце, как Евангелие. В написанном им разборе труда Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека», есть замечательные слова, посвященные изображению неувядающей силы и красоты этой Вечной книги, производящей неотразимое действие на сердце человека...

«Всепощающая любовь и искренняя вера, ярко вспыхнувшая в его сердце на смертном одре, озарили ему путь в вечность, сделав его неумирающим духовным наставником для всех последующих поколений. Нравственный урок, данный им Русскому народу на краю могилы, быть может превосходит все, что оставлено им в назидание потомству в его бессмертных творениях. Христианская кончина стала лучшим оправданием и венцом его славной жизни».

Такова оценка личности и творчества митрополитом Анастасием. С такой оценкой невозможно не согласиться. Тут каждое слово глубоко продумано и тщательно аргументировано.

Точные документальные данные, положенные в основу нашей настоящей исследовательской работы, подтверждают и те выводы, к которым пришел владыка митрополит Анастасий.

Конечно вся наша работа не может претендовать на исчерпывающую полноту исследования личности и творчества Пушкина, но она и не претендует на нее. Темой нашего исследования были только «основ-

ные особенности» личности и творчества гениального поэта. Такая тема, требуя добросовестной и тщательной документально-точной аргументации, позволяет внести и субъективный элемент, поскольку понятие «основной особенности» может трактоваться по-разному, в зависимости от того или иного мировоззрения исследователя.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» «LA PENSEE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ – самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensee Russe». 217, rue du Fg Saint-Honore - 75008 Paris

Tel. 561-05-79. 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	70	130	250
ЗАГРАНИЦА ..	97	184	357

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 K Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

«МОЛИТВА»

(«ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ...»)

Стихотворение «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны...») написано Пушкиным 22 июня 1836 года. Впервые напечатано в посмертном номере журнала «Современник», изданном друзьями поэта в 1837 году. Первоначальное название «Молитва», под таким заглавием включено поэтом в список стихотворений, составленный в конце 1836 года. Под таким заголовком стихотворение комментировалось русскими пушкиноведами до 1917 года (П.В. Анненков, историк Церкви Г. Воробьев, Н.И. Черняев, С.А. Венгеров и другие). В пушкиноведении советского периода оно рассматривается под названием «Отцы пустынноики и жены непорочны...» – по начальной строке «Молитвы». Религиозность Пушкина проявлялась в течение всей его жизни. По свидетельству Анненкова наивысшее религиозное настроение духа поэта стало особенно проявляться с 1833 года и выразилось во многих пушкинских произведениях последних лет: в стихотворении «Странник», «Пророк», «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...»), «Мирская власть», «Из Пиндемонти» («Недорого ценю я громкие права...») и другие. «Все они уже ознаменованы тем особым состоянием духа, которое в высоких образах, граничащих с религиозным эпосом, ищет пищи и удовлетворения себе» – писал Анненков¹ Глубокая религиозность поэта выражалась в прилежном изучении повествований «Четьи—Минеи» («Чтения ежемесячные»), которые

Пушкин изучал с юных лет, особенно с 1825 года, когда работал над «Борисом Годуновым» (об этом он писал В.А. Жуковскому в письме от 17 августа 1825 года. В письме к П.А. Плетневу около 14 апреля 1831 года поэт передал Жуковскому совет читать Четь—Минею.) Пушкин особенно знал и ценил Библию, «Пролог», Священное Писание и жития святых; многое из них переложил на язык поэзии. Что проявление духовности было в жизни и творчестве Пушкина постоянным, выявляется при изучении его рукописей. Он выписывал из «Пролога» благочестивое сказание, послужившее основой стихотворению (Странник), переложил из него на простой язык повествование о житии преподобного Саввы Игумена, под заглавием «Декабря 3, преставление преподобного отца нашего Саввы, игумена святые обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожах, нового чудотворца (из Пролога)». Пушкин участвовал в составлении «Словаря исторического о святых, прославленных в Российской Церкви» и в своем «Современнике» написал рецензию о «Словаре . . .», в которой высказывал удивление по поводу того, что многие люди не имеют понятия о жизни тех святых, имена которых носят от купели до могилы. Религиозная мысль в лирике последних лет укреплялась от стиха к стиху и воссоздавалась преобразованной «совершенно идеальным пониманием и представлением его», — отмечал первый библиограф поэта — Анненков. Проявление духовного начала отобразилось и в ряде стихотворений, написанных летом 1836 года на даче Каменного острова. Пушкин определил последовательность произведений римскими цифрами. В этот цикл вошли стихи: «Молитва» (II), «Подражание итальянскому» (III), «Мирская власть» (IV), «Из Пиндемонти» (VI). Недостающие I и V (возможно и последующие) неизве-

стны. К сожалению, этот цикл наименее изучен. Некоторые дореволюционные исследователи высказывали сомнение в возможности передать стихотворением духовную насыщенность первоисточника. Советское пушкиноведение впервые начало исследовать эти произведения как цикл только с 1954 года и почти через 30 лет признало: «Как ни странно, но стихотворению ('Молитве' — В.Н.), занимающему столь ответственное место, уделялось исследователями меньше внимания, чем остальным произведениям цикла. Причиной этого представляется прежде всего то, что стихотворение облечено в форму молитвы...» (см.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. X, «Наука», Л., 1982 г., стр. 194—195). В советском пушкиноведении впервые более широкое освещение «Молитва» получила в 1982 году: рассмотрена история ее создания, определено ее значение в цикле, указан источник «Молитвы», но прокомментировано это стихотворение не как проявление религиозности Пушкина, а как воплощение «морально-общественных тем». Большое внимание уделялось причинам создания «Молитвы»: жизненные обстоятельства, тягостная зависимость от «мирских властей», либо сводилось к пересмотру датировки стихотворения (см. Петрунина Н.Н., Фридлендер Г.М. «Над страницами Пушкина». Л. 1974, стр. 72), либо к определению «глубинной внутренней связи и последовательности» указанного цикла (см.: В.П. Старк. «Стихотворение 'Отцы пустынноики и жены непорочны...' и цикл Пушкина 1836 года». — В книге «Пушкин. Исследования и материалы», т. X, Л., 1982, стр. 194). По их мнению, созвучие переживаний и высокой религиозности молитвы Ефрема Сирина и «Молитвы» Пушкина объяснялось не духовными устоями поэта, а «общностью судеб Пушкина и Сирина». Обращение

к личности Ефрема Сирина и стихотворное переложение его молитвы трактовалось как проявление интереса поэта к родственной судьбе и как «своеобразное творческое переживание». Подобная трактовка советского пушкиноведения отвечает общим устремлениям принизить или вовсе отвергнуть религиозность Пушкина. Все исследования пушкиноведов до 1917 года признаются «несостоятельными», «ненаучными». Труды Черняева, С.А. Венгерова, С.А. Овсяннико—Куликовского, П.В. Анненкова, и церковных деятелей, посвященные этому стихотворению, или замалчиваются, или истолковываются превратно.

Но о религиозной направленности стихотворения писали историки Церкви. Например, Г. Воробьев в статье «Женщины — сослагательницы церковных песнопений» (Русский архив, 1893, кн. I, ч. II, стр. 115) отметил, что упоминание «Пушкиным 'жен непорочных' как сослагательниц молитвословий находит для себя оправдание в церковной истории». Автор перечислял имена жен непорочных: Мариам, Деввора, Кассия, Мария и их молитвословия соотносительно дней и праздников года, и подчеркивал прекрасное знание Пушкиным церковных служб и обрядов.

Стихотворение «Молитва», это поэтическое переложение слов молитвы написанной преподобным Ефремом Сириным, великим учителем покаяния. Преп. Ефрем Сирин родился и жил в Месопотамии в IV веке. Еще молодым человеком он удалился в окрестные горы, стал отшельником и, как ученик знаменитого аскета святителя Иакова Низибийского, стяжал хри-

---

1. П.В. Аннеков. «Материалы для биографии Пушкина». Собрание сочинений Пушкина. Посмертное. 1838—1841. Том I.

стианскую кротость и смирение. Он написал много молитв и песнопений, и был пламенным проповедником покаяния и нравственного обновления, уча, что слезы покаяния смывают и сжигают грех. Пушкинское переложение молитвы Ефрема Сирина сохранилось в переделанном автографе с поправками (поэт начальные слова «святые мудрецы» заменил на «отцы пустынноики»). Пушкин сопроводил текст собственной иллюстрацией, на которой изобразил согбенного старца и келью. Пушкин выбрал эту молитву для переложения в стихотворную форму, как наиболее отвечающую его духовному состоянию:

– Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

В пушкинском стихотворении передано покаянное состояние души, которое должно владеть человеком в дни Великого поста. Эта молитва Сирина повторяется в течение всего поста (кроме суббот и воскресений) и не произносится в другое время года. В 1836 году Великий пост начался 10 февраля, а 29 марта в день Светлого Христова Воскресения умерла мать поэта Н.О. Пушкина. В июле, создавая «Молитву», Пушкин был в трауре. Об этом он сообщал в письме к И.В. Яковлеву 9 июля. Молитва Ефрема Сирина была в сознании Пушкина еще и потому, что раз на Страстной неделе поется другая покаянная молитва – стихира Кассии: «Господи, иже во многие

грехи спавшая жена...» В «Молитве» передавалось душевное состояние, связанное с днями Великого поста, со смертью матери и с предчувствием собственной гибели. Это состояние глубокого покаяния отразилось в вариантах девятого стиха. Слова «И душу мне живит...» поэт заменил на «И душу мне крепит...», затем в окончательном варианте — «И падшего крепит...». Тем же словом «укрепить» заменил слово «освежать» в третьем стихе. При переложении молитвы он сохранил «сиринскую строфу» оригинала, употребил те же самые словосочетания, сохранил все признаки молитвы, четкое разделение на три части, отделенных паузами. Пушкин каялся и просил избавления от грехов любоначалия, уныния, празднословия. В молитве Ефрема Сирина он сделал перестановки: поменял местами вторую и третью части, выдвигая на первое место просьбу к Богу: «Дай мне зреть мои, о Боже, прегрешения...» Поэт кается в любоначалии, определяя его эпитетом: «змеи сокрытой сей». В 1898 году исследователь Н.И. Черняев писал: «Эпитет, которым характеризует Пушкин любоначалие, великолепен...» Этого поэтического образа в молитве Ефрема Сирина нет, но его введение художественно целесообразно.

Обращение поэта к молитве Ефрема Сирина было неоднократным. Во вторник 23 марта на Страстной неделе (1821 год) он писал покаянное письмо Антону Дельвигу, передавая пожелания Вильгельму Кюхельбеккеру в Париж: «Желаю ему в Париже дух целомудрия. в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения...» Однако религиозный настрой «Молитвы» 1836 года еще более глубок.

К молитве Ефрема Сирина у Пушкина было осо-

бенное отношение и обращение к ней не случайно: вдохновение религиозного свойства, охватившее поэта при чтении молитвы, вылилось в глубокое раскрытие перед Богом. «Молитва» открывала цикл многих стихотворений, из которых некоторые остались нам неизвестными, и была самым значительным. «Молитва» отвечала состоянию души поэта в дни Великого поста, звала к покаянию в грехах. Молитва им выбрана та,

... которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста...

которая ведет к очищению. Пушкин в это время носил траур по случаю смерти матери и предощущения собственной смерти за полгода до дуэли были у поэта особенно сильны. Состояние души его в эти дни было тяжелое. К неудачам творческим прибавились заботы семейные.

«Молитву» необходимо рассматривать в общем цикле, как он был пронумерован поэтом. Без такого анализа побудительные причины создания всего цикла остаются во многом неясными, а отсутствие по крайней мере двух стихотворений заставляет вспомнить фразу из речи Ф.М. Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году о тайне, которую унес с собой в могилу поэт и которую мы теперь пытаемся отгадывать.

Стихотворения последнего периода жизни поэт почти не печатал, но те немногие, опубликованные, отвергали мнение, будто бы Пушкин «умер для поэзии». Перечитывая нами разбираемое стихотворение и другие стихи последних лет, Ал.Н. Карамзин писал, что они «прекрасные донельзя». Он подметил существенную перемену в произведениях последнего вре-

мени. Если ранее главным их достоинством были «удивительная легкость, воображение, роскошь выражений и бесконечное изящество», то в лирике последних лет поражает могучая сила и зрелость таланта, «обилие высоких, глубоких мыслей», высказанных с предельной простотой; «читая их, поневоле дрожь пробегает и на каждом стихе задумываешься и чувствуешь гения» (см.: «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг.» М.—Л., изд. АН СССР, стр. 192).

**ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МЫСЛИ**

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Журнал ставит себе целью возродить древнее, святоотеческое, православное мировоззрение, предлагая православную точку зрения на самые современные явления и события.

Адрес издательства:

Orthodox Observer
8011 Champagne Ave., Montreal, Que.
H3N 2K4
Canada

Цена 3.00 ам. дол. для Канады, Америки и Австралии.
Для стран с низкой валютой – цена из расчета 50 ам. центов.

ЛЕГЕНДА ОБ АТЕИЗМЕ ПУШКИНА*

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПОЭТА).

Первыми сочинителями легенды об атеизме Пушкина были представители Союза воинствующих безбожников в 1920-30 годах, активным членом которого был автор книги «Атеизм А.С. Пушкина» В.С. Рожицын (1928 г.). Именно в этой среде ярче всего стала очевидной их задача присвоить себе Пушкина, т.е. сделать его своим, таким же своим, каким он был для Николая I, с которым он впоследствии ладил; обращаясь к поэту, вернувшемуся из ссылки в 1826 году, царь сказал: «Ну теперь ты не прежний Пушкин, а МОЙ ПУШКИН».¹ Через несколько де-

---

* Стопятидесятилетие со дня смерти Пушкина, отмечающееся в 1987 году, имеет особую важность: в отличие от других юбилейных дат эта годовщина предваряет другой исторически важный юбилей – тысячелетие крещения Руси, которое будет отмечаться в 1988 году. Судя по некоторым данным, в советской литературе о Пушкине существует тенденция представлять поэта атеистом, что стало особенно заметным с приближением 1987-88 годов. Делается это, по-видимому, с целью противостоять естественному слиянию в сознании людей духовного наследия Пушкина и тысячелетней традиции русской православной Церкви.

Ниже мы публикуем очерк Ростислава Шульца, в котором исследователь опровергает попытки некоторых авторов советских юбилейных книг о Пушкине представить поэта безбожником.

Редакция

1. Сноски см. на стр. 119.

сятков лет выражение «Мой Пушкин» заимствовали для своих книг поэты В.Я. Брюсов² и М.И. Цветаева.³ В этой связи следует отметить, что до революции многие русские атеисты не только не считали Пушкина своим, но и, избрав мишенью его жизнь и творчество, всячески пытались очернить его имя. Так, в архиве истории партии саратовского Крайкома ВКП(б) сохранилась брошюра «Несколько слов о Пушкине», выпущенная легально по случаю столетия со дня рождения поэта — 26 мая 1899 года. Написана она в народническом духе с умалчиванием каких—либо достоинств поэта. Вот небольшой отрывок из этой брошюры, составленной группой революционеров-безбожников, которые категорически отрицали народность Пушкина:

«Пушкин не был никогда другом народа, а был другом царя, дворянства и буржуазии: он льстил им, угождал их развратным вкусам, а о народе отзывался с высокомерием потомственного дворянина. Жизнь Пушкина прекрасно подтверждает справедливость наших слов. Мы знаем друзей народа, окончивших жизнь на виселице, мы знаем друзей народа, сидевших долгие годы в тюрьмах, сосланных в снега Сибири, но друзей народа в кругу придворных, награжденных званием камер-юнкера, мы не знаем и убеждены, что там в палатах царя, их нет. Ссылками и тюрьмой награждает русское правительство друзей народа, и только один из них Пушкин был награжден 30-тысячной рентой и званием камер-юнкера. Этот факт наглядно показывает нам, что Пушкин не был другом народа...

В честь поэта поют панихиды архиереи и попы, — это духовная гвардия буржуазии, которая учит вас в церквах безмолвной покорности перед грозным начальством и сулит гнев божий за всякий ропот...

Все вышеизложенное в достаточной степени обрисовывает поэта, объясняет присутствие на его празднике буржуазии, правительства и попов и дает возможность отрицать за ним право называться народным, национальным поэтом».⁴

В следующий юбилей – столетие со дня смерти поэта в 1937 году – вышла книжка руководителя Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославского «Атеизм Пушкина», в которой, на основании ряда эпиграмм и ранних стихотворных шалостей, поэт представлен как человек с антирелигиозными настроениями. Атеистическая легенда о Пушкине строится, в частности, на замалчивании того факта, что он соблюдал религиозные обряды и ходил в церковь, о чем есть множество свидетельств. Так, П.И. Долгоуков, встречавшийся с поэтом у генерала И.Н. Инзова в Кишиневе, писал, что «Пушкин говееет с нами».⁵ Издатель М.П. Погодин вспоминает, что «Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутреню на Светлое Воскресенье».⁶ А другу семьи Пушкиных, А.М. Каратыгиной, запомнился такой эпизод: «Помню, как графиня Екатерина Марковна рассказывала мне, что Саша Пушкин, видя меня глубоко растроганною за всенощною Великой Пятницы, просил сестру свою, Ольгу Сергеевну, напомнить мне, что ему очень больно видеть мою горесть...».⁷

Легенда об атеизме Пушкина также строится на сознательном искажении определенных фактов, на отрицании религиозного сознания поэта и религиозного содержания его творчества. Вот что пишет о нем Ярославский:

«Пушкин очень часто возвращается к мистическим суеверным настроениям своих современников и героев. Он рисует мир, населенный бесами («Зимняя дорога»), привидениями («Пиковая дама»), ведьмами

(«Гусар») и т.п... Поэт описывает подробно сны Татьяны, объяснения которым она ищет в «соннике», книге Мартына Задеки. Этот Задека,

Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов,

служил настольной книгой не одной Татьяны. Поэт высмеивал эту веру в сны, в привидения, он вел борьбу с религиозными предрассудками окружающего общества при всяком случае. В сказке, в поэме, в эпиграмме стих Пушкина звучит насмешкой над этими предрассудками и суевериями».⁸

Пушкин никакой борьбы ни с какими «религиозными предрассудками» и суевериями не вел. Наоборот, как и у многих его соотечественников, описанных в книге его приятеля В.И. Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа»,⁹ в нем уживались и религиозность, и суеверие; он верил и в Промысел, и во вмешательство сверхъестественных сил в жизнь человека; словом, он был предрасположен к мистике. Атеисты к этому никак не предрасположены. Как уже отмечалось, Пушкин наделил Татьяну Ларину характерным ему самому суеверием:

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.
Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:

То несомненный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг увидя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,
Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу темному летела
И рассыпалася, – тогда
В смятенье Таня торопилась,
Пока звезда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случилось где-нибудь
Ей встретить черного монаха
Иль быстрый заяц меж полей
Перебегал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

Глава пятая «Евгения Онегина», из которой приведены стихи о суеверии Татьяны, была начата 4 января 1826 года. Это было время, когда Пушкина не покидали мысли о восстании декабристов и о том, как приметы, по его мнению, спасли его от участи некоторых его друзей-декабристов: 13 декабря 1825 года, после того, как Пушкин узнал о кончине Александра I, с которым он не ладил, он решил тайком съездить к друзьям из села Михайловского, куда он был сослан, в Петербург. Вот как об этом вспоминает его соседка М.И. Осипова:

«...Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но, доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петербург, но на пути заяц три раза перебегал ему дорогу, а при самом выезде из Михайловского Пушкину по-

палось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием, Пушкин отложил свою поездку в Петербург, а между тем поспело известие о начавшихся арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда».¹⁰

Пушкин был глубоко уверен, что, если бы ему не перешел дорогу священник и не перебежал путь заяц, то он оказался бы 14 декабря на Сенатской площади. Возможно, он никогда не написал бы и пятой главы о суеверии Татьяны – этой идеальной русской женщины, как ее называют многие читатели.

В отличие от несुеверных верующих, считающих, что Богом человеку дана известная автономия, известная свобода воли, суеверные люди склоняются в сторону относительной беспомощности человека в свете влияния на его судьбу потусторонних сил: силы тьмы строят человеку козни, а силы света, путем разных ниспосланных примет, пытаются предупредить человека о надвигающейся опасности. Пушкин полагал, что избежать опасность можно с помощью расшифровки этих примет и предупреждений. Он также верил в то, что некоторые люди обладают даром заглядывать в будущее. Так, в 1819 году Пушкину была предсказана насильственная смерть, о чем, среди прочих, вспоминает его приятель А.Н. Вульф:

«...В бытность поэта в Петербурге, одна славная тогда в столице ворожея следала зловещее предсказание Пушкину, когда тот посетил ее с одним из своих приятелей. Глядя на их руки, колдунья предсказала обоим насильственную смерть. На другой день приятель Пушкина ... был заколот унтерофицером. Пушкин же до такой степени верил в зловещее пророчество ворожеи, что, когда впоследствии, готовясь к дуэли с известным гр. Толстым, стрелял вместе со мною в цель, то десять раз повторял: 'Этот меня не

убьет, а убьет белокурый, как колдунья пророчила – и точно, Дантес был белокур». ¹¹

О том, что Пушкин до конца жизни верил в свою насильственную смерть от руки белокурого человека, осталось множество воспоминаний.

Друг семьи Пушкиных, Е.А. Долгорукова, не покидавшая дом поэта в его предсмертные часы, вспоминает, что произошло с поэтом 18 февраля 1831 года, в день его венчания: «Венчались в приходе невесты у Большого Вознесения. Во время венчания нечаянно упали с аналая крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка. 'Tous les mauvais augures' ('Все дурные предзнаменования' – Р.Ш.), – сказал Пушкин». ¹²

В мемуарах современников Пушкина есть очень много указаний на суеверие и на религиозно-мистические настроения поэта. Но и эти немногие примеры дают представление о том, почему неверно утверждать, что поэт не был мистиком или что он высмеивал суеверие своих современников, как это утверждал в 1937 году руководитель Союза воинствующих безбожников Ярославский по случаю сотой годовщины со дня смерти Пушкина.

Пушкин написал более восьмисот произведений. Однако советские атеисты ссылаются в своих юбилейных книжках именно на те немногие стихи поэта, которые являются грехами беспечной молодости и которые можно перечислить по пальцам. Как раз на основании этих стихов и строится легенда об атеизме Пушкина, хотя хорошо известно мнение поэта относительно данных стихов. Ю.В. Юзефович, знавший Пушкина в послелицейские годы и затем встречавшийся с ним в 1829 году в Закавказье, описывает, какие перемены произошли в характере поэта:

«Во всех его речах и поступках не было уже и следа прежнего разнузданного повесы... Я помню, как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной библейской поэме и стал было читать из нее отрывок. Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости».¹³

Поэт и драматург П.А. Катенин, знавший Пушкина в молодости и в зрелом возрасте и одновременно с ним избранный в члены Академии, дает ему такую характеристику:

«Я заметил в нем одну только перемену: исчезли замашки либерализма. Правду сказать, они всегда казались угождением более моды, нежели собственным увлечением; еще прежде из тех стихов его, которые по рукам ходили, он всегда упорно отказывался мне что-нибудь прочесть, отзываясь, что они не про меня писаны, и показывать их знающему стыдно».¹⁴

Поразительно здесь то, что на родине поэта по случаю его юбилеев атеистами выпускаются книжки с упоминанием как раз тех его произведений, которых он больше всего стыдился и которых он сам никогда бы не включил в собрание своих сочинений.

В более зрелом возрасте у Пушкина не было стихов, которые можно было бы истолковать как атеистические; поэтому для того, чтобы создать впечатление, будто поэт до конца жизни оставался таким же, каким он был в юности, советские атеисты часто приводят в своих книгах искаженные тексты поэта. Так, 19 октября 1836 года Пушкин написал публицисту и философу П.Я. Чаадаеву полемическое письмо по-французски относительно того, что православие

для России в историческом плане подходит больше, нежели католицизм. В своем письме Пушкин придерживался взгляда, что по сложившимся историческим обстоятельствам русское православие стало чуждым католическому миру. Ярославский, однако, дал в своей книге неточный перевод отрывка из пушкинского письма, и вышла полностью искаженная картина:

«Религия совершенно чужда нашим мыслям, нашим привычкам... Но об этом не следует говорить'. И в этом же письме Пушкин спрашивает Чаадаева: 'Читали ли вы третий номер *Современника*? Статья о Вольтере написана мною'. Если принять во внимание, что Пушкин писал это за год до его смерти, когда на смертном одре он исповедывался и причащался, то можно представить себе, с какой болью он выполнял эти религиозные обряды, чтобы не оскорбить окружающих в эти последние минуты своей жизни. И как трудно было ему сдерживать в себе свое действительное отношение к религии и церкви!». ¹⁵

Сравним искаженный перевод отрывка из письма Пушкина Чаадаеву, использованный Ярославским, с правильным переводом отрывка из этого письма – в контексте обсуждаемого исторического вопроса:

«Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех». ¹⁶

У Пушкина речь идет о том, что в результате татарского ига русские православные были отрезаны от западного христианства. В книжке Ярославского

«Атеизм Пушкина», однако, нарочно создается впечатление, будто, по мнению поэта, религия как таковая чужда мыслям и привычкам русского народа. А фраза, которую Ярославский приводит якобы из письма Пушкина – «но об этом не следует говорить», – чистая выдумка. Ничего подобного поэт Чаадаеву не писал. Упоминание статьи о Вольтере тоже рассчитано на то, чтобы вызвать у читателя ассоциации с юношескими годами поэта, когда он любил подражать «фернейскому злему крикуну». В действительности Пушкин выводит в своей статье французского философа как торгаша. И хотя Вольтер оставался по-прежнему для Пушкина большим авторитетом как историк, он с годами перерос Вольтера как поэта, писателя и драматурга и в этой связи пересмотрел свое отношение и к Вольтеру-человеку. Вот что пишет Пушкин о Вольтере в 1834 году:

«Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой 18 век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека. Он написал эпопею с намерением очернить кафолицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобию характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии... наконец и он, однажды в своей жизни, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в циничной поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна,

святыня обоих Заветов обругана». ¹⁷

Таково мнение Пушкина о Вольтере в 30 годах. Ярославский же в своей книжке «Атеизм Пушкина» пытается создать впечатление, будто в предсмертные часы Пушкин уважал богоборчество Вольтера, неохотно выполнял религиозные обряды и с трудом сдерживал в себе отрицательное отношение к религии. Однако современники Пушкина оставили после себя множество указаний на то, как в действительности поэт относился к религии. Вот воспоминание В.А. Жуковского о предсмертных часах Пушкина:

«Послали за священником в ближайшую церковь. Умиравший исповедался и причастился с глубоким чувством. Когда Арендт прочитал Пушкину письмо государя, то он вместо ответа поцеловал его и долго не выпускал из рук; но Арендт не мог его оставить ему. Несколько раз Пушкин повторял: 'Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним. Письмо! где письмо? ...

...Карамзина? тут ли Карамзина? — спросил он спустя немного. Ее не было; за нею немедленно послали, и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла от постели, он ее кликнул и сказал: 'Перекрестите меня!'. ¹⁸

Один из ближайших друзей Пушкина и издатель его произведений, П.А. Плетнев, вспоминает, что незадолго до смерти у поэта «было какое-то высоко-религиозное настроение», и он говорил «о судьбах Промысла». ¹⁹ Эту же мысль Плетнев повторил бывшему лицеисту Я.К. Гроту:

«Любимый со мною разговор его, за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: 'Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение'». ²⁰

Искажение фактов и тенденциозность пропагандистской книжки Ярославского впоследствии были заимствованы и другими сочинителями легенды об атеизме Пушкина. Так, по случаю столетия со дня смерти поэта в СССР вышла книжка И.В. Гуторова «Философско-эстетические взгляды А.С. Пушкина», в которой фигурирует та же искаженная цитата из письма поэта Чаадаеву – «религия совершенно чужда нашим мыслям, нашим привычкам»,²¹ хотя к тому времени в малых академических изданиях сочинений Пушкина (под редакцией Б.В. Томашевского) уже существовал вполне адекватный перевод данного письма. Эта цитата находится в главе под названием «Философский материализм, воинствующий атеизм, принцип движения и диалектика жизни в творчестве А.С. Пушкина», свидетельствующей о желании автора представить поэта чуть ли не предтечей марксистов...

Необходимо упомянуть и об увлечении Пушкина французским мистиком Жаком Казотом – вопросе, который на родине поэта до сих пор остается неосвященным. По мере все возрастающего интереса к личности и мистике высоко-нравственного Казота Пушкин постепенно освобождался от кощунственного влияния Вольтера. Так, конец 1810 и начало 20 годов можно было бы назвать периодом перекрестного влияния в духовном развитии поэта, когда еще заметно на него воздействие Вольтера, но уже ощутимо влияние Казота.²² Пушкин, проявивший очень рано склонность к историзму, знал, что Вольтер и Казот являются в духовном плане антиподами. Тем не менее на протяжении нескольких лет в «широкой натуре» поэта уживались идеи этих представителей диаметрально противоположных духовных крайностей: Вольтер – представитель рационалистического просве-

тительства (философ), а Казот – один из основоположников французского романтизма (антифилософ).

В романе Казота «Влюбленный дьявол», написанном в 1772 году и имевшемся в библиотеке Пушкина даже в русском переводе, рационалистическая философия и ее представители (Вольтер, Дидро и др.) в аллегорическом плане отождествляются с Вельзевулом, явившимся в облике **белокурого дьявола** (вспомним о повышенном интересе Пушкина к белокурому незнакомцу), который строит человеку разные козни. Этот роман является важной вехой в полувековой борьбе Казота с просветительством, на которое он возлагал вину за нравственное разложение общества и за подготовку революции. Первые признаки увлечения поэта Казотом становятся заметными по окончании Лицея («Руслан и Людмила», «Возрождение», фрагмент «Наденька»)²³ и во время южной ссылки (наброски к поэме «Влюбленный бес», план повести «Влюбленный бес» и так называемые «адские» рисунки, когда одновременно становится ощутимым кратковременное влияние на него Байрона. Начиная с северной ссылки интерес поэта к религиозному аспекту творчества Казота заметно возрастает: в 1826 и 1827 годах Пушкин носит с мыслью осуществить драматические замыслы «Иисус» и «Влюбленный бес», а в 1828 году он рассказывает в салоне Карамзиных повесть про влюбленного беса «Уединенный домик на Васильевском».

В первом томе Казота в одной из вступительных статей под заглавием «Пророчество Казота», написанной литературоведом Ж.-Ф. Лагарпом, по учебнику которого в свое время лицеисты изучали французскую литературу, Лагарп пишет, что за год до французской революции он находился с Казотом в кругу академиков и нескольких дам, где Казот предсказал

революцию и ее роковые последствия. Вот отрывок из «Пророчества Казота»:

«В ту пору в свете ради острого словца уже позволяли себе говорить решительно все. Шамфор прочитал нам свои нечестивые, малопрстойные анекдоты, и дамы слушали их безо всякого смущения, даже не считая нужным закрыться веером. Затем посыпались насмешки над религией. Один привел строфу из Вольтеровой «Девственницы», другой – философские стихи Дидро, и все это встречало шумное одобрение. Третий встал и, подняв стакан, громогласно заявил: 'Да, да, господа, я так же твердо убежден в том, что Бога нет, как и в том, что Гомер был глупцом'... И все сошлись на том, что суеверию и фанатизму неизбежно придет конец, что место их займет философия, что революция не за горами, и уже принялись высчитывать, как скоро она наступит и кому из присутствующих доведется увидеть царство разума собственными глазами...

Один только гость не разделял пламенных этих восторгов и даже проронил несколько насмешливых слов по поводу горячности наших речей. Это был Казот».²⁴

После того как Казот предсказал нескольким присутствующим насильственную смерть, связанную с революцией, он предсказал ее и себе, затем учтиво поклонился и покинул общество.

«Пророчество Казота» было переведено на русский язык лишь в 1829 году. Пушкин же видимо еще в 1819 году углублялся в суть содержания этого воспоминания Лагарпа о Казоте.

В том же 1819 году Пушкину была предсказана насильственная смерть, что произвело на него неизгладимое впечатление. Он не любил шутить, когда речь заходила о пророчествах, касавшихся насильст-

венной смерти.

По случаю предстоящего столетия со дня смерти Пушкина вышла очередная книжка о Пушкине-атеисте «Крушение легенды», принадлежащая Б.М. Марьянову. Вот какой подзаголовок у этой книги: «Против клерикальных фальсификаций творчества А.С. Пушкина». В начале 60-ых годов Марьянов активно участвовал в исследовании темы «Пушкин и Ирвинг» и успешно расшифровал цитату из Ирвинга, приведенную в пушкинской статье «Джон Теннер». А через четверть века он решил внести нечто новое в известную искаженную цитату из письма поэта Чаадаеву:

«Религия чужда нашим мыслям, нашим привычкам, к счастью . . .»²⁵

Как видим, «к счастью» это – определенное новшество! Ведь в предыдущих книжках об атеизме Пушкина никакого «к счастью» не было, не говоря уже о том, что и в письме Пушкина ничего подобного не было! Правда, Марьянов решил отказаться от эпитета «совершенно». Что же касается того факта, что поэт в предсмертный час исповедался и причастился, то Марьянов повторяет мысль своих предшественников, сочинявших легенду об атеизме Пушкина: «Ясно, что Пушкин принял этот обряд как докучную неизбежность».²⁶

Пожалуй, главным различием между книжкой «Крушение легенды» и предшествовавшими ей книжками, посвященными легенде об атеизме Пушкина, является тот факт, что написана она в связи с приближением столетия со дня смерти поэта и тысячелетия крещения Руси. Именно в этом плане нужно понимать выпад Марьянова против «Журнала московской патриархии», где не так давно был опубликован стихотворный диалог между Пуш-

киным и митрополитом Филаретом, свидетельствующий о неразрывной связи русской национальной культуры и религии.²⁷ Судя по следующей цитате из книжки Марьянова, автор обеспокоен слишком близкой связью между культурным наследием Пушкина и Церковью:

«И сегодня защитники религии пытаются продлить жизнь легенды о религиозности Пушкина – так же, как стремятся представить верными сынами Церкви многих других деятелей отечественной культуры. В период подготовки к тысячелетней годовщине принятия христианства в качестве официальной религии Древнерусского государства, отмечаемой Русской Православной Церковью в 1988 году, этот довод призван обосновать притязания Православной Церкви на роль хранительницы духовного наследия русского народа, подкрепить церковный авторитет».²⁸

В заключение следует отметить, что, по мере развития процесса присвоения Пушкина советской властью, образ поэта в СССР превратился постепенно в некое атеистическое божество, по отношению к которому не допускается абсолютно никакой критики. Наиболее слабым с художественной точки зрения стихам, которых поэт сам стыдился, придается особое значение, в то время как значение стихов религиозного характера умалется. В результате советской цензуры часто до неузнаваемости переделываются ранние работы многих пушкинистов, которых нет уже в живых. Например, в посмертном издании книги Томашевского «Пушкин и Франция», куда вошли ранее опубликованные его работы, можно найти такие купюры: имея в виду «Каменного гостя», Томашевский в свое время писал, что вторая сцена этой маленькой трагедии «является побочным эпизодом, чрезвычайно слабо спаянным с основной линией».²⁹

В переизданном тексте это критическое замечание изъято. Другой пример – переиздание книги «Пушкин в жизни» В.В. Вересаева, который в первые годы советской власти наряду с другими пушкинистами (см. «Мудрость Пушкина» М.О. Гершензона) еще писал о религиозности поэта. Недавно книга «Пушкин в жизни» была переиздана, но это уже не та книга, которая вышла в 20-ых годах. В ней столько купюр и искажений текста, что об этом можно было бы написать отдельную статью. Надо надеяться, что искажение духовного облика Пушкина недолговечно, что легенда о его атеизме как «хрестоматийный глянец» или как «ветхая чешуя» с него спадет и что в один прекрасный день поэт вновь предстанет на своей родине таким, каким он был в жизни. На этой ноте следует закончить наши размышления словами самого Пушкина из стихотворения «Возрождение»:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые с летами
Спадают ветхой чушуй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников; Серия литературных мемуаров, в двух томах; М. 1985; т. II, с. 178.
2. В.Я. Брюсов; *Мой Пушкин*; М.-Л. 1929.
3. М.И. Цветаева; *Мой Пушкин*; М. 1967.
4. *Несколько слов о Пушкине*; Литературное наследство 16-18; М. 1934; с. 1048.
5. А.С. Пушкин в воспоминаниях; т. I, с. 371.

6. Там же: т. II, с. 43.
7. Там же: т. I, с. 202.
8. Ем. Ярославский; *Атеизм Пушкина*; М. 1937; сс. 22-24.
9. В.И. Даль; *О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*; П.-М. 1880.
10. А.С. Пушкин в воспоминаниях...; т. I, с. 459.
11. А.Н. Вульф; «Рассказ о Пушкине»; Русская старина; № 1, М. 1870; 11, с. 571.
12. А.С. Пушкин в воспоминаниях...; т. II, с. 150.
13. Там же: т. II, с. 115.
14. Там же: т. I, с. 190.
15. Ем. Ярославский; сс. 10-11.
16. А.С. Пушкин; *Полное собрание сочинений в десяти томах*; Л. 1977-1979; т. X, с. 689.
17. Там же: т. 7, с. 214.
18. А.С. Пушкин в воспоминаниях; т. II, сс. 400-401.
19. Там же: т. II, с. 295.
20. Там же: т. II, с. 296.
21. И.В. Гуторов; *Философско-эстетические взгляды А.С. Пушкина*; Минск, 1957; с. 40.
22. Там же: с. 20.
23. Литературное наследство 16-18; с. 1047.
24. А.С. Пушкин; т. I, с. 398.
25. Jacques Cazotte: "Oeuvres badines et morales, historiques et philosophiques" в четырех томах; Paris, 1817, p. XI.
26. Более подробно влияние Казота на Пушкина описано в моей кн. *Пушкин и Книдский миф*; изд. Финк, Мюнхен, 1985.
27. В «Руслане и Людмиле» еще присутствует дух Вольтеровых «Девственницы» и «Кандида», но уже очень многое создано под влиянием романа «Оливье» Казота. Стихотворение «Возрождение» восходит к басне Казота «Завистник и статуя» («L'Envieux et la Statue»). Эту басню Пушкин совершенно по-своему переосмыслил, превратив завистника-скульптора в художника-варвара. В своей басне Казот описывает посредственного скульптора, который завидовал Праксителю, создавшему Афродиту Книдскую. Однажды завистник незаметно пробрался в храм богини любви и красоты и всю ее испачкал грязью, что возмутило почитателей богини. Но волею небес этот кощунственный поступок оказался недолговечным: со временем дождь смыл с изваяния всю грязь, и гениальное произве-

- дение искусств вновь предстало пред книжниками во всей своей первозданной красоте. А вот как переосмыслил гениальность и посредственность казотовской басни Пушкин, см. стр.17 текста. Отрывок «Наденька», его зачин и завязка восходят к роману «Влюбленный дьявол» Казота.
28. Русский перевод «Пророчества Казота» находится в приложении к книге: «Гораций Уолпол: 'Замок Отрандо' – Жак Казот: 'Влюбленный дьявол' – Уильям Бекфорд: 'Ватек'»; Л. 1967.
29. Б.М. Марьянов; *Крушение легенды* (Против клерикальных фальсификаций); М. 1985, с. 110.
30. Там же: с. 15.
31. Журнал Московской патриархии, № 6, М. 1980, с. 58.
32. Б.М. Марьянов; с. 6.
33. Б.М. Томашевский: «Маленькие трагедии Пушкина и Мольер»; Пушкин. Временник пушкинской комиссии 1; Л.-М. 1936; с. 131.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.

Основан Братством преп. Иова Почаевского

в 1928 году

Подписная плата на год 20 долл.

Отдельный номер 1.-

**Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361**

ПУШКИН ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ

Передо мною книга – «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников». Редакция и вступительная статья С.Я. Гессена. Государственное Издательство Художественной литературы. Ленинград. 1936 год.

Любая книга, изданная в Советском Союзе, особенно в период 30-ых годов, невольно вызывает настороженность и, до какой-то степени, может появиться предвзятое мнение о ее содержании. Так много сознательной лжи, искажений, пропаганды и партийного заказа было, есть и будет в советской печати пока существует коммунистическая власть в России, что заранее появляется чувство предубеждения и к автору и к тому, что он пишет, особенно, когда он пишет на тему исторического характера, когда связан он необходимостью изуродовать правду, и представить все так, как этого требует «Партия и Правительство» в данный период существования, закабаленного советской властью нашего народа. Но переборов это чувство, и отбросив длинную и очень скучную вступительную статью, в которой С.Я. Гессен старается доказать участие Пушкина в заговоре Декабристов, сделать из него чуть ли не предтечу большевизма, представить его крайним либералом, человеком неверующим и т.д. и т.п.! Отбросив весь этот «парт-заказ» способствовавший тому, что эта книга была напечатана, и стала доступной очень ограниченному числу читателей – тираж книги всего 10.300

экземпляров – все-таки хочется поделиться с нашей русской общественностью тем немалым трудом, который проделал автор книги, используя огромный архивный материал, позволивший ему ясно представить А.С. Пушкина не только гениальным поэтом, но и простым человеком со всеми его достоинствами и со всеми его слабостями, о чем рассказывают в своих письмах, статьях, воспоминаниях и дневниках родные Пушкина, его друзья, знакомые, знавшие поэта в разные годы короткой его жизни.

В книге больше шестисот страниц. Гессен собрал воспоминания и мемуары о Пушкине 29-ти авторов, начиная с записок брата поэта, Льва Сергеевича Пушкина и кончая переживаниями семейного доктора семьи Пушкиных, профессора И.Т. Спасского. Все это так ценно, так ново или забыто, что хочется словами авторов мемуаров рассказать читателям «Русского Возрождения» о том, о чем мало кто из нас знает, что позволит нам представить себе Пушкина не только как великого, гениального поэта, но и как простого русского Человека. Из первого «...досадно короткого и лапидарного воспоминания» как пишет В.П. Гаевский, один из авторов статей об А.С. Пушкине в 1853 г., «Библиографического Известия» Л.С. Пушкина, мы возьмем только то, что касается детства поэта, приводя последовательно сведения других авторов о более поздних годах, вплоть до трагических дней дуэли и смерти Поэта, 150-ти-летняя годовщина которой исполняется в текущем, 1987-ом году.

Лев Сергеевич Пушкин, (о котором мало кто из нас знает или помнит, и о котором поэт и критик, князь П.А. Вяземский, один из ближайших друзей Пушкиных, пишет: «...может быть и он – будучи поэтом – тоже внес бы имя свое в летописи нашей

литературы») – в своем «Биографическом Известии об А.С. Пушкине до 1826 года» пишет: «Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года. До одиннадцатилетнего возраста он воспитывался в родительском доме. Страсть к поэзии появилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял уже на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского: он слышал один французский язык; гувернер его был француз, впрочем человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой. Пушкин был одарен памятью необыкновенной и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.

1811 году открылся Царскосельский Лицей, и отец Пушкина поручил своему брату Василию Львовичу (литератору и поэту) отвезть его в Петербург, для помещения в сие заведение, куда он и поступил в числе тридцати учеников. Тут развился его характер любящий, пылкий и независимый. Учился он легко, но небрежно; особенно он не любил математики и немецкого языка. На сем последнем он до конца жизни читал мало и не говорил вовсе».

«Аттестат, выданный ему из Лицея, свидетельствовал, между прочим, об отличных успехах его в фехтовании и в танцевании и о посредственных в русском языке. По выходе из Лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны. Он жадно, бесшечно предавался всем наслаждениям. Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разно-

образен. Тут началась его дружба с Жуковским, не изменившая ему до последней минуты». «Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал, но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно. Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях».

Когда Пушкин был на юге: «...Полуденное небо согрело в нем все впечатления, море увлекало его воображение. Любовь овладевала сильнее его душою. Она представляла ему со всею заманчивостью интриг, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаяния. Однажды в бешенстве ревности, он пробежал пять верст с обнаженной головой под палящим солнцем по 35-градусной жаре».

Теперь, после отрывочных и сбивчивых воспоминаний брата Пушкина, «Левушки», как называли его до самой смерти друга, живого и стремительного, со слов Вяземского смуглого, похожего, как и его брат Адександр на арапа или белого негра, мы перейдем к «Запискам о Пушкине» И.И. Пущина, который был первым другом и товарищем поэта в Лицее. Записки эти были написаны по настоянию Е.И. Якушина, собиравшего материал о Пушкине для журнала «Атеней» в 1859 г., но полностью были напечатаны только в 1907 г. Они являются важней-

шим источником биографии Пушкина. В них Пущин полно и подробно, с большим художественным мастерством, будучи сам талантливым литератором, пишет о периоде жизни их в Лицее и Петербурге. В предисловии своем в письме к Якушину, Пущин пишет: «Впрочем, вы не будете тут искать исторической точности; прошу смотреть без излишней взыскательности на мои воспоминания о человеке мне близком с самого нашего детства: я гляжу на Пушкина не как литератор, а как друг и товарищ». И дальше он следующими словами рассказывает о своей первой встрече с Пушкиным, во время их поступления в Лицей.

«Вошел какой-то чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям. – Я слышу: Александр Пушкин – выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда... Не припомню, кто, только чуть ли не В.Л. Пушкин, привезший Александра подозвал меня и познакомил с племянником... Таким образом я сделался товарищем Пушкина... С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии».

В Лицее, Пущин рассказывает: «Мы все видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками, которые по каким-либо обстоятельствам и раньше, и легче находят случай чему-нибудь выучиться. Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его

дарований, ускорила его образование, но нисколько не сделала его (педантом) заносчивым, признак доброй почвы. Все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. В этом даже участвовало его самолюбие, — бывали случаи очень неловкие. Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли».

При открытии Лицея был прочитан устав, в котором упоминалось: «Телесные наказания запрещаются». Но в особых случаях — «... разрешено наказывать с родительскою нежностью лозою смирения».

После торжественного молебствия и освящения водою всех помещений Лицея: — «... стали нас вызывать по списку; каждый выходя перед стол, кланялся Императору, который очень благосклонно вглядывался в нас и отвечал терпеливо на неловкие наши поклоны». «Дельвиг, поэт и друг Пушкина, в прощальной песне 1817 года, за нас всех вспоминает этот день:

Тебе наш Царь благодарение!
Ты сам нас юных съединил
И в сем святом уединении
На службу музам посвятил».

Так Пущин вспоминает этот день, и дальше он пишет: «Несознательно для нас самих мы начали в Лицее жизнь совершенно новую, иную от всех других учебных заведений... Жизнь наша лицейская сливается с политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с то-

го, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усаые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита!

Сыны Бородина, о кульмские герои!

Я видел, как на брань летели ваши строи;

Душой торжественной за братьями летел...

Так вспоминал Пушкин это время в 1815 году, в стихах на возвращение Императора из Парижа. Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции; газетная комната никогда не была пуста в часы свободные от классов; читались наперерыв русские и иностранные журналы... Таким образом мы скоро сжились, свыклись. Образовалась товарищеская семья, в этой семье — свои кружки; в этих кружках начали обозначаться, больше или меньше, личности каждого; близко узнали мы друг друга, никогда не разлучаясь; тут образовались связи на всю жизнь.

Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то, чтобы он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях... Главное, ему не хватало того, что называется тактом, это — капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудро, почти невозможно, при совершенно бес-

церемонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений повседневной жизни... При самом начале он наш поэт. Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда окончив лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: — 'Теперь, гг. будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами.' Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые сразу всех нас восхитили... Сегодня расскажу вам историю гогель-могеля, которая сохранилась в летописях Лицея. Шалость приняла серьезный характер и могла иметь пагубное влияние на Пушкина. Мы затеяли выпить гогель-могелю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники, но они остались за кулисами. Дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тут же начались спросы, розыски. Мы явились и объявили, что это наше дело и что мы одни виноваты. Этим не кончилось, — дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее: 1. — Две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы, 2. — сменить нас на последнее место за столом, где мы сидели по поведению, и 3. — занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске.

Первый пункт приговора был выполнен буквально. Второй смягчался по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх. При этом случае Пушкин сказал:

Блажен муж, иже

Сидит к каше ближе.

На этом конце стола раздавалось кушание дежурным

гувернером. Третий пункт самый важный, остался без всяких последствий... и дело было сдано в архив. Даже преподаватели смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. Так в математическом классе вызвал его раз Карцев к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцев спросил его наконец: 'Что ж вышло? Чему равняется икс?' Пушкин, улыбаясь, ответил: 'Нулю!' – 'Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи.'... Пушкин занимался совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтобы переписывать тетради профессоров (печатных руководств тогда еще не существовало), у него и в обычае не было: все делалось 'а ливр уверт'».

Всем известный случай встречи Пушкина с Державиным на выпускном экзамене в Лицее не забыт Пушциным – «На публичном нашем экзамене Державин, державным своим благословением, увенчал юного нашего поэта. Мы все, друзья-товарищи его, гордились этим торжеством. Пушкин тогда читал свои 'Воспоминания в Царском Селе'. В этих великолепных стихах затронуты все живое для русского сердца. Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи мороз по коже пробежал у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах бросился целовать его и осенил кудрявую его голову, мы все под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал!» Вот какие стихи вызвали такой восторг и умилили великого Державина:

«Навис покров угрюмой ночи

бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену: перед ним сама княжна Волконская... Княжна жалуется своему брату, а тот государю... Государь на другой день приходит к Энгельгардту. 'Что ж это будет? – говорит царь. – Твои воспитанники не только через забор снимают мои наливные яблоки, бьют сторожей, но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей'... Энгельгардт нашелся и отвечал имп. Александру: 'Вы меня предупредили, государь, я искал случая принести Вашему Величеству повинную за Пушкина; (он уже знал о поступке поэта) он, бедный, в отчаянии: приходил за моим позволением письменно просить княжну, чтобы она великодушно простила ему это неумышленное оскорбление...' На это ходатайство Энгельгардта государь сказал: 'Пусть пишет, так уж и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему, чтобы это было в последний раз. Старая дева, быть может, в восторге от ошибки молодого человека, между нами говоря,' – шепнул Император, улыбаясь Энгельгардту, пожал ему руку и пошел догонять императрицу, которую увидел в саду. Таким образом дело кончилось необыкновенно хорошо. Мы все были рады такой развязке, жалея Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый из нас легко мог попасть в такую беду».

Оканчивая выдержки из «Записок» Пушина о лицейском периоде жизни Пушкина, прежде чем перейти к другим авторам, рассказывающим об этом же времени, хочется привести последние, очень характерные строки, так хорошо рисующие совсем особенную жизнь поэта в Лицее перед его окончанием.

«С назначением Энгельгардта в директоры школьный наш быт принял иной характер: он с любовью

принялся за дело. При нем по вечерам устраивались чтения в зале. В доме его мы познакомились с обычаями света, ожидавшего нас у порога Лицея, находили приятное женское общество. Летом, в вакантный месяц директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город, завтракать или пить чай в праздничные дни; в саду и на пруде, катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши. Женское общество всему этому придавало особенную прелесть и приучало нас к приличию в обращении. Одним словом, директор наш понимал, что запрещенный плод — опасная приманка, и что свобода, руководимая опытной дружбой, удерживает юношу от многих ошибок. От сближения нашего с женским обществом зарождался платонизм в чувствах; этот платонизм не только не мешал занятиям, но придавал даже силы в классных трудах, нашептывая, что успехом можно порадовать предмет воздыханий...

В мае начались публичные выпускные экзамены. Тут мы уже начали готовиться к выходу из Лицея. Разлука с товарищеской семьей была тяжела, хотя ею должна была начаться всегда желанная эпоха жизни, с заманчивою, незнакомою далью... 9 июня был акт. Характер его был совершенно иной: как открытие Лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромн. В ту же залу пришел император Александр в сопровождении одного тогдашнего министра народного просвещения... Энгельгардт прочел коротенький отчет за весь шестилетний курс... Государь заключил акт кратким отеческим наставлением... Тут пропета была нашим хором лицейская прощальная песнь... Государь был тронут и

поэзией, и музыкой, понял слезу на глазах воспитанников и наставников. Простился с нами с обычной приветливостью... С Пушкиным мы тут же обнялись на разлуку: он тотчас должен был ехать в деревню к родным; я уже не застал его, когда приехал в Петербург».

Мы еще вернемся к «Запискам» И.И. Пущина, но сначала продолжим все, что касается лицейской жизни Пушкина по воспоминаниям других авторов.

«Естественным дополнением к воспоминаниям Пущина о лицейской жизни Пушкина служит записка С.Д. Комовского». – пишет Гессен. С.Д. Комовской был школьным товарищем Пушкина, – поэтому стоит выбрать наиболее интересное из того, что он пишет о поэте, по возможности избегая повторений. Итак, в «Воспоминаниях о детстве Пушкина» мы находим многое, о чем пишет Лев Пушкин, но можно найти кое-что в добавление новое, живое. Так, например, Комовской, рассказывая о способностях товарища, пишет: «Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках в очаровательных садах Царского Села, но нередко и в классах и даже во время молитвы (в церкви), Пушкину приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то помрачалось, то прояснялось, смотря по роду дум, кои занимали его в сии минуты вдохновения. Вообще он жил более в мире фантазии. Набрасывая же мысли свои на бумагу, везде, где мог, а всего чаще во время математических уроков, от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное. Пушкин вообще был не очень словоохотлив и на вопросы товарищей своих отвечал обыкновенно лаконически. Любимейшие разговоры его были о литературе и об авторах, особенно с теми из товарищей, кои тоже пи-

сали стихи... Из лицейских профессоров и гувернеров никто в особенности Пушкина не любил и ничем не отличал от других воспитанников; но все боялись его сатир, эпиграмм и острых слов, с удовольствием слушая их насчет других... Пушкин мало успел в изучении древних классиков и талант его к поэзии наиболее начал развиваться в то время, когда профессор К. по тяжелой болезни своей целые три года устранен был от преподавания в Лицее. Вообще Пушкин, следуя единственно вдохновениям своего Гения, неохотно подчинялся классному порядку и никогда ничего не искал в своих начальниках».

Дальше Комовской, которого Н.А. Гастфрайнд в биографическом очерке «Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицее» характеризует как человека, в школьные годы стяжавшего среди товарищей нелестную репутацию «фискала», ханжи со страстью к издевке и «привязчивостью», что отталкивало от него товарищей, приводит довольно нелестные черты характера молодого поэта, к которым другой друг Пушкина, М.Л. Яковлев, делает замечательные примечания, ради которых стоит дать первое, написанное Комовским. Вот они: — «...Пушкин любил подчас, тайно от своего начальства, приносить некоторые жертвы Бахусу и Венере, волочась за хорошенькими актрисами В. Толстого и за субретками приезжавших туда на лето семейств». На это Яковлев делает следующее примечание: «Эта статья относится не до Пушкина, а до всех молодых людей, имеющих пылкий хараткер». Дальше Комовской пишет: «Причем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской его крови: до того Пушкин был женолюбив, что будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, сопел, как ретивый конь сре-

ди молодого табуна». На что Яковлев отвечает: «Описывать так можно только арабского жеребца, а не Пушкина, потому только, что в нем текла кровь арабская». Кстати, М.Л. Яковлев положил на ноты стихи Пушкина «К живописцу», посвященные одной из симпатий поэта этого времени:

Дитя харит и воображения,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслаждения
Мне друга средца напиши;
Красу невинности небесной,
Надежды робкие черты,
Улыбку душеньки прелестной
И взоры самой красоты...

А вот несколько выдержек из «Мое знакомство с А.С. Пушкиным» – воспоминаний известной петербургской драматической актрисы А.М. Каратыгиной, написанных не задолго перед смертью поэта, но напечатанных только в 1880 г. в «Русской Старине». «Готовясь к дебюту под руководством князя Шаховского, я иногда встречала Пушкина у него в доме. Князь с похвалою отзывался о даровании этого юноши, не особенно красивого собою, резвого, вертлявого, почти мальчика... 'Сашу Пушкина' он рекомендовал своим гостям покуда только как сына Сергея Львовича и Надежды Осиповны; лишь через пять лет для этого 'Саши' наступила пора обратной рекомендации, и о родителях его говорили: 'они отец и мать Пушкина'; их озарил отблеск славы гениального сына... Наконец он познакомился с нами и стал довольно часто посещать нас. Мы с матушкой от души его полюбили. Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе, 'Саша Пушкин', бывая у нас, смешил своею резвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно

на месте: вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гаруса в моем вышивании, разбросает карты в гран-пасьянсе, раскладываемом матушкой... – ‘Да уймешься ли ты, стрекоза!’ – крикнет бывало моя Евгения Ивановна – ‘перестань, наконец!’ Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать. Как-то матушка пригрозила наказать неугомонного Сашу: ‘остричь ему когти’ – так называла она огромные, отпущенные на руках ногти. – ‘Держи его за руку, – сказала она мне, взяв ножницы, – а я остригу’. Я взяла Пушкина за руку, но он поднял крик на весь дом, начал притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижают, и до слез рассмешил нас. Одним словом, это был сущий ребенок, но истинно благовоспитанный, – ‘анфан дэ бонн мезон’. В 1818 году, после жестокой горячки, ему обрили голову, и он носил парик. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономии и неособенно его красило. Как-то в Большом театре он вошел к нам в ложу. Мы усадили его в полной уверенности, что наш проказник будет сидеть смирно. Ничуть не бывало! В самой патетической сцене Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером. Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах. Мы стали унимать шалуна, он же со стула соскользнул на пол и сел у нас в ногах, прячась за барьер; наконец, кое-как надвинул парик на голову, как шапку: нельзя было без смеха глядеть на него! Так он просидел на полу во все продолжение спектакля, отпуская шутки насчет пьесы и игры актеров. Можно ли было средиться на этого забавника?... Одним словом, дружественные наши отношения к Пушкину продолжались по самый день его не-

счастной кончины».

Выдержками из «Знакомства с А. С. Пушкиным» А.М. Коратыгиной можно было бы закончить воспоминания современников Пушкина о его молодых годах жизни и учении с 1811 по 1817 г. в Царскосельском Лицее. Но прежде чем перейти ко второй части нашего рассказа под общим названием «Незнакомый Пушкин», и использовать труд С.Я. Гессена, цитируя других авторов его книги, знавших Пушкина в более поздние годы его жизни, хочется поделиться с читателями еще одним свидетельством о свойстве характера поэта, — о его вере в приметы и предсказания, граничащей с чувством обостренного суеверия.

Младший брат Александра Сергеевича Пушкина, Лев Сергеевич, о котором уже писали раньше, в своем «Биографическом Известии», рассказывая о брате пишет: «Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по имени Кирггоф. В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с некоторыми товарищами. Г-жа Кирггоф обратилась прямо к нему, говоря, что он человек замечательный. Рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: 'Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами'. О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письма с деньгами получать ему было неоткуда. Деньги он мог иметь только от отца, но живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадалщицы. Вечером того дня, выходя из театра до окончания представления, он встретился на разъезде с генералом

А.Ф. Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся до службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Разговор продолжался довольно долго, по крайней мере это был самый продолжительный из всех, который он имел о сем предмете. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами. Оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправлялся за границу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатил ему какой-то картежный долг еще школьной их шалости. Г-жа Кирггоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала ему женитьбу и, наконец, преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постепенным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал».

С.А. Соболевский, друг Пушкина по Петербургскому университетскому пансиону, в «Таинственных приметах в жизни Пушкина» добавляет к рассказу Льва Пушкина следующее: «Еще около 1818 г., в бытность поэта в Петербурге, одна славная тогда в столице ворожея сделала злое предсказание Пушкину, когда тот посетил ее с одним из своих приятелей. Глядя на их руки, колдунья предсказала обоим насильственную смерть. На другой день приятель Пушкина, служивший в одном из гвардейских полков ротным командиром, был заколот унтер-офицером. Пушкин же до такой степени верил в злое пророчество ворожеи, что когда впоследствии, готовясь к дуэли с известным американцем гр. Толстым, стрелял вместе со мною в цель, то не раз повторял 'Этот меня не убьет, а убьет белокурый, – так колдунья пророчила'. – И точно, Дантес был белокур».

Несколько дальше Соболевский, сверив сообщения Льва Пушкина о предсказаниях немки с рассказами других свидетелей, пишет: «Из достоверных показаний друзей поэта оказывается, что старая немка говорила так же: 'Ты будешь кумиром своего народа; может быть ты проживешь долго; но на 37 году берегись белого человека, белой лошади или белой головы'. Поэт твердо верил предвещанию во всех его подробностях, хотя иногда шутил, вспоминая о нем... По свидетельству покойного П.В. Нащекина, в конце 1830 г., живя в Москве, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, он выразил желание ехать в Польшу, чтобы там принять участие в войне: в неприятельском лагере находился кто-то по имени Вейскопф (белая голова), и Пушкин говорил другу своему: 'Посмотри, сбудется слово немки, — он непременно убьет меня!'. У Соболевского находим еще одно подтверждение суеверия Пушкина, о котором он пишет: «...я как-то изъяснил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу. — 'Это все-таки вследствие предсказания о белой голове, — отвечал мне Пушкин. — Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Вейскопф, Вейсшаупт — одно и то же'».

* * *

Да не упрекнул меня читатели, люди двадцатого века, века сознательно «отряхнувшего прах» всего

прошлого, века бешено стремящегося в какое-то сумасшедшее будущее, приближающее человечество к временам Апокалипсиса, за то, что я утомляю их внимание, приводя такие длинные цитаты, да еще написанные таким «допотопным» языком.

Но я надеюсь, что среди тех, кто прочтет мой очерк найдутся люди, не спешащие жить двадцатым веком, которые не забыли славное прошлое, и захотят вместе со мною мысленно перенестись во времена иные, и с чувством истинного наслаждения хоть на короткое время перестанут спешить, торопиться, забудут суету настоящего и, читая строки написанные языком Пушкина, вздохнут с отрадою воздухом, которым дышал А.С. Пушкин.

27.2.1987 г.

Мельбурн

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы : религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата : 1 год — 50.00 ам. долл.,
6 мес. — 30.00 ам. долл.,

Адрес :

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПУШКИН

Данная тема требует углубленного исследования во всех ее многообразных аспектах. В журнальной же статье может быть рассказано только о некоторых сторонах отношений Пушкина к США, могут быть раскрыты некоторые заимствования поэта из наследия американских писателей. Необходимо также упомянуть, хотя бы в общих чертах о работах славистов Америки по увековечиванию наследия Пушкина в американской академической среде. Культурные взаимосвязи России и США вызвали широкий интерес к истории литературных отношений между этими странами. Интерес этот постоянно растет: все чаще появляются исследования, освещающие пристальное внимание Пушкина к американской литературе, исследования, указывающие на использование пушкинских мотивов и тем в произведениях американских писателей и поэтов.

Американская национальная литература возникла одновременно с получением страной независимости в результате американской революции 1775-1783. Внимание Пушкина привлекла не сразу. Значительный толчок, данный американской литературе Вашингтоном Ирвингом, Фенимором Купером, их художественные достижения обусловили интерес к американской литературе поэтов пушкинского круга и самого Пушкина. Разработка этой темы велась и русскими и американскими учеными. Одним из первых в СССР на нее обратил пристальное внимание академик М.П. Алексеев в 1929 г. Он писал: «Разработка американо-русских литературных отношений должна

быть обоюдным делом советских и американских ученых... однако подлежащий исследованию материал так велик и разнообразен, что не скоро еще общая история литературных взаимосвязей России и США будет изложена с достаточной полнотой и широтой документации». Ни одна из сторон до сих пор не раскрыта достаточно полно: нет ни монографических исследований, ни крупных обзорных статей по теме американская литература и Пушкин. Необходимые материалы находятся в советских архивах, доступ к которым ограничен. Комплекты русских и американских газет пушкинского времени в американских архивах сохранилась не полностью, что значительно затрудняет работу ученых. Начало изысканий акад. Алексева прервалось в 1930-х гг. из-за запрещения советских властей вести разработку этой темы. Он смог продолжить свои исследования много лет спустя. Его начинание продолжили Анна Ахматова, Е.М. Двойченко-Маркова, Г.П. Макогоненко, А.И. Старцева, В.И. Кулешов, А.Л. Григорьев, В.А. Либман, А.Н. Николюкин и др. Американские ученые внесли огромный вклад в разработку этой темы [Д. Боден, Джоан Льюис, Гроссман, Тереза Альбертина Луиза фон Яков (по мужу Робинсон), И. Хэпгуд, Л. Винер, К. Проффер и др.].

В 1822 г. в США была издана «Антология русской поэзии» Джона Боуринга (1792-1872; Бостон) – перепечатка английской антологии. Это было первое знакомство американского читателя с поэзией поэтов пушкинской поры. А.А. Бестужев констатировал, что эта антология «уже собрала дань похвалы английских критиков» и подчеркивал, что «несмотря на некоторые неточности перевода, заслуживает и благодарность русских» (Литературные листки, журнал нравов и словесности, 1824, ч. 4, № 19-20, с. 32). Пушкинскую поэзию Боуринг не включил: он соби-

рал материалы (стихи) для «Антологии...» во время посещения Петербурга зимой 1819 г. Впервые американцы познакомились не с лирикой Пушкина, а с его прозой. В 1846 г. Густав Клеменс Хебб перевел повесть «Капитанская дочка», снабдив ее собственным названием «Капитанская дочка, или великодушие русского бунтовщика Пугачева». (Pushkin A.S. «The Captain's Daughter, or, The Generosity of the Russian Usurper Pugatscheff». From the Russian by G.C. Hebbe. N.Y., 1846). Несмотря на все недостатки, книга Хебба опередила на два года немецкие и на семь лет французские переводы. В 1849 вышла в свет первая американская антология русской поэзии У. Льюиса (1792-1881). Центральное место в ней занимала поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан». (Pooshkeen A. «The Bakchesarian Fountain and Other Poems» by William D. Lewis. Philadelphia, Sherman, 1849). Надо отметить, что Льюис перевел поэму весьма точно – он прекрасно знал русский язык (в 1814 он посетил Россию и прожил там десять лет). С некоторыми писателями он встречался в доме Державина, считал их «прекрасными и гостеприимными людьми». (Saul N. «A Russian Yankee Doodle» – В: Slavic Review, 1974, March, p. 50). Американские исследователи отмечали, что перевод «Вахчисарайского фонтана» Льюиса «обладает некоторыми неоспоримыми достоинствами». Переводчик послал экземпляр в Россию своему знакомому Н. Гречу и тот отозвался рецензией: «Приятно думать, что за Атлантическим океаном, на берегах озера Эри или Миссисипи, читают, понимают и оценивают по достоинству произведения русских писателей». (Северная пчела, 1851, 18 июля, № 159, с. 634).

о В 1899 г. впервые в истории Америки чествовали память русского поэта: в Калифорнии праздновался

100-летний юбилей со дня рождения Пушкина. Публицист П. Тверской писал по этому поводу, что это был первый случай публичного чествования русского поэта американцами, «не только русского, но и какого бы то ни было иностранного поэта». (Вестник Европы, 1899, № 9, стр. 334).

Со времени первого в Америке перевода Пушкина до наших дней американский читатель еще не знает пушкинской поэзии в полном объеме, хотя проза полностью переведена. В 1850 г. американский журнал «Living Age» напечатал «Пиковую даму», не заинтересовавшую американского читателя, и имя Пушкина было вскоре забыто. Однако, несколько лет до этого американский поэт аболиционист Джон Гринлиф Уиттьер упомянул Пушкина, назвав русского поэта представителем черной расы, т.к. в очерке о жизни и творчестве Пушкина, появившемся в это время в Англии, (автор Томас Бадд Шоу) поэт был представлен как правнук африканца. Основываясь на этом, аболиционисты Америки использовали имя поэта в борьбе против расизма. В годы жизни Пушкина негры дважды восставали против угнетения, и Пушкин следил за событиями в Америке, считая, что там рабство негров посреди образованности и свободы, что крепостное право в России и рабство негров имеют общие корни. Как редактор журнала «Современник», Пушкин выписывал для рецензий и просматривал зарубежную периодику. Он, вероятно, знал журнал «The Liberator», на обложке которого был изображен аукцион негров с надписью: «Продаются рабы, лошади и прочий скот». Выполняя задачи своего общества, аболиционист Уиттьер писал: «29 января 1837 г. в одном из больших особняков Северной столицы на берегах Невы умирал великий человек... Неужели этот одаренный удивительным талантом,

всеми почитаемый и оплакиваемый человек, был негром? Да, так оно и было, сколь бы невероятным это ни казалось американскому читателю».

Американская писательница и критик Тереза Робинсон (полное имя: Тереза Альбертина Луиза фон Яков; псевдоним «Talvj» 1797-1870) с 1807 по 1816 гг. жила в Харькове. После встречи с русскими учеными П. Прейсом и О. Бодянским она стала изучать русскую литературу, став впоследствии основоположницей славистики в Америке. В журнале «Biblical Repository», который издавал ее муж, она напечатала статью о славянских литературах (1834). В журнале «The North American Review» (1836) в трех номерах помещено ее исследование о народной поэзии славян (отд. изд. 1850). Talvj рассматривала русскую литературу от «Слова о полку Игореве» до Пушкина и его современников. Материалы она брала из книги Н. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» и из исследования Ф. Отто «Lehrbuch der Russischen Literatur» (Leipzig und Riga, 1837). Она указывала на несомненное влияние Байрона на Пушкина, но подчеркивала: «мы совершили бы ошибку, назвав его лишь учеником великого поэта». Talvj считала Пушкина непревзойденным гением русской словесности романтического направления. Трагедия «Борис Годунов» в ее оценке такое произведение, в котором проявился более объективный взгляд поэта на историю, по сравнению с «Евгением Онегиным». В романе в стихах она подметила пессимизм, который пагубен для художника. Ее исследование «Историческое обозрение языков и литературы славянских народов с очерком их народной поэзии» вызвало многие отзывы русских и советских литературоведов. Ее выводы отличались четкостью и верностью формулировок. Упоминая «Историю пугачевского бунта», она, на-

пример, обобщала: «В самое последнее время романисты вернулись к бытовой прозе». Роман в стихах «Евгений Онегин» она рассматривала как романтическое произведение, отметила, что связь ранних поэм с «Евгением Онегиным» в превращении «кавказского пленника» в «лишнего человека». Возвращаясь к ее оценке трагедии «Борис Годунов», необходимо отметить ее своеобразную оценку: в ней она увидела возвышенную поэзию в воспроизведении русской истории. Пушкинскую трагедию она отнесла к «драме, которая может быть названа скорее трагической хроникой, чем собственно трагедией». В своей книге она дважды неправильно назвала дату смерти Пушкина (1835).

После гражданской войны в США 1850-х гг. более популярным писателем, чем Пушкин стал Иван Тургенев. Имя Пушкина появляется лишь в общих разработках, которые появились в Америке в 80-90 гг.: «Русский роман» М. Вогюэ, «Великие мастера русской литературы XIX века» Е. Дюпюи, «Россия, ее народ и литература» Э. Басана, «Русские впечатления» Г. Брандеса, «Обзор русской истории и русской литературы» С. Волконского, «Лекции по русской литературе» И. Панина и др. В последней трети XIX в. появились талантливые американские переводчики: Ю. Скайлер, Д. Смит, И. Хэпгуд и др.

Томас Перри (1845-1928) считал русскую литературу вершиной литературного мирового процесса. Он был один из первых американских критиков, широко знакомивших читателей Америки с лучшими образцами русской словесности. В 1886 г. в Нью-Йорке издано два перевода французских литературоведов: монография Е. Дюру «Великие русские писатели XIX века» и в 1887 г. исследование Е. Vogue «Русские романисты». Оба автора оценивали русскую литера-

туру выше западно-европейской, считая ее неким уникальным феноменом в мировом искусстве. В февральском номере журнала «Scribner's Magazine» (1887) Перри поместил статью «Русские романтики». Он считал увлечение американским читателем русской литературой явлением примечательным. Причину этого он видел в том, что американцы уже не удовлетворяются «стандартными легкими романами: 'В Европе развлекательные романы имеют право на существование, но в России жизнь слишком тяжела и поэтому развлекательные книги туда ввозят вместе с шампанским, шелками и лентами. Русский же писатель выражает в своих произведениях чувства всего народа, томящегося в цепях...'. Перри начал изучать русский язык в зрелые годы (в 60 лет) и вскоре читал классиков в подлиннике. В 1908 совершил поездку в Россию и назвал ее своей второй родиной. Он считал, что самые значительные сочинения создаются в России. Американские романы называл бездарными, вошедшими в моду «подобно моде на галстуки». Русские писатели, по его мнению, запечатлели «в своих романах смысл и значение жизни». До конца жизни Перри считал русских писателей непревзойденными по мастерству: «Они обладают более яркой индивидуальностью, выразительностью и изяществом, которых нет у остальных беллетристов». В своих критических статьях позднего времени Перри отошел от пропаганды русского реализма послепушкинской литературы, от утверждения его как высшей формы литературного процесса. Он способствовал тому, что многие американские критики также отошли от принципов оценки с точки зрения реализма. И. Берлин, – американский ученый, исследовал творчество Пушкина. В своих работах он классифицировал писателей по типу мышления на «ежей» и «лис».

По Берлину, «ежи» — это те, которые все относят к одной системе, а «лисы» — разносторонни и восприимчивы к различным явлениям мировой культуры. Они охватывают и выявляют суть событий. К типу «лис» Берлин отнес Пушкина, действующего во многих направлениях художественного мышления.

В начале XX в. при университетах Гарвардском и Калифорнийском были созданы отделы славистики. Их возглавили проф. Л. Винер и Д. Нойес. Лео Винер (1862-1939) много сделал для пропаганды творчества Пушкина в Америке. Он родился в Белостоке, учился в Минске и Варшаве, преподавал в Одессе. В 1882 г. переехал в США, но в 1898 вновь вернулся в Россию. Изучал критические исследования А.Н. Пыпина, труды которого считал образцовыми. Вернувшись на родину, издал двухтомную антологию русской литературы, дающей целостное представление о русской словесности. Винер считал последнюю могучим духовным фактором в жизни России: «Особенность русской литературной жизни объясняется социальной структурой общества. Именно здесь мы найдем ответ на многие недоуменные вопросы, которые задает себе иностранец, знакомясь с художественным и идейным своеобразием русской литературы, а также наблюдая активное участие русских писателей в политической жизни страны». Влияние Запада на русских классиков определяется, по Винеру, не столько индивидуальными склонностями их, сколько стремлением использовать опыт иностранных писателей. По его мнению, заимствования не затемнили народный характер русской литературы.

Творческое наследие русского поэта завоевывало с годами все большее внимание американских ученых-славистов. Изучение велось по различным аспектам науки пушкиноведения. Кроме переводов лирики

и прозы на английский язык, исследуется жизненный путь Пушкина, проводятся пушкинские конференции и семинары, защищаются диссертации, издаются книги и ученые записки при ведущих университетах страны. Наследие русского поэта изучается на кафедрах университетов Колумбийского, Гарвардского, Калифорнийского, Индианского и др. Статьи о Пушкине печатаются в журналах «Slavic Review», «American Slavic and East European Review.» Ценность исследований американских ученых в широте аспектов изучения творчества Пушкина, в тенденции рассматривать историю русской литературы вне хода общественного развития страны. Круг изучаемых проблем пушкиноведения постоянно расширяется. В трудах американских ученых приводятся многочисленные факты воздействия творчества поэта на американскую литературу. В 1960-х гг. значительно уменьшается недопонимание поэтического дарования Пушкина. С этого времени в США стали печатать хорошие переводы многие американские переводчики. Пушкиноведение становится одним из важнейших задач американской славистики. Если до середины XX в. первый поэт России не находил широкого признания в англоязычной среде (такого, как, например, Л. Толстой, Ф. Достоевский или А. Чехов), то позднее переводы и исследования Томаса Шоу, Джонсона, В. Викери, А. Арндта, преодолели языковой барьер, ими сделана попытка объяснить в чем величие русского поэта и в чем особенность его творчества, своеобразие его манеры писать, исправлены заблуждения предшествовавших исследований, извращенно представлявших американскому читателю личность поэта и доказали на чем были основаны их заблуждения. Они смогли избежать те значительные потери, которые неизбежны при переводе лирических произ-

ведений на иностранные языки.

Профессор русской литературы Веслианского университета Ф. Д. Рив выпустил в 1967 г. исследование «Русский роман», в котором проследил развитие романа от Пушкина до Пастернака. Рив подчеркивал свободолобивые мотивы творчества поэта и утверждал, что именно они были выражением позиции русского общества в независимости от характера существующего политического режима. Деятельность русской интеллигенции как носительницы бунтарских настроений не была связана, по Риву, с классовой борьбой. Свободолобивые мотивы Пушкина являлись выражением настроений этой бунтующей интеллигенции. Рив утверждал, что в этом бунте главным было не идейное содержание, а форма – создание новых «символических жестов» протеста, новые смелые эксперименты и поиски языковых средств, нарушающих старые и установившиеся литературные каноны. Исследование Рива характеризуется цельностью. Их отличает высокий художественный вкус, умение увидеть примечательные детали и преподать их увлекательно. Они открывают новые смысловые и комбинационные глубины. Признавая это, советское пушкиноведение не приемлет общее направление исследования американского ученого. Советские идеологи упрекают его за «искажение объективного содержания» в развитии русской литературы в целом («Русская литература», 1970, № 1, с. 216). Творчество Пушкина американский исследователь рассматривал с иных позиций, чем советское пушкиноведение. Его исследования солидарны с общим взглядом американской критики, стремящейся переосмыслить всю историю русской литературы в свете модернистской эстетики. Советское пушкиноведение признает, что передовые взгляды американских ученых совершенно

противоположны взглядам советских коллег. Признавая положительное значение американского исследования в изучении творчества Пушкина, советские критики обвиняют их в антимарксистских устремлениях!!! В 1968 г. в Америке появилось исследование монографического характера проф. У. Викери (см.: W.N. Vickery «Death of a Poet», Indiana University Press, 1968). Книга написана живым языком, увлекательно. Автор строил свое исследование как первую ступень познания творчества поэта. Жизненные ситуации, насыщенность событиями Викери дал фоном изучению наследия Пушкина иностранным читателем. Большой труд Викери оказался ошибочным в восприятии и познании творчества поэта, т.к. автор воспользовался высказываниями Виссариона Белинского ранней поры о Пушкине, как исчерпавшего свое дарование: «Пушкин царствовал десять лет... Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время» (В.Г. Белинский. Полное собр. соч., т. I, изд. АН СССР. М.-Л., 1953, с. 73). Тот же глубоко ошибочный вывод вслед за Белинским повторил Викери: «Как человек и как поэт Пушкин достиг конца дороги». Викери считал, что Пушкин уже не мог обогатить поэтическими сокровищами мировую литературу.

Огромный вклад в дело изучения творчества Пушкина в США внес американский ученый Роман Якобсон. В работах о стиле поэта, разработку которого он начал в 30-е г., он указывает на многозначительность смысла в его лирике как неотъемлемой части пушкинской самобытности. По его мнению, это своеобразие исключает возможность уточнения идейной направленности его поэзии. Пушкинские образы пластичны, двусмысленны и могут легко включаться в самые различные тексты (R.J. Na okraj, ly-

rickych basni Puskinovych – By A.S. Puskin. Vybrane spisy. Sv. i Lirika. Praha, 1936, p. 259-267).

В 1961 г. Якобсон на Международной конференции по вопросам поэтики (Варшава) прочел программный доклад «Поэзия грамматики и грамматика поэзии – разбор (анализ стихотворения поэта 'Я вас любил...' и 'Что в имени тебе моем...'). Он констатировал, на основе этих произведений, что поэтика является частью лингвистики с лежащим в ее основе принципом эквивалентности или повторяемости. Разбирая стихи, Якобсон утверждал и установил внутреннюю связь частей речи во всем многообразии ее видоизменений. Ученый это подметил о глубоко разработанной поэтом поэтической теме человеческой любви.

Чижевский не признавал утверждения советского пушкиноведения о пушкинском реализме, считая его романтиком на протяжении всего творческого пути. Свою концепцию он начал разрабатывать также с 30-х гг. XX в. В 1964 г. он напечатал в Мюнхене (на нем. яз.) «Историю русской литературы XIX века», определив романтизм поэта как художественный стиль, определяемый рядом присущих романтизму признаков: «устойчивым кругом тем, излюбленными сюжетными мотивами, определенными литературными жанрами, тяготением к фрагментарности в композиции и метафоризмом в поэтической стилистике» (см.: Пушкин. «Исследования и материалы», т. VII. Л., 1974, с. 234).

Выдающийся американский славист Эрнест Симмонс (1903-1986) не признавал выдвигаемую советской наукой теорию общественного революционного направления творчества поэта, делая акцент на отказ Пушкина от политического свободомыслия, определяя его как юношеское заблуждение. Он настаивал

на том, что в первые десятилетия XIX в. Пушкина не превзошел никто, кроме Гете. «Он был велик не только как поэт, но и как человек». Сознательный отход от демократического движения был его постепенным переходом к «олимпийскому взгляду» на жизнь и искусство (E.J. Simmons, «Pushkin» Cambridge Massachusetts, 1937). Сов. пушкиноведением его работы названы антинаучными, хотя и признаются как содержащими «немало и интересной для зарубежного читателя информации».

В США издано большое количество исследований о жизни и творчестве Пушкина и об отдельных произведениях его. Роману «Евгений Онегин» посвящено несколько десятков работ популярного и научного характера. В Гарвардском университете издан «Евгений Онегин» (на англ. яз.), подготовленный Д. Чижевским. Его комментарий к роману, написанному, по его словам, в жанре «свободной поэмы», трактует последний как романтическое произведение и как социально-исторический роман. Стиль романа Чижевский характеризовал как характерный для романтизма со всеми особенностями лексики и фразеологии этого жанра.

На IV Международном съезде славистов (Москва, 1958 г.) американский делегат Л.Н. Штильман прочел доклад на тему «Проблема литературных жанров и традиций. 'Евгений Онегин' Пушкина». Он назвал роман «литературной энциклопедией» по количеству заключенных в нем литературных тем, цитат, реминисценций. Штильман не считал Пушкина писателем-реалистом. Он утверждал, что реалистический метод «...исключает все, что могло бы напомнить читателю, что он имеет дело с поэтическим вымыслом... Вот этой именно установки, создания иллюзии действительности, в 'Евгении Онегине' нет».

В 1955 г. в США (Калифорнийский университет) была выпущена книга В. Ледницкого «Медный всадник». Труд американского ученого ценен многими конкретными фактами, помогающими американскому читателю понять поэму и историю ее создания. Для Ледницкого поэма «Медный всадник» – итог философско-исторических размышлений поэта о взаимоотношениях России и Польши. По его мнению, это произведение создано в противовес сатире Адама Мицкевича на Петербург. Это ответ польскому поэту на его поэму «Дзяды» в оправдание русской государственности (W. Lednicki «Russia, Poland and the West», New York, 1954).

Славист В. Арменжон в книге «Пушкин и Петр Великий» свидетельствовал, что «Медный всадник» не только ответ Мицкевичу – такой трактовкой мы «обесценили бы поэму Пушкина» (V. Arminjon «Pouchkine et Pierre le Grand» Paris, 1971, p. 169). Он подчеркивал сложность философско-исторического замысла поэмы, считая, что в Пушкине, как и в Петре I, выразился динамизм русской истории. Арменжон указывал Ледницкому на ошибочность его точки зрения и на упрощение замысла поэмы.

Американский переводчик Томас Шоу издал переписку Пушкина в трех томах с собственными комментариями. Пушкинские письма он характеризовал как «энциклопедию русской жизни и литературы его времени», как выдающийся памятник художественной прозы. Шоу — автор многих статей о творчестве поэта, раскрывающих своеобразие пушкинских произведений и строгости стиля.

Карл Проффер в 1960 г. напечатал исследование о «Скупом рыцаре». Советское пушкиноведение дискредитировало работу Проффера, подчеркивалось, что труды американского ученого «разрушают ...

что создавалось кропотливым трудом нескольких поколений русских пушкиноведов». Разработка пушкинского «Скупого рыцаря» названа курьезом, метод исследования Проффера признан фрейдистским психологическим подходом. Образы и ситуации пушкинской «маленькой трагедии» он свел к сексуальным символам взаимоотношений Альбера с отцом. Образ Барона, по Профферу – образ любовника, меч и ключи – фаллические символы женского начала, «тайный подвал» – место свиданий, золота «блещущие груди» – груди женщины, а переживания и восторг отца перед сундуками с золотом – «сексуальный триумф», переживаемый Бароном, омраченный воспоминанием о сыне-сопернике, который убьет отца и лишит его «мужской силы». Проффер проследил автобиографическую линию повествования в «Скупом рыцаре». Исследователь привел письмо Пушкина к В.А. Жуковскому от 31 окт. 1824 г., в котором Пушкин сообщал о ссоре с отцом. По этому поводу Проффер сделал вывод: «из этих фактов ясно... что, создавая 'Скупого рыцаря', Пушкин опирался на собственный же опыт; приведшее к смерти отца поведение Альбера – завуалированное подсознательное выражение агрессивных импульсов самого Пушкина в отношении собственного скупого отца. Эту параллель Пушкин подсознательно акцентировал сам, когда из множества возможных имен для своего героя он выбрал имя 'Альбер',... которое повторяет две первые и две последние буквы его собственного имени: Альбер – Александр». Проффер считал, что Пушкин скрыл свое авторство под чужим именем умышленно – чтобы скрыть черты автобиографизма; для этой же цели выбрал подзаголовок: «Сцены из Ченстоновой трагикомедии...» Проффер был уверен в правильности своих выводов. Он писал, что приходится удивляться, почему на сексуальную символику пьесы

никто до него не обратил внимания: «едва ли подразумеваемый смысл может быть более очевидным».

Проф. Д. Чижевский считал, что творчество Пушкина необходимо отнести к романтизму, отличительными чертами которого он перечислил: мечтательность, образы моря как символа вечного движения и беспокойства души, водопада, ветра и пр. Американский ученый прослеживал влияние «руссоизма» и «оссианизма», (т.е. Ж.-Ж. Руссо и Оссиана) в русском романтизме, касался влияния Байрона, говорил о возврате романтиков к Шекспиру. Исследователь разбирал «Евгения Онегина» с точки зрения приемов «свободного эпоса» заимствованного поэтом у Байрона, а в «Борисе Годунове» – с точки зрения приемов Шекспира. Чижевский отказывался от деления романтиков на «революционных» и «реакционных», как это делает советское литературоведение. При характеристике романтизма как течения, он перечислял его главнейшие особенности и отличительные признаки: «стремление к свободе», «прометеизм», «романтическое беспокойство». Автор отрицал существование течения «социалистический реализм», принятого в СССР, он считал это домysлом советских идеологов. По его мнению, на смену романтизму и неоромантизму пришел модернизм, замыкающий собой многовековой процесс развития литературы. Советская критика о работах проф. Чижевского переполнена набором ругательств: автор находится «на позициях давно изжившей себя 'холодной войны'», «...у Чижевского налицо явная гипертрофия русского романтизма, исследователь подгоняет его под общий шаблон». Согласно советской критике, исследование американского ученого о Пушкине сведено к «узкому биографизму», «ненаучному и низкому уровню»... общим для «всего буржуазного литературоведения» приемам, поверхностному историзму, «вуль-

гарным приемам» и пр. и пр. («Русская литература, в оценке современной зарубежной критики», изд. Моск. ун-та, 1981 г., с. 73).

В Москве в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР состоялся 5-6 июня 1984 г. первый советско-американский симпозиум по пушкинистике. Симпозиум на тему «Творческое наследие А.С. Пушкина» состоял из двух утренних и двух вечерних заседаний. Американскую делегацию возглавлял проф. И. Уайл из штата Иллинойс. Он подчеркнул важность подобного обмена мнениями о Пушкине между учеными двух стран. Он говорил, что в Америке ни одну из иностранных литератур не любят так, как любят русскую литературу. Уайл отметил, что большинство переводов произведений Пушкина на английский язык до сих пор все еще нельзя считать адекватными.

Первым выступил на симпозиуме Игорь Бэлза. В докладе «Универсализм Пушкина» ученый развивал мысль, что универсальность интересов поэта выдвигает его в число немногих творцов, каких дала эпоха Ренессанса – Данте и Леонардо да Винчи. Уайл прочел доклад со сложным названием «Параллельные темы и различные настроения: ямб и хорей, пародия и трагедия у Пушкина – строгий, стройный вид, – анализ пушкинских ритмов с точки зрения передачи различных душевных настроений». Советские оппоненты отмечали плодотворность семантического подхода к изучению пушкинского метра (А. Чудаков), четкую музыкальность исследования американского ученого, который избежал засушивания пушкинского поэтического слова (Л. Опульский). О многосторонности восприятия мира поэтом и о высоте его идеалов, соединяющих людей различных континентов, говорил А. Овчаренко. Доклад американско-

го пушкиниста Уайла был удостоен Пушкинской медали АН СССР и вызвал большой интерес. О восприятии и интерпретации «Медного всадника» на симпозиуме был прослушан доклад исследователя Ю. Борева. О новых задачах, которые ставит перед работниками музеев всемирная слава поэта, высказывался директор Музея А.С. Пушкина А. Крейн.

Выступление американской переводчицы К. Эмерсон (Корнэльский университет, шт. Нью-Йорк) на тему «Три вариации на тему русской истории: Борис Годунов у Карамзина, Пушкина и Мусоргского» было посвящено вопросу о том, по каким законам шла эта переработка, каков был интонационный сдвиг, сопутствующий транспонировке произведений из одного вида в другой. В докладе отмечалось, что центр «интонационного сдвига» был у поэта иной, чем у Карамзина: иное понимание места человека в истории. Герои трагедии лишь участники цепи исторических событий, не творцы истории, а слепые пленники не связанных между собой сцен. Она отметила, что Мусоргский следовал Карамзину, усиливая роль психологических мотивов в поведении главного героя. Американский ученый Дж. Майкельсон (ун-т шт. Канзас) озаглавил свой доклад «Медитативная лирика Пушкина: каменноостровский цикл 1836 года», в котором проанализировал этот цикл с точки зрения религии. Он утверждал, что религиозные вопросы глубоко волновали поэта в этот период. Стихотворение «Памятник» исследователь вводил в ту же смысловую группу стихов. Майкельсон подчеркивал, что в такой слитности цикл по силе воздействия может быть сравнен только с Евангелием. Подобное утверждение вызвало возражение советских пушкиноведов (П. Палиевский, В. Непомнящий, С. Бочаров). Они выражали сомнение в подобном толковании каменно-

островского цикла, религиозности Пушкина, и сложности духовного пути поэта. В. Сквозников настаивал на усилении внимания к стихотворению «Когда за городом, задумчив, я брожу...». По его словам, оно имеет особое значение и для позднего Пушкина и для понимания этого цикла. Американская исследовательница Л. О'Белл (ун-т шт. Техас) прочла доклад «Чары 'Египетских ночей'». Она проанализировала роман современного английского писателя-романтика Д.-М. Томаса «Арарат», одним из героев которого является Пушкин. Поэт изображен среди персонажей «Египетских ночей». По ее мнению роман Томаса – гигантская вариация на сюжет пушкинской повести, перевод которой целиком внесен в повествование. Подчеркнув необычайную популярность романа «Арарат» среди читателей Запада, Л. О'Белл считала автора одним из главных распространителей пушкинского наследия за рубежом. Советские ученые в прениях предлагали свое понимание романа «Арарат» (Д. Урнов, В. Сайтанов). Советские исследователи выступали с докладами на темы: «Пушкин и американская литература» (Д. Урнов) – он анализировал отношение поэта к северо-американской литературе (на материале статьи Джона Теннера). Он разбирал пушкинскую статью о Радищеве и Вольтере, указывал на разочарование поэта итогами «американского эксперимента», вызвавшего интерес всей Европы. Урнов напоминал, что жестокий приговор, вынесенный поэтом американским институтам предопределил в существенной мере отношение к «эксперименту», основанному на принципах Разума XVIII в., всего русского общественного мнения, что побудило русское общество идти в обход идеям «американского эксперимента». Советские исследователи на совместном советско-американском симпозиуме читали до-

клады: «Философская природа образа у Пушкина» (Ю. Манн), «Пушкин и Толстой» (К. Ломунов). Этот симпозиум давал толчок к новому совместному изучению творчества Пушкина учеными обеих континентов, к дальнейшему развитию контактов двух стран.

В год рождения Пушкина официальное утверждение «Русская Америка» – так называли Аляску и Алеутские острова (Аляска продана США в 1867 г.). – «Русская Америка» усилила интерес русских к этой далекой стране. Об Америке поэт много читал: об этой стране сообщалось во «Всемирном путешественнике» Жозефа де ла Порта (27 тт., СПб, 1780), в «Истории о странствиях вообще по всем краям земного круга» Аббата Прево (изд. Новикова в 22-х частях) и во многих публикациях в журналах того времени. В 1788 г. вышла книга П.И. Богдановича «Об Америке», еще ранее издана «История об Америке» (1784) В. Робертсона. Эту книгу возил «с собой в дорогу» Евгений Онегин (Пушкин, VI, с. 438). В 1795 г. было опубликовано сочинение путешественника Д. Карвера. Все эти издания были переводные, уровень переводов был в те времена низким и недаром Пушкин заметил, что мы узнаем судьбы земли «в переводах одичалых» (VI, с. 583). Об Америке писал А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», – подвергнутой Пушкиным суровой критике.

В своих сочинениях Пушкин писал об Америке и об ее выдающихся деятелях. В статье «Александр Радищев» он упоминал ученого-энциклопедиста Франклина. Поэт отмечал сходство между просветительством Франклина и Вольтера, идейную связь между ними. Франклин был президентом первого аболиционистского общества в Америке, выступал с требованием отмены работорговли. Он был первым амери-

канским писателем, как и Пушкин, создателем национальной литературы. В год рождения поэта вышла книга Франклина «Отрывок из записок франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений» (М., 1799) в переводе Андрея Тургенева. Пушкин внимательно следил за развитием американской литературы и с удовлетворением отмечал: «Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» (XIII, с. 40). Воздействие американской литературы существенным образом отразилось и в творчестве Пушкина. После знакомства со сборником «Альгамбра» Вашингтона Ирвинга, поэт заимствовал сюжет «Сказки о золотом петушке» из его «Легенды об Арабском астрологе». В черновом варианте («Царь увидел пред собой...») содержится пересказ в стихах «Легенды...» Ирвинга. Пушкин приобрел для себя парижское издание «Альгамбрских сказок» (2 т., Париж, 1832). Сравнительно-филологический анализ французского текста «Легенды...» и «Сказки о золотом петушке» впервые провела Анна Ахматова. Она указала на все видоизменения, которым подверглось сочинение Ирвинга. Она отметила, что все возвышенные мотивы и волшебные превращения снижены под пером Пушкина до предельного натурализма. Пушкинский царь Дадон спит от лени и безделья (у Ирвинга под звуки волшебной лиры), междоусобица сыновей Дадона возникает из-за ревности (в «Легенде...» под действием таинственного талисмана). Ахматова сделала вывод: «У Пушкина все персонажи снижены». Акад. М.П. Алексеев заметил, что «История Нью-Йорка» Ирвинга способствовала созданию пушкинской «Истории села Горюхина» (Алексеев М.П. «К 'Истории села Горюхина'». – В

кн.: Пушкин. статьи и материалы. Под ред. М.П. Алексеева. Одесса, 1926, вып. II, с. 84). Алексеев провел сопоставление «Истории села Горюхина» с «Историей Нью-Йорка» и сделал вывод, что замысел у Пушкина мог возникнуть под влиянием пародии на исторический труд: «Таким произведением могла быть Ирвингова 'История Нью-Йорка'; получив толчок к созданию сходного замысла, Пушкин, однако, совершенно самостоятельно и на собственном материале применил сходные пародические приемы». В журнале «Московский телеграф» (1831, ч. 42, № 22, с. 255) анонимный рецензент указывал на подражание Ирвингу в «Повестях Белкина», на непроизвольное желание «попасть в колею» американского новеллиста, «Однако такая оценка говорит больше об увлечении романтизмом Ирвинга, чем о желании постичь пушкинскую прозу» – комментировал рецензию «Московского телеграфа» современный исследователь А.Н. Николюкин. В библиотеке поэта сохранилось несколько сочинений Ирвинга: парижское издание «Альгамбрских сказок», «Книга эскизов», «История жизни и путешествий Христофора Колумба», «Путешествия и открытия сподвижников Колумба», и «История Нью-Йорка» (на франц. яз.).

В рукописи «Скупого рыцаря» Пушкин внес подзаголовок: «Сцены из Ченстоновой трагикомедии...». Долгие годы пушкиноведа считали эту ссылку необоснованной. Американский исследователь Ричард Грегг считал пушкинскую сноску допустимой. Он сопоставил стихи из «Экономии» (1744) Ченстона (или: Шенстона) и из «Скупого рыцаря»:

...мой наследник!...

Едва умру, он, он! сойдет сюда

Под эти мирные, немые своды

С толпой ласкателей, придворных жадных.

Украва ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
В атласные дырявые карманы...

До Грегга «Экономию» Шенстона и «Скупого рыцаря» сопоставлял русский исследователь Д.П. Якубович. Анализируя строки поведения наследников из «Экономии», он усомнился в близости описания действий Альбера из-за «общности суждений». Он считал, что «Экономия» Шенстона не могла привлечь внимания Пушкина: «...эти плоские замечания, если и попадались на глаза Пушкину, то вряд ли конкретно имелись им ввиду» (Якубович Д.П. «Скупой рыцарь». Комментарий. – В кн.: А.С. Пушкин. Полное собр. соч., т. VII. Л., 1935, с. 518). М.П. Алексеев также указывал на неубедительность сноски, возражая Греггу: «несколько строк, выписанных Р. Греггом ... не могут быть сопоставляемы с текстом «Скупого рыцаря», так как они отличаются общим характером и играют совершенно иную роль в композиции растянутой дидактической поэмы Шенстона» (Временник пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971, с. 116 – прим. к работе К. Ласорсы «Опера Янко Наполи 'Скупой барон' по Пушкину»). Грегг признавал необоснованность своих выводов из-за фундаментальных различий «в стиле и жанре этих двух произведений», отвергающих подобные утверждения. Исследователь считал, что Пушкин поместил имя Шенстона, «желая воздать ему должное». Современные советские пушкинисты продолжают несостоятельность вывода Грегга, вероятно, чтобы указать советскому читателю, что «работы» американских славистов отнюдь не способствуют... прояснению пушкинских творений («Русская литература», 1980, № 3, с. 241).

Русская литература с последней трети XIX в. в свою очередь стала оказывать на развитие американской литературы все большее влияние. У американских исследователей повысился интерес к русской словесности, культуре и к творческому наследию Пушкина. Литературоведы Америки ставили вопрос о влиянии Пушкина на развитие американской литературы, но эта тема раскрыта до сих пор недостаточно. Более широко разработан вопрос о восприятии творчества поэта в Америке, о переводах его произведений на английский язык, и критическое исследование о его творчестве.

В начале октября 1836 г. в «Современнике» (III-й т., с подписью: «The Reviewer») поэт напечатал статью «Джон Теннер» - о похищенном индейцами американце, который провел среди них 30 лет в Северной Америке. Книга «Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера» вышла в Нью-Йорке (1830). Пушкин хранил в библиотеке сокращенный экземпляр «Записок Джона Теннера» на французском языке (Париж, 1835). При работе над статьей «Джон Теннер» поэт использовал материалы из двухтомного издания «О демократии в Америке» Торквилля, которую Пушкин называл «славной книгой» (П., XVI, с. 105). В своей книге Торквилль сближал народы России и Америки не только по признаку незаметного возвышения этих народов, но и потому, что «они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал об их появлении и об их величии» (Торквилль А. «О демократии в Америке». Перевод с 14-го франц. изд. В.Н. Линд. М., 1897, с. 340). Эту мысль также подчеркнул Пушкин в работе «Джон Теннер». В письме к П.Я. Чаадаеву Пушкин сообщил о своем авторстве статьи, в черновике неотправленного письма написал: «Читали

ли вы Торквилля? . . Я еще под горячим впечатлением от его книги и совсем напуган ею» (П., XVI, с. 421).

Пушкин предвидел, что «средства наиболее нравственные» неминуемо приведут к полному исчезновению дикости в Америке и некогда полуобитаемые степи будут разделаны под плодоносные поля. «Везде возникнут селения и в торговых гаванях 'задымятся пироскафы и разовьется флаг американский'» (П., XII, с. 105).

Гневные слова обращал поэт против политики наживы: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человека — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы» (П., XII, с. 104). Пушкин в статье «Джон Теннер» поднял вопрос о путях развития Америки и о возможностях таких путей для России. Говоря о пороках буржуазного строя, закабалившего негров, поэт имел в виду пороки крепостного права в России.

Индийская проблематика чрезвычайно интересовала поэта. Американские писатели В. Ирвинг, Ф. Купер, Б. Франклин, олицетворявшие Америку XVIII в., с которых началось знакомство русского читателя с американской литературой, впервые ввели в литературу США «мавританскую тему». Князь В.А. Вяземский в письме к Пушкину назвал себя «в стихах Франклин на французском языке» (П., XIII, с. 201).

В 1828-1830 поэт глубоко интересовался американским писателем Фенимором Купером. В библиотеке поэта сохранилось 14-томное собрание сочине-

ний Купера (на франц. яз.). В автобиографическом наброске «Участь моя решена. Я женюсь» (1830) Пушкин, описывая свое времяпрепровождение, упоминал, что внимательно следил за каждым новым произведением Скотта и Купера. В путевых записках годом ранее (1829) сообщал, что пародировал описание «морских эволюций» Купера, «смотря на маневры ямщиков» (П., VIII, с. 1002-1003). Куперовские образы сопровождали поэта и в повседневной жизни, и недаром в кругу знакомых А.А. Олениной поэта прозвали «Красным корсаром» – по имени героя одноименного романа. В «Дневнике» Олениной, подготовленном к печати ее внучкой, сравнение отнесено ошибочно к прозвищу героя одной из пьес ирландского драматурга XVIII в. Джона О'Кифа. Оленина воспринимала поэта внешне похожим на куперовского корсара. Т. Цявловская подробно комментировала запись Олениной в «Дневнике» и признала, что «свободолюбие поэта и необыкновенная судьба его сближают в глазах Олениной Пушкина с образом 'благородного разбойника' Купера». Пушкин так высоко оценивал писательский талант Купера, что в черновом варианте рецензии на роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» поставил в один ряд имена Вальтера Скотта и Купера: «Вальтер Скотт влечет за собою целую толпу подражателей. Но кроме Купера и Манцони, как они все далеко отстали от шотландского чародея» (П., XI, с. 363).

Пушкин как бы предвидел массовое паломничество из России в Америку «когда родина становится в тягость». Поэт дал начало «вечной теме» и проблеме бегства в Америку от гнета. Дневниковая запись от 21 мая 1834 г. содержит анекдот об Александре I, мечтавшем дать свободу и конституцию России, от-

речься от престола и бежать в Америку. Обдумывали план бегства в Америку Гоголь, молодой Белинский, уехать в Америку мечтал лермонтовский Печорин. Тема бегства от российской действительности встречается в произведениях почти всех русских писателей. Пушкин долго и настойчиво вынашивал план бегства на Запад. Князь Вяземский выписал в Записные книжки слова христианского социалиста Ф.Р. Ламенне: «Кто не обращал взоров в те времена, когда родина становится в тягость, к республике Вашингтона? Кто не укрывался в мыслях своих в тень лесов и дубрав Америки?». Пушкин первым наметил тему побега в Америку, ставшей ныне острой социальной проблемой:

Ура! – куда же плыть – к песчаным ли брегам,
Где дремлют вечности символы, пирамиды,
Иль к девственным лесам
Младой Америки – Флориды. (П.,)

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя за 1876 год» говорил: «у нас ведь все от Пушкина...» достичь счастья – одна из «определяющих черт поэзии Пушкина и всей русской духовной жизни... Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастье, чтобы успокоиться: дешевле он не примирится» – замечал Достоевский (А.Н. Николюкин, указ. соч., с. 255).

СОБЕСЕДОВАНИЕ СЕДЬМОЕ*

Для того, чтоб больше и ярче показать Истину воскресения из мертвых возьмем таких два современных примера.

Один молодой человек, студент, полный сил и жизни, об этом я говорил на предыдущей беседе, вдруг покончил с собой. Нашли им оставленную записку: «Живите, если можете, а я жить не могу».

Другой человек, очень распутный, сменивший не одну жену, покончил с собой, оставив записку: «Жизнь окончилась, больше жить нечем».

Как в том, так и в другом случае они не нашли смысла жизни. Казалось бы, в первом случае, молодому человеку только бы жить и жить, а он кончает с собой.

В другом случае — удовольствия, а жить нечем.

Другие говорят, что такое жизнь? — это удовольствия, а тут жить нечем.

Жить нечем, когда кипит молодость, и жить нечем, когда состарились в удовольствиях.

Эти два примера показывают, что все земное не может удовлетворить, когда в душе пусто.

У этих лиц не было страданий и мук, бывает, что не вытерпев мук, кончают с собой, а тут покон-

---

* Перепечатаваем эту статью, чтобы обратить внимание читателя на исключительно интересную книгу о. Д. Дудко «Воскресные собеседования», изданную в 1977 году Братством Преподобного Иова Почаевского, 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que., H3N 2K4, Canada.

чили потому, что в душе пусто.

Скажут: это не характерно, это исключение.

Но если строго разобраться, то как раз это и характерно.

Когда у человека нет высшей цели, то он и занимается тем, что медленно убивает себя. Эти беспробудные участвовавшие пьянства, этот разврат, что это? Это ведь и есть самоубийство.

Возьмем даже самый лучший случай. Человек воспитан, обеспечен, и вдруг среди всего этого – тоска. Такая тоска, что не знаешь, что делать. Тоска даже бывает у детей. А почему? Да потому, что сознательно или бессознательно, а мысль о смерти удручает нас.

Умирать каждому придется, как не убеждай себя, что это, мол, закон жизни, а добровольно никто не согласится на смерть.

А сейчас мы даже боимся напоминания о смерти. Боимся называть некоторые болезни, заболев которой из них, человек обречен.

А ведь, здоровые мы или больные, мы все обречены на смерть.

Что такое смерть, есть ли там жизнь? – пока как будто все благополучно, мы не задумываемся над этими вопросами. Бывают же случаи, когда вдруг разрываются границы этого мира и человек видит то, что потом переворачивает все его сознание.

Может быть кому-то приходилось читать в дореволюционной книге, как некий, по фамилии Искуль, вдруг оказался на том свете, он потом сам все это описал. А до этого был даже атеистом, не признавал загробной жизни и подшучивал над теми, кто ее признавал.

Видит свое оставленное тело, собравшихся людей около него. Ему странно, почему они там собрались.

Он ведь не там, а здесь. Хочет сказать им об этом, а голос пропадает в пустоте, они его не слышат. Хочет рукой дотронуться, но рука проходит сквозь них, не задевая их.

И вот представьте — оказаться в таком положении.

Не будем говорить, что он видел, но только после того видения, возвратившись снова в свое тело, он оставил все удовольствия и посвятил себя Богу.

Это было на Русской земле, а вот что произошло в Англии, передаем сообщения из письма.

«Совершенно такой же случай 'возвращения к жизни', — пишет дядя своей племяннице, — произошел в то же почти время в Англии с девушкой Дороти Керин. Ее я лично знал, — пишет дядя, — она после возвращения в этот мир, по заповеди, явившегося ей в момент смерти и возвратившего ее к жизни, Господа, — создала духовно-молитвенный и медицинский центр для исцеления и лечения больных (на подобие Лурда). Дороти Керин, теперь окончательно умершая, описала свое невероятное происшествие по-английски».

Такие случаи бывают, чтоб вразумить нас.

Сегодня это не с нами, но будет и с нами.

Те возвратились к жизни, чтоб праведно окончить жизнь, а мы возвратимся ли? — Бог весть.

Нам нужно сейчас задуматься.

Воскресный день заставляет нас задуматься. Задуматься не о смерти, а что есть воскресение.

Отвергать, ничего не зная о той жизни, обличать собственную глупость. Дума о смерти, говорят, омрачает земное существование — это неправда, она только заставляет по-серьезному задуматься над жизнью, задуматься о бессмертии. Тот, кто уверен в воскресении, не покончит с собой, у того не будет тоски.

Тот, кто трудится для вечной жизни, не будет праздным, а будет трудиться и притом не за плату, а за совесть. Мы привыкли к плате, теперь ничего не хотят сделать, чтоб это не было оплачено. С верой в бессмертие трудятся бескорыстно.

Но как поверить? Для современного человека вечная жизнь, воскресение из мертвых кажется сказкой. Мы видим только умирающих и не видим воскресающих, и поэтому заключили, что есть одна смерть.

Но это не так – со смертью надо бороться и не тогда, когда она придет к нам, а вот сейчас. Со смертью борются верой в воскресшего Христа, борются добродетельной своей жизнью. Смерть надо победить. Это возможно и это нужно, иначе все становится бессмысленным. Какой смысл в смерти? – а ведь смерть все, вся наша жизнь, если нет воскресения. И то, что мы сейчас живем, и то, что строим, к чему стремимся – все это смерть. А смерти не должно быть. Не должно быть, потому что смерть побеждена Господом нашим Иисусом Христом, Он воскрес из мертвых – положив начало и нашему воскресению, мы все также воскреснем. Скажут это неестественно. Но именно это и естественно. Неестественно умирать, а естественно жить. Смерть противоестественно. А то, что нам кажется воскресение из мертвых противоестественным – это от нашего непонимания. Если бы мы не знали, как рождается человек, нам тоже казалось бы противоестественным рождаться. А вот теперь рождение естественно, рождаются на жизнь. Воскресение – тоже рождение. Но если обыкновенное рождение – к жизни временной, то рождение – воскресение к жизни вечной. Христос воскрес из мертвых – этого из истории не вычеркнуть. Ведь мы и исчисление ведем от Рождества Христова, и день

недели воскресенье называем от воскресения Христова. А кто-то хочет нас обмануть. Притом обман называется достижением науки. Какой науки? Науки смертников, что ли? Задумаемся. Казалось бы – ну не веришь, в чем дело, зачем преследовать того, кто верит. Нет, веру в воскресение Христово хотят вытравить из народного сознания. Так поступая, они не видят, что одержимы Завистником – врагом человеческим. Это он завидует нашему воскресению, и поэтому хочет воскресение вытравить из нашего сознания. Какой вред в том, что человек не признает смерти и верит в жизнь?

Обратимся к примерам, как люди, верящие в воскресение, выполняют такие дела, что мы слушая о их подвигах невольно сами воскресаем душой.

Такие примеры прежде всего из Жития святых. Вот, допустим, такие.

«Авва Виссарион носил с собой Евангелие. В одном селении он увидел мертвого нищего совершенно обнаженного и покрыл его своим плащом».

А если бы проходили, не знающие Бога, как бы они над ним насмеялись. Это видно на примере, как у нас часто обезображивают могилки: срывают кресты, разрушают оградки.

Этот же Авва встретил живого нищего без всякой одежды и, отдав ему свою рубашку, сам сидел нагой, закрываясь руками. Когда у него спросили, кто его раздел, он протянул Евангелие и сказал: «вот оно раздели».

В Евангелии сказано: если у вас требуют верхнюю одежду, отдайте и нижнюю. Нужно иметь большое сознание, чтоб так поступить. Нужно быть уверенным в иной жизни, чтобы не считаться с условностями этой жизни.

Некоторые из современных людей говорят, что

делать добро за награду в Царстве Небесном – это, мол, тоже сделка, не бескорыстная. Но награда в Царстве Небесном не развивает корысти. Корысть развивает то, что мы сейчас видим, наград в Царстве Небесном не видим – это должно быть только одно сознание. Награды в Царстве Небесном на земле людей делают только отзывчивыми и бескорыстными.

Теперь из жизни сирийского чудотворца Анина. Читаю.

«Узнав однажды, что Анин носит воду из Евфрата для утоления жажды приходящих к нему людей, епископ прислал ему в дар осла, который мог бы возить воду из реки. Случилось так, что после этого подарка к святому пришел бедный человек, не имеющий чем заплатить своего долга заимодавцу. Человек этот просил святого помочь ему уплатить долг. На это Анин, не имеющий никакой другой вещи, которую мог бы отдать, сказал пришедшему: возьми, брат, вот этого осла, продай его и вырученными деньгами заплати долг свой».

Отдают последнее . . . Чтоб принизить эти примеры, некоторые теперь говорят так: это было когда-то и это, мол, святые. А теперь так нельзя. То вот пример из недавней жизни. Индия, 1964 год. «Папа Павел VI, при отлете из Бомбея подарил свой автомобиль одной бедной монахине. Обратившись к провожающим его, он сказал: 'Уезжая из Индии, я оставляю свой автомобиль Терезе, начальнице миссии помощи бедным, чтобы помочь ей в ее *Миссии любви*'. А она в это время была на окраине Калькуты около умирающего старого человека, руки которого были как две сломанные палки и лицо похоже на темный пруд, где нет никакого движения. Только его глаза приоткрывались и спрашивали, сколько еще ему осталось жить в этом мире. А мать Тереза говорила ему

на бенгальском языке слова утешения и любви... Ни одна больница не приняла его. И никто в этом огромном городе, где 3000 районов официально названы трущобами, не нашел времени поддержать его за руку, когда он умирал. Слишком много было в этом городе таких умирающих! Тереза нашла его. Она перенесла старика в свое убежище, для умирающих бедняков. За 14 лет работы в своей общине Тереза подобрала более 21 тысячи таких людей, умиравших на улицах и свалках Индии».

Теперь о самой Терезе. Она родилась в Югославии в 1910 году. «Когда мне было 12 лет, Господь призвал меня», сказала она.

Поднимание бесчисленных человеческих тел согнуло ее тело. Она вела жизнь подрывающую силы и не давала себе нужного отдыха. Она засыпала в багажных сетках вагонов 3 класса, передвигаясь по Индии, создавала дома помощи бедным, больным и умирающим. Страдания тысяч людей отразились на ее лице, бледном, как камни гор Югославии... Тереза несет в Индии служение белого ангела в сари, творящего чудеса...

...Вот ей принесли человека, половина тела его изъедена раком, еще одного из тех, кого больницы не принимают. Зловоние идет от него. Брат милосердия, вычищая червей из запущенных ран больного, не выдержал, у него началась рвота. Мать Тереза сама занялась этим больным. «Как вы можете выдержать этот запах, что от меня идет?» – спросил больной. «Это ничто пред теми страданиями, которые вы переносите,» – отвечала Тереза. Через некоторое время больной сказал: «Вы не человек, люди так себя не могут вести, как вы» – и умирая сказал: «слава вам». «Нет, – ответила Тереза, – слава таким, как вы, которые страдают со Христом».

Вот она бескорыстная любовь к страждущим братьям, когда знают, что есть воскресение из мертвых. Если есть воскресение из мертвых, то каждый человек становится дорог. Это не обезьяна, достигшая разума, это не самый ценный капитал, а человек – выше всего, тот, с кем мы должны жить в Царстве Небесном.

Представим, с какой радостью встретятся в Царстве Небесном бедняк и его благодетельствовавший.

Мне как-то пришлось читать в одной современной книжке: можно ценить жизнь, если знаешь, что она временна и делать добро, чтоб всем было хорошо, если знаешь, что ты умрешь.

– Какая наивная и убогая философия, – подумал я. И тут же вспомнил о жизни, как говорят те, которые не верят в Загробную жизнь.

– Мы не дураки, чтоб делать добро. Упустишь момент – не вернешь. Бери от жизни все, что можно.

Можно оклеветать человека – клеветчи на него, обесчестить, особенно, если это женщина, обесчести. А помочь...

Тот, кто попадал в больницу, знает, как трудно дозваться няню. Да и в санитары мало кто идет. Нужно иметь христианское сознание, чтоб решиться на все.

Нет, только с сознанием того, что мы все бессмертны можно делать добро, с сознанием, что есть воскресение из мертвых. А эта жизнь существует только для подвигов, а не для удовольствий и наслаждений. Наслаждения несут в себе грех, а грех несет разочарование, пресыщение и смерть. Человек создан, конечно, для блаженства, но блаженствовать можно в Царстве Небесном, когда все блаженствуют, а здесь, где один наслаждается, а тысячи горюют, не до блаженства.

Нужно трудиться, чтоб себя воскресить из мертвых, и воскрешать идущих вокруг тебя.

Присмотревшись к современной жизни, что видишь? Прежде всего – распущенность. Особенно страшно смотреть на подростков, которые, как рассказывает милиция, приезжают специально в Москву, чтоб предаться распутству. Кто о них заботится. Ну отведут их в милицию, пристыдят или еще что сделают, а распутство продолжается. Нужно перевернуть сознание их, чтоб отвратить от распутства. Послушаем, как делали это святые люди. Вот Виталий монах. «Когда Александрийский патриарший престол занимал патриарх Милостивый, в Александрию пришел один инок, по имени Виталий из монастыря преподобного Серида. Этот инок, будучи 60 лет от роду, избрал себе род жизни, который для людей, видящих только внешнее в человеке, казался нечистым и греховным. Виталий составил себе список всех блудниц, живших в Александрии, и о каждой из них особо усердно молился Богу, дабы Он отклонил их от грешной жизни. Старец нанимался на работу в город от утра до вечера и брал за свой труд 12 медных монет. За одну монету он покупал себе боб – это что-то вроде кокосового ореха, и по закате солнца съедал его, затем он отправлялся в блудилище и, придя туда, остальные деньги отдавал какой-либо блуднице и говорил ей: ‘умоляю тебя за эти деньги всю соблукости себя в чистоте’».

Нам это может быть покажется смешным. Но воспитать, отвратить от грешной жизни можно только добротой. Но чтоб решиться на доброту – нужно быть уверенным, что есть бессмертие. Не делать же добро для того, чтоб его съели черви.

Безбожники говорят: надо быть добрым потому, что мы умрем. Этим самым они кощунствуют над

добром. Надо быть добрым, потому что мы бессмертны, потому что добро не добыча червей, а доброечно.

Почему все беды на нашей земле? Потому, что мы спешим насладиться, пока не умерли. А что такое наслаждение? Это хорошо может объяснить только умирающий. Я в прошлый раз говорил, как сказала умирающая женщина: все у меня есть, прожила я беспечальную жизнь, и как будто ничего не было, ничего мне не надо. Я бы согласна в лачужку, только чтоб пожить.

Но Бог человеку не лачужку готовит. Бог готовит человеку Царство Небесное, и жизнь не временную, а жизнь вечную. А мы все это объявили сказкой и живем, как в сказке. Но сказка кончится и рано или поздно нужно будет посмотреть трезво на жизнь, что она такое, в чем ее смысл.

Жить осмысленно можно тогда, когда веришь в воскресение из мертвых. Тогда земная жизнь – это время подвигов, так человек и поступает. Только та жизнь – время блаженства. Блаженство должно быть вечным. Блаженство временное – это только горькое разочарование.

Вслушаемся в это, задумаемся.

Вот ты, кто пытается устроиться в этой жизни, не брезгуя ничем, вслушайся. Не воскреснешь душой, к чему тебе все твое устройство? Какая польза человеку, как сказано в Евангелии: приобрести весь мир, а душе своей повредить. Душа наша больше всех сокровищ земных. Не будем же ради своего земного устройства жертвовать своей бесценной душой. Чужая копейка перетянет свой рубль, а земное устройство бывает только на чужой копейке. Даже когда мы как будто никого не обманываем, а только устроаем себя – мы обворовываем наших ближних. Если у тебя есть

избыток, а кто-то не имеет необходимого, то ты обворовываешь другого. Все, что мы имеем – Божье, а Бог дает не для одного кого-либо, а для всех. Будем же довольствоваться малым, но только не вредить своей душе.

Вот ты, кто уже все пропил, развалил свою семью, не знаешь, где твои дети и с кем они, что ты делаешь? Ты занимаешься самоубийством. Самоубийство – тяжелый грех. Остановись, пока не поздно, а пока есть в нас дыхание, еще не поздно. Твоя душа бессмертна, ты создан для блаженства в Царстве Небесном, а не для горькой рюмки.

Ты, кто с детских лет потерял целомудрие, в похоти и разврате живешь, остановись – не в этом жизнь.

Вслушаемся, как поступали наши предки. Возьмем 17-й век, были ведь и тогда бедствия. Засуха, недород, неурожайные годы. Сейчас у нас другого рода бедствия. Моральный неустой. Решили мы, что все нам позволено. Хорошие примеры увлекают. Так вот, как описывает Ключевский, всем известный историк, двух человек того времени, отдавших все свое земное ради спасения своих ближних, а не для собственного удовольствия.

«Жила тогда в своем имении, – как пишет Ключевский, – вдова-помещица, жена зажиточного провинциального дворянина, Ульяна Устиновна Осорьина. Это была простая, обыкновенная добрая женщина древней Руси, скромная, боявшаяся чем-нибудь стать выше окружающих. Она отличалась от других разве тем, что жалость к бедному и убогому в ней была тоньше и глубже, чем во многих других.

...Еще до замужества, живя у тетки по смерти родителей, она обшивала всех сирот и немощных вдов в ее деревне и часто до рассвета не гасла свеча в ее

светлице. По выходе замуж свекровь поручила ей ведение домашнего хозяйства, и невестка оказалась умной и распорядительной, но привычная мысль о бедном и убогом не покидала ее среди домашних и семейных хлопот».

Это вот, так сказать, пример частной благотворительности.

А вот пример общественной. Ртищев обер-гофмейстер при дворе царя Алексея Михайловича. Помощь ближнему была постоянной потребностью его сердца. Приведем несколько выдержек из истории Ключевского об этом человеке. «Он страдал ногами, и ему трудно было ездить верхом, ездил в экипаже, было во время войны. По дороге он кучами подбирал в свой экипаж больных, раненых, избитых и разоренных, так что иногда и ему не оставалось места». Он выкупал пленных.

«Ртищев составил команду рассыльных, которые подбирали этот люд с улиц в особый дом устроенный им на свой счет, где больных лечили, а пьяных вытрезвляли и потом, снабдив необходимым, отпускали».

«Для престарелых, слепых и других калек, страдавших неизлечимыми недугами Ртищев купил другой дом, тратя на их содержание свои последние доходы».

А вот что он завещал, умирая: «Вот как устройте мою душу: в память по мне будьте добры к моим мужикам, не требуйте от них работ и оброков свыше силы-возможности, потому что они нам братья. Это моя последняя и самая большая к вам просьба».

Это примеры того, как люди, зная, что есть воскресение из мертвых всем жертвовали земным. Воскресение из мертвых – смысл того, для чего мы родились, смысл нашей деятельности. Зная воскресение из мертвых, не скажешь: я жить не могу. Или: больше нечем жить. Даже в самых труднейших моментах

мы найдемся, как жить, и чем жить, даже когда ничего нет. Приведенные нами примеры показывают это. Оттого и пьют сейчас и скучают, оттого и ищут сами не зная чего, что не знают воскресения из мертвых. Не думают об этом. Вслушаемся, задумаемся, это всех нас касается.

Сколько ни живи на земле, а встать перед фактом иной действительности, придется. Как встать, если не знаешь воскресения из мертвых? – этот вопрос может оказаться роковым.

Вот мы прослушали краткое воскресное собеседование. Какой вывод нужно сделать?

Первое. Если ты не делаешь так, чтоб работать для воскресения из мертвых, то ты волей или неволей занимаешься самоубийством. Тебе становится нечем жить, пожилой ты или молодой. Оттого, что мы не занимаемся вопросом воскресения из мертвых, ослабла наша нравственность, появились всякого рода преступления. Человек, не знающий воскресения из мертвых, перестает дерзать, плывет по течению, боится что-либо предпринимать. Мы приводили примеры из жизни святых, когда они, зная воскресение из мертвых, в невероятных условиях делали, совершали такие подвиги, которые поражали своей невероятностью и невозможностью. И сейчас, слыша о их подвигах, невольно зажигаешься мыслью делать. Верующему во Христа, в воскресение из мертвых все становится возможным, любое дело, предпринятое во имя Христа, не проходит бесследно, оно даст невольно свой росток.

А теперь вопрос к нам. Что же нам делать? У нас вот сейчас катастрофическое положение от усилившегося и распространившегося пьянства. Человек – образ и подобие Божие часто валяется в грязи на положении скота.

Распущенность тоже приняла огромные размеры.

Ожидать гибели?.. Нужно делать. Вот, что можно предпринять в создавшемся положении? – этот вопрос я ставлю вам всем и не только для праздного размышления, а для того, чтоб подвигнуть на деятельность. Если мы отдадим себе ясный отчет, что нужно всем трудиться над проблемой воскресения из мертвых, то мы все сделаем, чтоб было так.

В добрый час! Помоги Бог.

В деле воскресения нет малых дел, все могут быть большими, даже пожелания, даже намерения. Нужно достигнуть вечной жизни! – вот задача всех нас. Аминь.

НАША СТРАНА

Еженедельная газета

Основана в 1948 г. И. Солоневичем

Орган русской монархической мысли

Цена номера газеты воздушной почтой:

Австралия — 0.80 австр. долл., Италия — 1.100 лир,
Германия — 1.80 нем. марок, США — 0.80 ам. долл.,
Франция — 5 фр. франков, Чили — 0.30 амер. долл.,
Парагвай — 0.30 амер. долл.,

Остальные страны — 0.80 амер. долл.

Чеки посылать по адресу:

Sr Miguel Kireeff
Monroe 3578 II,
1430 Buenos Aires, Argentina

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ*

Художественный поиск Юрия Кузнецова исключительно остр, активен и целеустремлен. Сквозная задача, которую поэт себе ставит, определяется стремлением воссоздать и художественно осмыслить Россию эпохи Второй мировой войны – к этой эпохе принадлежал отец поэта, погибший на фронте. Как известно, тема войны в течение долгого времени занимала одно из центральных мест в советской поэзии послевоенных лет. Стихов о войне писалось и пишется очень много – тема эта в советской литературе всегда поощрялась. Но Юрий Кузнецов подошел к своей теме совершенно самостоятельно. Он ни за кем не идет, никому не следует, ничего не предпринимает, но стремится все «показать» через художественный образ, показать в действии, в непосредственном движении, происходящем как бы перед глазами читателя. Одновременно, он стремится разгадать глубинные смыслы, в частности – нравственные закономерности, характеры людей военной эпохи. Кузнецов не только самостоятельно ищет эти характеры и закономерности, он как бы впервые создает их, не боясь идти к своей цели субъективным путем, что безусловно является правом каждого поэта, но что в советских условиях вовсе не так просто. Читатель видит автора как бы в процессе работы и напряженно сле-

---

* Юрий Кузнецов. «Край света за первым углом», Стихи и поэмы, «Современник», Москва, 1976.

дит за тем, что именно открывается автору «за первым углом». Поэт с исключительной силой показывает Россию, охваченную войной. В стихах его ощущается трагедийная напряженность, он как бы выходит на поиски погибшего отца и стремится осмыслить его путь, понять его, как часть огромной исторической картины. Смерть отца и его сверстников становится для автора отправным пунктом для размышлений и оценок. Согласно его художественной концепции, жизнь отца и его сверстников завершалась и осмыслялась их смертью – продолжая его мысль, можно сказать, что они жили ради смерти, от момента смерти отца автор начинает свое художественное летоисчисление. В тот момент, когда погибало на фронтах военное поколение, как бы изменилось лицо России. Далекое прошлое под пером поэта предстало в своем глубоко трагическом аспекте. А картины жизни, показанные поэтом, приобретают особую яркость и напряженность именно благодаря присутствию смерти. Естественно, что трагическая тема в изображении войны – закономерна, в рамках советских идеологических установок она не только допускается, но и поощряется. Однако, в официальной советской поэзии эта тема зачастую является как бы санкционированным свыше монументом тем, кто с войны не вернулся. Именно в том-то и заслуга Кузнецова, что в его изображении войны не только нет ничего официального, но трагизм его – внутренне динамичен, поиск – крайне искренен, трагизм – не конец и не монумент, а начало размышления, попытка понять происшедшее и призыв к нравственной ответственности. Сын воссоздает облик отца, которого он никогда не знал. Этим определяется основная линия книги и ее основной колорит. Если жена ищет мужа или отец ищет сына – это лишь ответвления

основной линии, ее варианты. Память отца у поэта переходит в чувство истории, тема войны проектируется в прошлое. В изображении Кузнецова, при всем героизме, на поколении военных лет ощущается оттенок обреченности. Даже, пожалуй – какой-то мистической таинственности. Люди эти остаются автору в конечном итоге – неизвестными, они принадлежат иному миру.

Вы не стойте над ним,
Вы не стойте над ним ради Бога,
Вы оставьте его с недопитым стаканом своим,
Он допьет и уйдет, топнет оземь: – Ты кто?
– Я дорога.
Тут монголы промчались –
никто не вернулся живым.
– О, не надо – он скажет.
– Не надо о старой печали,
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне род-
ном,
Не его ли следы на тебе эту пыль размывали...?
Он прошел поперек, ничего я не знаю о нем
.....
Ты светила ему, ты ему с колыбели светила...
– Он прошел сквозь меня, ничего я не знаю о
нем.

В этом стихотворении («Отец космонавта») слышатся голоса, вопрошающие о погибших. Ответ-рефрен подчеркивает невозможность исчерпывающего ответа, одновременно – это движение «поперек», «сквозь меня», этот выход мертвых за пределы обычных представлений и измерений является лейтмотивом в трактовке смерти. А сама война приобретает особые черты – может быть, по мысли автора, через всенародную трагедию, она есть путь к последнему очи-

щению или, к раскрытию последней ценности человека. Может быть, смерть на войне – выход в бессмертие? Автор намеренно недоговаривает и сама это недоговоренность служит как-бы дополнительным приемом при изображении смерти. В показе Кузнецова смерть не искупается героизмом, она трагична несмотря ни на что. Может быть именно эта мысль отличает Кузнецова от многих его современников в советской поэзии.

Итак – страна, перепаханная войной, в восприятии человека, который сам по возрасту в войне активно не участвовал. Тем сильнее его желание, эту эпоху угадать и передать через искусство. Силой своего таланта он этого достигает.

За пятой цепью смерть идет
И за шестой – смерть,
А за седьмой – отец идет
Сожжен огнем на треть

.....
Гора бугрится через лик,
Глаза слезит свинец,
Из под ногтей дымится крик
Я здесь, я здесь, отец.

Или:

На солнце танк горел пятном
.....
Горел танкист средь бела дня
И догорал танкист.
Переметнулся клок огня
На прошлогодний скирд...

Художественное зрение поэта чрезвычайно динамично, экспрессивно. Именно в изображении военных сцен поэт достигает особенного напряжения вырази-

тельности. На ряду с напряженной выразительностью, в голосе Кузнецова слышатся элементы фольклорного лиризма, которые органически включаются в трагедийную тему – сквозь шум боев и пожаров слышатся голоса женщин. Эти голоса (как в русском фольклоре, в «Слово о Полку Игореве», в древнегреческой трагедии) комментируют действие, осмысляя его. И всегда совершенно особый накал чувствуется при изображении смерти. В этом отношении особо выразительно стихотворение «Бабочка». Оно начинается словами

Я стоял на посту,
На котором стреляют на шорох
Если желают живыми вернуться домой

Как особую удачу, хочется отметить это удивительное начало, передающее особую напряженность этого, очевидно выдвинутого на передний край, сторожевого поста. Это вообще одно из самых удачных стихотворений сборника. Смысл его в том, что солдат, выстрелив по ошибке, по ошибке же, случайно убил человека:

Я подошел
По нити запекшихся тварей,
Я подошел.
Это был человек,
В его теле порхала последняя бабочка.

Стоит отметить, что в стихотворении «Бабочка» и военная тема и тема смерти трактуется очень необычно, особенно, для советской поэзии. Тут скорее можно усмотреть переключку с западным экспрессионизмом на философской основе правого экзистенциализма

ма. Случайностью смерти еще раз подчеркнута ее трагичность. Как известно, образ бабочки в античной традиции и вообще в фольклоре символизирует душу и ее бессмертие. В связи с этим, стихи: «Это был человек, в его теле порхала последняя бабочка» приобретают особую выразительность. В нашу задачу не входит прослеживание всех фольклорно-мифологических образов Кузнецова, отметим только, что этот элемент занимает у него очень значительное место. Это один из центральных приемов изображения родной земли и природы. Вот еще один пример использования фольклорного мотива:

Долине снятся тополя,
Красавице – кольцо,
Устам – стакан, зерну – поля,
А зеркалу – лицо,
Ворвалась в эту синь война,
И кровь, и смрад, и пламя,
И та, и эта сторона
Усеяна телами.

Войну поэт стремится охватить и показать объективно, как бесконечную цепь жертв по обе стороны фронта. Война у Кузнецова показана скорее, как стихия, чем как явление истории или политики (но для России – и это подчеркнуто всем образным строем книги – стихия и история составляют одно целое). Стихийность вообще занимает важное место в поэзии Кузнецова. Это, между прочим, объясняется глубокой связью Кузнецова с поэзией Блока. Корни стихийности следует искать в «Поле Куликовом» и других блоковских стихах этой тематики. В этом отношении характерно стихотворение Кузнецова «Ветер». Ветром символизируется здесь напор лирической стихии.

Женщина оказывается во власти влетевшего в дом ветра:

Ты – женщина, а это – ветер вольности,
Рассеяной печали и любви
Одной рукой он гладил твои волосы,
Другой – топил на море корабли.

Очень важно, что стихия является у поэта как бы сквозной темой, но он стихию не идеализирует, наоборот, подчеркивает ее двойственный, слепой и страшный характер. Стихия, естественно – не только в ветре, но и в истории, и в войне, и в человеческих судьбах. Общая художественная концепция автора, положенная в основу книги, определяется тремя основными моментами: 1) стремление художественными средствами как бы «воскресить» людей, погибших на войне. 2) Стремление показать войну в качестве своеобразной, массовой героической трагедии, происходящей на широком стихийно-мифологическом, экспрессивно-лирическом фоне. 3) Попытка, в какой-то мере поставить вопрос о том, чем же оправданы огромные военные жертвы. Достаточно естественно, что этот последний вопрос остается без ответа. Во всяком случае, главный упор автор делает на то, что люди оказались способны на подвиг – солдаты и женщины вынесли на своих плечах гигантские трудности, выпавшие на их долю. Но во всяком случае важно, что вопрос о смысле происходящего – поставлен, хоть и остается без ответа. В тех условиях, в которых автор живет, свободно ответить на этот вопрос нет возможности. Вероятно, ответ слишком труден, хотя бы потому, что одной нравственной ответственности для ответа на этот вопрос недостаточно, а религиозная тема, как таковая в книге отсутствует – до известной

степени она заменена темой нравственно-национальной, в фольклорно-мифологическом преломлении. Вполне естественно, что вне религиозной проблематики, постановка вопроса об оправданности жертв теряет глубину – ведь, если даже война есть школа мужества, так люди-то все равно – погибли, факт их гибели очень слабо оправдывается тем, что последующие поколения смогут чему-то научиться у предшествующих.

Все эти соображения вызваны именно исключительной художественной силой книги. При помощи звуковой и зрительной образности поэт создает огромную движущуюся панораму, читатель видит огромные массы людей, люди эти вписаны в природу (чувство природы у Кузнецова очень сильно). В книге чувствуется свободное и широкое дыхание России, чувствуются большие просторы и расстояния. Кстати – «мифологический характер» мышления автора привлекал уже внимание рецензентов – «мифологичность» некоторые рецензенты словно ставят в упрек поэту. А нам кажется «мифологичность» ценным качеством – за ней мы ощущаем поиск метафизического смысла явлений.

Книга «Край света за первым углом» посвящена не только войне. Сверхзадачей автора является показ русской судьбы в ее трагическом аспекте. Однако, для полного осуществления этой задачи у автора нет объективных условий, время для этого еще не настало. Но автор сделал то, что в данных условиях считал для себя возможным.

Определяя художественную традицию, к которой принадлежит Кузнецов, кроме уже названного Блока, можно указать на значительное (и очень уместное) влияние экспрессионизма в трактовке зрительного образа, а так же – постоянную перекличку с русской

поэзией прошлого, линии Тютчева-Баратынского и с прозой – Гоголя. Сплав получается необычный и очень удачный, именно потому, что Кузнецов обладает ярко выраженной творческой индивидуальностью. В подтверждение сказанного можно было бы привести множество цитат, но вырванные цитаты нарушают течение художественной речи – никакая подборка цитат не может, естественно, заменить впечатления от прочтения книги. Читая книгу, каждый сам увидит, что значит «Край света – за первым углом» – и получит при этом яркое ощущение глубокой содержательности, художественной силы и художественной удачи.

ЧАСОВОЙ

Орган связи
Российского Национального Движения
под редакцией В.В. Орехова.
ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Годовая подписка: страны Бенелюкса 500 б. фр., США и Канада 20 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

**В. Orekhoff, 26 avenue Everard,
B 1190 Bruxelles (Belgique)**

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ «КОКЕТНИЧАЯ С БОЖЕНЬКОЙ»

В газете «Комсомольская правда» от 30 июля 1986 года появилась статья под названием «Кокетничая с боженькой (sic!) (тема для размышления)».

По правде сказать, тут размышлять особенно нечего – пошлое название статьи говорит само за себя. Из содержания статьи узнаем, что эти слова принадлежат Ленину. Он считает любые проявления такого «коккетства» «невыразимейшей мерзостью», относя это и ко «всякой религиозной идее, всякой идее о всяком боженьке».

Зная, что пока в Советском Союзе размышлять на подобные темы можно только не переча атеизму как «научно-материалистическому мировоззрению», мы хотим, в кратких словах, оспорить мнение автора данной статьи из нашего далека.

Прежде всего, что такое атеизм? Атеизм, употребляя русское слово, это неверие. Неверие в существование Бога.* Следовательно, поверить в Бога – «значит отказаться от самых основ научно-материалистического мировоззрения». «Отказаться от основ» – значит отказаться от веры в «научно-материалистическое мировоззрение». Вы скажете, что это был бы отказ не от веры, а от научного знания, которое

---

* Философский словарь. Изд. политической литературы, М. 1968 г., стр. 26.

открывается через «научный материализм». Простите, простите. Какая именно наука занимается вопросами, есть ли Бог или Его нет? Назовите, какая? . . . А я Вам назову. Имя этой науке богословие. Вы замашете руками и скажете, что это не наука вовсе, а измышления религиозников. Но почему к богословию, одной из древнейших наук, которая в наше время преподается во всех университетах мира, специально занимающейся вопросами веры в Бога, нужно относиться с усмешечкой, а к мнению Ленина, что ко «всякой религиозной идее» нужно относиться как к «невыразимейшей мерзости», мы должны относиться как к непререкаемой истине? Почему?

Не потому ли, что вы верите исключительно Ленину? Это, конечно, Ваше право. Но почему же тогда вы хотите других лишать права верить другим авторитетам?

Господствующая в СССР власть все время уверяет, что жизнь у нас на родине самая свободная во всем мире. А почему же тогда у вас нельзя произнести слово, противоречащее материалистической доктрине, научно-материалистической, как Вы обыкновенно подчеркиваете? Если материализм – истина, то почему она столь хрупка, как изнеженная капиталистическая дама, которая получает насморк от малейшего дуновения свежего ветерка? Трусливость ваша перед христианской религией доведена до смешного: если в вещах въезжающего туриста обнаруживается иконка или на шее у него нательный крестик, то таможня это специально регистрирует и, выезжая, он должен их представить, то есть доказать, что не оставил их в Советском Союзе; или – другой пример – возьмите нашу современную литературу. Там появилось теперь не утверждение религии, нет, а лишь иногда благоприятное о ней высказывание как о су-

шествующем факте. Как же это Вас взбудоражило! Помилуйте! – Ленин сказал, что религия «невыразимейшая мерзость», а в нашей советской литературе говорят о ней благопристойным языком! О какой свободе слова или мышления после этого может быть речь?

Но все способно меняться. То, о чем недавно и шептать было опасно, то теперь... Но, что значит старомодное перетряхивание моего багажа в вашей таможне, когда, во всеуслышание, со страниц официальных журналов страны начало звучать то, о чем не может умолчать и автор разбираемой статьи: «Религия претендовала и претендует на монополию в области этики. Без веры, мол, нет нравственности. Казалось бы, дела давно минувших дней. Однако нет. В последнее время все чаще встречаются заявления, авторы которых открыто или чуть замаскированно поддерживают эти претензии. В таком духе, например, высказался в печати В. Быков. Он совершенно справедливо утверждает, что 'совесть, сострадание, милосердие – нравственные начала, из века в век утверждавшиеся в людском мире'. Но тут же почему-то непосредственно связывает эти нравственные начала с религией»...

Автор из «Комсомольской правды» продолжает, говоря о Ч. Айтматове («Плаха», «Новый ми», 1986 г. № 6, 8, 9,): «Что же касается 'миссионерской' задачи и, ...то она, видимо, призвана выразить ту же авторскую идею, которую мы выше отметили у Быкова: именно при помощи религиозных установок можно и нужно оздоравливать нравы и нравственность людей... И никак не пройти в этой связи мимо некоторых высказываний В. Астафьева, сделанных им на страницах журнала 'Наш современник' (1986, № 5). Он спрашивает: 'Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в

пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего...’ С умилением вспоминает писатель о том времени, когда ‘мы жили со светом в душе, добрым задолго до нас творцами подвига – (кто же они – Моисей, Христос, Будда? – вопрошает автор статьи) – зажженным для нас, чтобы мы не блуждали в потемках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости’. Это райское время ушло в прошлое, его у нас ‘похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье’. Что же делать, в отчаянии вопрошает автор (В. Астафьев – А.К.), ‘кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили?’».

Бедный автор разбираемой статьи (И. Кривелев, доктор философских наук) хоть и должен был познакомить нас с убийственными для его «научного материализма» высказываниями ряда современных нам писателей, пытается все же на мажорной ноте закончить свою статью: «Наш атеизм, – пишет он, – базируется на фундаменте научного мировоззрения, и он так же незыблем, как это мировоззрение».

Хоть и жаль бедного автора, но, как говорится, шила в мешке не утаишь, и нам придется привести несколько слов Владимира Солоухина из журнала «Новый мир» (№ 8, 1986):

«У меня был вечер в ядерном центре в Дубне. После вечера хозяева устроили ужин. Банкетуку (человек на тридцать) оказал честь руководитель этого ядерного центра крупнейший ученый современности, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, математик Николай Николаевич

Боголюбов. За столом мы оказались рядом. Естественно шли разговоры.

– Как же так – спрашиваю я. – Еще совсем недавно в школе нас учили, что атом есть мельчайшая, последняя и неделимая частица материи. А вы ее теперь делите.

– Да еще как! – отвечает ученый. – Да, думали, что это последняя и неделимая. Заглянули, а там – каша. Стали считать, что протон (я могу напутать в названии частиц – В.С.) неделимая частица материи, заглянули, а там – каша. Ну, остается нейтрино. Настолько мала, что любая материя для этой частицы практически прозрачна. Сквозь земной шар она пролетает, ни за что не задевая. То есть через атомы летит, ни за что не задевая. Ну, как метеорит через солнечную систему. И вот заглядываем, а там каша. И если нейтрино при определенных условиях взорвется, из него может родиться галактика.

Нетрудно догадаться, какое молчание наступило за столом.

– Да, – продолжал ученый, – наш мозг не готов к восприятию этой идеи, как и многих других, до которых (парадоксально!) он сам же додумывается.

Все молчали.

Тогда, чтобы перевести на шутку, я спросил:

– Так кто же все-таки Бог по специальности-то?

– И математик... – поддержав мою шутку, серьезно ответил Николай Николаевич Боголюбов».

ВОСПОМИНАНИЯ*

Поезд за поездом уносил беженцев в теплушках в Новороссийск. 4-го января приехал неожиданно наш дорогой Андрюша, чтоб устроить свои денежные дела и забрать свои вещи. Это было наше последнее свидание. Он все ночи бредил, воображая себя в сражении или окруженного большевиками, вскакивал и кричал. Видно было, как он переутомлен, как и все наши бедные воины. Он оставил мне значительную сумму денег в банке, которыми только, кажется, раз могла попользоваться и больше не стали выдавать. 6-го, в Крещение, мы все его проводили на вокзал. Что делалось тогда на поездах: на крышах и в вагонах толпы народа, так что влезть в вагон было очень трудно. Андрюша еле втиснулся. Милый, дорогой мальчик, он был нам родной, а для меня сын. Не знаю, в чьих руках была власть, кажется ни в чьих; оружие валялось брошенное и дети им играли; проезжали казачьи полки, вероятно Кубанцы, совсем свежие, видно не бывавшие в бою давно. Слышно и видно было, что все бежали. Я продолжала не верить, что большевики придут. Мы жили, продавая вещи, которые дорогие Мещерские так щедро нам оставили. Я перевезла их целый воз, в том числе и картофель, так что был запас и мы были сыты тогда.

В начале марта зазвонил набат и мы пошли с

---

* Продолжение – начало см. «Р.В.» № 22, 25, 27-28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37.

толпой на Никол. площадь, где собрались казаки. Держал речь полковник Звягин. В толпе были депутаты большевиков. Он говорил казакам, что большевики прислали депутатов с предложением принять их власть и обещая, что не будет больше насилия и реквизиции, что офицеров они не тронут, что войско их уже не прежняя дикая орда, которой они стыдятся теперь и пр. «Как жених невесте напевает, – говорил полковник, – а я ничему не верю. Опять пойдут аресты, и расстрелы, и грабежи, и насилия. Хотите ли вы, казаки, признать советскую власть?» Несколько нерешительных голосов ответило: «Не хотим их знать». Звягин, услышав их, сказал: «Вот два, три голоса говорят, что не хотят их признать, а я вас, казаки, знаю. Те самые, которые это сказали, первые признают большевиков и первого меня им выдадут». Он был прав: его очень скоро арестовали и, продержав 7 месяцев в тюрьме, расстреляли. Его смелая бесстрашная речь западала в душу. 9-го марта утром, мне помнится, въехали большевики. Наши окна выходили на полотно железной дороги, и мы видели медленно ползущий товарный поезд с открытыми вагонами для песка, в которых стояла эта дикая, оборванная, вооруженная орда. Снег тихо, медленно падал. «Замело тебя снегом, Россия». Замело, погребло, бедная Мать Родная.

Первое время было тихо, все замерли в ожидании. Я же была уверена, что избавление близко и старалась всех в этом убеждать. Мы часто встречались на улице с женой начальника контр-разведки, который бежал, бросив жену и сына 12-ти лет. Она очень боялась большевиков и было за что. Пока я сидела в тюрьме, ее замучили во время террора. Всю ночь слышались в Английском Парке крики несчастных жертв, а утром нашли их обезображенные тела

и ее в том числе с выколотыми глазами. Сын спасся, убежав в горы. Перед приходом большевиков дети меня просили переменить фамилию, что тогда многие делали. Я пошла в канцелярию с этой просьбой. На вопрос, какую фамилию написать, я сказала Толстова, а написали по ошибке Толетова, что я и оставила. Боясь продавать вещи при большевиках, я стала искать себе место. Был у меня знакомый, некто Вихленко, который служил в исполкоме. Он сказал, что найдет мне место в каком-нибудь благотворительном заведении и чтобы я пошла с ним туда на другой день. Мы пошли, и он меня повел к начальнику исполкома, говоря: «Позвольте вам представить графиню Марию Николаевну Толстую, бывшую фрейлину Императрицы Марии Феодоровны, живущую под именем Толетовой». Мы только взглядами обменялись и разошлись. До сих пор не понимаю цели его. Тогда я придумала поджаривать овес и ячмень и молоть. Это заменяло кофе, и продавалось успешно.

В апреле мы переехали на очень уютную квартиру в нижнем этаже дома Анненковых. Хозяева, Уральский атаман и его жена, нас приняли с распростертыми объятиями. Скоро нам вселили 2-х красноармейцев. Весь день они торчали с нами. Дурного от них мы не видали. Нашу еду они забраковали и отказались есть и принесли свою с белым хлебом и охотничьей колбасой, что было неслыханной роскошью тогда. Принесли и раку, и усиленно меня угощали. Конечно, я отказалась. Но они просили: «Только попробуй, мамаша». Я попробовала и выразила удивление, что можно пить такую мерзость. Старший мне говорил, что старается весь день быть на людях и так устать к вечеру, чтобы тотчас заснуть и только бы не думать. Рассказывал, как будет хорошо, когда все будет общее и все будут равны, но без злобы и

ненависти. Пока они у нас жили, однажды ночью в комнату моих девочек с улицы в окно влезли матросы, завязали им рты и вынесли на улицу. Как Бог их спас, Ему Одному ведомо. Слишком тяжело это ужасное воспоминание. Я провела эту страшную ночь в молитве. Хотела было идти за ними, но Николай (красноармеец) мне сказал, что без пароля ни к чему идти, тотчас арестуют. Утром я их нашла, но решила тотчас послать всех троих в немецкую колонию вдали от красноармейцев. На другой день я их проводила на поезд и осталась вдвоем с Павлушей. Мы опять переехали с ним в премиленький флигелек. У нашей хозяйки была рядом бывшая гостиница и наш флигель был у нее в саду недалеко от Суб. базара. Мы с Павлушей жили душа в душу. Ни одного раза он меня не огорчил, помогал, чем мог. Было еще настолько спокойно, что он ходил с крестным ходом на Вознесенье в монастырь, там ночевал и вернулся на другой день. Как я обрадовалась, увидав эту маленькую фигурку. Неожиданно вернулась моя Катя с сильнейшей болью в голове и в очень нервном состоянии. Я думаю, последствие страшной ночи. Приехала и Пушонок на несколько дней. Слава Богу, Катя осталась со мной и мы жили уютно и дружно. Однажды хозяйка пришла ко мне предложить спрятать мои вещи от большевиков с ее вещами, говоря, что они будут все отбирать. Я согласилась и она все спрятала под полом в моем флигеле. Так как у нее была гостиница, то она прятала большие сервизы, матрацы и пр. Прятал ее племянник Савельев, который с женой и тремя детьми жил тут же. Какая это была, по-видимому, счастливая молодая семья и оба такие красивые. Останавливаюсь с любовью на них, впоследствии мы так сблизились. Еще с горячей любовью вспоминаю Люб. Алекс. Вязниковцеву. Тогда мы были не очень

близки. Они были Уральцы и принимали участие в славном Уральском походе, где потеряли двух сыновей от голода и холода.

19-го июня, проснувшись, мы увидели, что наш дом оцеплен солдатами. Тем не менее я собралась было на рынок, но солдаты не пустили и пришлось сварить чай и вместо хлеба испечь на спиртовке лепешки из отрубей. Утро было холодное, и в окно солдаты попросили придти погреться. Вошли трое, и я их напоила чаем из яблочных листьев и угостила моими лепешками, и мы мирно беседовали, пока я молола свой кофе. Вдруг ворвался комиссар с другими солдатами, крича: «Ну, где вы под полом вещи спрятали?!» Я, зная, что он был у хозяйки, решила, что он от нее узнал, где вещи, сразу показала: «Вот здесь!». Подняли доски и все стали выгребать. Тут явился матрос и, при виде вещей, все бранился – я не понимала по чьему адресу. Он считал, что вещи были все мои и спрашивал, не стыдно ли мне иметь столько вещей, которые могли бы облагодетельствовать целый детский приют. Вытащили и иконы и старались сорвать с них ризы, но не сумели. Все решительно, что было под полом, они увезли. Пока я была одна с одним из солдат, он мне сказал: «Кабы вы им денег дали, они бы ваши вещи вам оставили». Я ему показала, все что у меня было (кажется руб. 7) и он, улыбнувшись, сказал: «Ну, конечно, этого мало будет!». Пока они таскали мои вещи, перед глазами у меня представлялась келья преп. Серафима, где кроме икон были всего столик и табуретка его безупречной работы, а у меня как много было лишнего, якобы необходимого. Нашли и мой паспорт, – «вдова контр-адмирала Свиты Его Величества». Над этим они шептались. Я просила мне оставить фотографию мужа, сперва не хотели, а потом отдали, говоря:

«Будь он жив, то по ней и разыскали его», и вернули мне. Солдаты запихали мне в карман кусок мыла, стараясь что-либо нам оставить незаметно от комиссара-латыша. В тюрьме оно всем нам пригодилось. Мыла тогда было мало и оно было дорого.

К вечеру комиссар мне сказал, что мне надо будет сходить на 1/4 часа в чека на пару слов. Я была босиком и моя Катя надела на меня свои чоботы и накинула мой Оренбургский платок. На дворе стояла коляска, в которую я спокойно села, и комиссар мне смущенно сказал: «Вам придется идти пешком. Эта коляска для ваших вещей». Очень тяжело было прощаться с детьми и бросить их одних. Я пошла с двумя мальчиками часовыми, которые советовали взять что-либо теплое, что верно придется ночевать в чека. Привели в чека, где принял меня зверь-Лавринович. Тогда я, конечно, не знала и имени его. Он даже не взглянул на меня, а приказал: «Отвести эту женщину в подвал!». Меня отвели вниз и там мне сказали передать деньги и драгоценности, иначе меня разденут. Я отдала золотой браслет с часами, брошку с миниатюрой моего Коти и 2 кольца и меня отвели в подвал. Там было какое-то тусклое освещение, и я разглядела людей – мужчин, женщин и детей, спящих на полу, на двух столах и на плите (это была прежде кухня). На одном столе я узнала О. Еф. Савельеву, и мы крепко обнялись, хотя раньше только в лицо знали друг друга. Я стала искать место на полу, чтобы лечь, но он был так грязен, что не решалась. Спал тут в бурке, раскинувшись, казак; я и легла на его бурку и заснула. Утром рассмотрела товарищей своих; нас было более 20-ти человек. Дверь не закрывалась и часовой сидел у входа в нашу кухню из соседней комнаты, где было тоже человек 20-ть, между прочим, Савельев со старшим сыном 11-ти лет.

Мне говорили, что у них было гораздо грязнее, вдоль стен отхожее место. У нас утром девочки Дубинины вымыли пол и стало прилично. Я забыла почти все фамилии. Был казак Губин со стариками родителями: все трое казаки – толстовцы! (кажется оригинальное соединение). Савельева с 2-мя младшими детьми, 9-ти и 6-ти лет. Младшего ночью водили на допрос. Он никогда не плакал и, возвращаясь, молча ложился спать, не то что 12-тилетний сын его няни, который, говорили, предал эту семью и который тотчас хныкал, когда звали его на допрос и потому комиссары сами приходили его расспрашивать. Потом две подруги портнихи (я их поминаю иногда в молитве – Мария и Елена), старушка старообрядка, продавщица раки и, кажется, тайный агент казак Прокофий, еще трое мужчин и девочка Рая 15-ти лет. Ее сестра Душа была в соседнем подвале. Из-за них сидело большинство арестованных. Эти две девочки остались с братом круглыми сиротами и жили втроем на хуторе. Большевики убили брата, сожгли хутор и пустили девочек по миру. Душа полюбила офицера и, когда он скрывался в горах, то она и Рая посылали им в горы еду и всякое снабжение. Они жили то у бабушки в Ессентуках, то у бабушки в Пятигорске и не заметили, как их выследили. Казака Прокофия арестовали за то, что он раз подвез из Пятигорска в Ессентуки Душу. Савельева да и все обвинялись в сношении с белыми в горах. К ней раз явилась девица шпионка, известная под именем Варьки и плача сказала ей, что ее муж в горах и что ей надо послать к нему записку и не знает ли Ольга Савел., как это сделать. Ольга ответила, что никого там не знает. А потом написала мужу на хутор, что очень ей жаль Варьку и не может ли он переслать письмо. Савельев ответил, что никого не знает и чтобы она не думала,

что-либо туда посылать. Эта переписка была перехвачена, и Ольга мне говорила, что всех их предала Варька. Нас совсем не кормили в чека. Приносили всем передачу. Меня наделяли, так как давно не ела. Мучительно было, что не было «Параши» (кто был в тюрьме, тот знаком с ней) и нас запирали с 7-ми ч. до 6-ти ч. утра, — делай, что хочешь. Я всего более, кажется, страдала и первая просила утром часового позвать разводящего (нас туда водили 2-ое часовых) для выхода на двор. Часовые отказывались звать. Кончалось тем, что я падала. Тогда мужчины запугивали моей смертью часового, и он звал разводящего, и я открывала очеред. шествие. Тут же в саду был водопровод и мы по очереди мылись. Я высматривала, не увижу ли детей где-нибудь близко, но не видала их. Мы все очень сблизились. У меня сперва не было подушки и Ольга Сав. меня укладывала на своей. Сперва окна оставляли открытыми на ночь. Была жаркая пора. Но однажды ночью нас разбудили выстрелы и крики, к нам ворвался комиссар с солдатами и со свечами, и стал всех проверять. Оказалось, один бежал. Я спала у стола, на котором улегся молчаливый мужчина (говорили, что он офицер). Он с одной Раей изредка разговаривал. Он бежал через окно и, говорят, спасся. Когда стреляли, он падал и бежал дальше. Нам после того заколотили окна. Трудно было привыкнуть спать на каменном полу без подстилки. Все тело болело и я предпочитала ходить или стоять, но хождением я могла мешать другим. Недели две я не могла привыкнуть. Иногда мы весело болтали и часто хохотали до слез. Часовые запрещали разговаривать, особенно громко, но останавливать было невозможно, и часто раздавались песни. Слушая русскую песнь в этой обстановке, быть может накануне смерти, я чувствовала все богатство

быть русской, со своими делить все и думала о том, какая я счастливая. Нам не давали книг и, когда Губин просил что-либо почитать, комиссар кричал: «Забудьте, что вы люди! Вы арестанты!». Этот же комиссар принимал участие в Ольге Еф. Она мне сказала, что он ее предупредил остерегаться Груши, продавщицы раки. Детей выпускали играть во дворе. Эти удивительные дети поняли, что это делалось, чтобы их подслушать. Девочка Савельева сама о том матери сказала, и они избегали выходить. Одна из портних – Елена – была очень добрая и доверчивая и говорила, что не верит в злость людскую. Однажды она вернулась с допроса вся в слезах и рассказала нам, что во время допроса ей втыкали под ногти иголки! Я спросила, поверила ли она злобе, но она сказала, что это недоразумение, а не злоба. Кроме меня ночью не спал бедный Прокофий. Его ночью водили на допрос и угрожали расстрелом. Однажды ночью вошел комиссар с солдатом и спросил, указывая на него: «Значит, вот этого?». И с той поры он каждую ночь ожидал расстрела. Меня днем вызвали на допрос:

– Где ваши сыновья?

Я: – Один вы знаете где, а другой не знаю.

Комиссар: – Он кто?

Я: – Моряк.

Комиссар: – Морской офицер у белых?

Я: – Да.

Комиссар: – Вы родственница Льву Николаевичу?

Я: – По мужу, да.

Комиссар: – Вы разделяете его взгляды?

Я: – Нет, ни в чем.

Комиссар: – Кто был ваш муж?

Я: – Моряк.

Комиссар: – Морской офицер?

Я: – Да.

Комиссар: – Как вам не стыдно иметь столько вещей?

Я: – Я не нахожу, что у меня их так много было.

Комиссар: – Отчего вы их спрятали?

Я: – Чтобы вы их не брали.

Комиссар: – Не брали, а реквизировали. Кто вам сказал, что их реквизируют?

Я: – Все.

Комиссар: – Значит это был общий голос?

Я: – Да.

Комиссар: – Отчего у вас было так много серебра? (кстати это был мельхиор, который Мещерские мне оставили, прося, если возможно, сберечь).

Я: – Это было серебро моего брата, которое он просил меня сберечь, потому что оно принадлежало родителям.

Комиссар: – Кто ваш брат?

Я: – Он штатский.

Комиссар: – Где он?

Я: – Заграницей.

Комиссар: – Надо думать, что ему там хорошо!

Я: – Я надеюсь.

Комиссар: – Что вы сказали?

Я: – Я сказала, что надеюсь, что ему хорошо.

Комиссар: – Вы можете идти.

Я: – Теперь у меня что-то вам сказать. По вашим законам, когда не скрывают, где вещи спрятаны, вы возвращаете какую-то часть. Я прямо показала, где вещи и мне надо вернуть мою часть.

Комиссар: – Да; сколько же у вас было белья?

Я: – Рубашек на нас троих 10.

Он меня прервал: – Теперь нам некогда, а когда будет время, вас позову и мы составим список и вернем вашу часть.

Конечно, не вернули. Мне посылали с детьми

передачу милая фельдшерица Елизавета Петровна Баданова, которая была очень добра к нам.

Недели две после моего ареста нам объявили, что нас везут в Пятигорск. Мы связали в узел подушку и одеяло и нас погнали в полном смысле. Я была тогда слабее всех и добрый Савельев понес мой узел. Дойдя до полотна железной дороги, нас остановили не доходя до станции, и мы около часу ждали поезда и многие родные пришли проститься со своими. В это время проходила одна знакомая, и мы с Ольгой ей крикнули поскорее позвать детей проститься. Добрая старушка побежала бегом и дети прибежали, когда поезд уже двинулся, и они бежали за поездом. Бедная Ольга плакала в истерике, видя их (они были выпущены из чека за неделю).

Какое было наслаждение опять видеть поля. Губин знал наизусть часть «Иоанна Дамаскина» и много раз в пути декламировал «Благословляю вас, леса, поля и рощи, и дубравы!» и как особенно прекрасно это было. Путь с вокзала до чека показался длинный и я с трудом плелась, уставая. Знакомый Ессентукский комиссар кричал: «Пошла, пошла! не то прикладом подгоню!», а затем подошел и тихо сказал: «Если можете, идите скорее, чтобы других не задерживать». В Пятигорском чека мужчин отделили от нас. У нас были две сухие комнаты с деревянным полом и нас отделял от мужчин большой двор. Они были гораздо хуже нас помещены в подвалах, где была вода. Нам позволяли весь день быть на дворе, кроме если кто провинится, тогда всех запирали. Тут было много незнакомых и много тайных агентов. Друг другу передавали остерегаться таких-то. Я спала рядом с моей дорогой Ольгой Ефим. и старушкой Мирой Павл., с которой тоже подружилась. Она была известный знаток русских песен. Не забуду ее рас-

сказ о Царе Гордее. Этот царь однажды читал псалом 33 и когда дошел до слов: «богатии обнища и солгаша», он так рассердился на эту возможность, что вырвал этот лист. Некоторое время спустя, он поехал на охоту и гнался за зверем. Зверь, убегая от него, бросился вплавь через реку. Царь, оставив свое платье на берегу, поплыл за ним, но зверь убежал. Царь вернулся откуда поплыл, но платье исчезло, и он принужден был искать какую-нибудь одежду и набрел на пастухов, которые его одели. И вот целый год он жил добротой людей, никем не узнанный. Это Бог его вразумлял за то, что он вырвал лист псалма. В это же время Бог послал его жене Ангела Хранителя, принявшего образ царя, который ее охранял, как сестру. Кончился год, и Господь ему сказал, что он может вернуться на царство. Но царь уже не захотел вернуться, он узнал, чем люди живы.

Хочу подробнее сказать о Фоке Густиновиче Губине. Может быть когда-нибудь мои дети с ним встретятся, и он дополнит своими воспоминаниями это время. Он окончил университет и в 1905 г. и за прокламации был сослан по этапу от Ростова до Сибири, следовательно, навидался тюрем. Тогда-то он очень враждовал с царским правительством. При большевиках вначале он в исполкоме играл большую роль по сельскому хозяйству. Когда мы познакомились в чека, он ненавидел большевиков и не скрывал это и на допросах резко высказывался. Он мне говорил, что при царском правительстве ничего подобного в смысле условий он не видал, как наш подвал и обращение с нами. Во всех тюрьмах, где он был, обращались по-человечески, и обстановка тюрем была для людей, а не для скота. Он бывал в Ясной Поляне и до того был толстовец, что когда спрашивали его мнение о чем-либо, он всегда отвечал: Толстой говорил так и так...

В Пятигорской чека я сблизилась с двумя соседками по полу (ни кроватей, ни стульев не было, мы все лежали головами к стенам, причем ноги vis-a-vis приходились около ваших плеч, что обуславливалось шириной комнаты) Чайковской и забыла имя другой сестры милосердия. Они тоже были арестованы по делу Раи и Души, так как жили на том же дворе, как их Пятигорская бабушка. В Ессентуках в чека я с ужасом говорила Губину, что очень боюсь возможности вшей, и он с хохотом ответил, что не возможно, а наверное будут вши. Недели через три после ареста я их получила и только одна Чайковская от них спаслась, что она приписывала шелковому платку, которым она голову завязывала. На ночь двери были открыты и часовой сидел в дверях. Тут было много лучше в том отношении, что ходили в уборную без часовых: это был навес просторный без всякого удобства. У 2-ой комнаты было окно на улицу, и часовые ходили около него. Мы лежали так вплотную, что если кто из нас проходил, то с трудом можно было идти, не задевая лежащих. Вечером мы очень страдали, видя и слыша разгул и ужасное сквернословие. Иногда и днем я лежала, зажав уши – до того оно было ужасно. Было временами вечером отвратительно пока все не заснут. Из агенток были две солдатки: Попова, служившая в пехоте, ярая коммунистка, и Гапузова – кавалеристка, очень вкрадчивая. Обе днем и ночью ходили в мундире. Потом пришла еще женщина-солдат, по приемам и грубости, настоящий солдат. С ней делались припадки, которые сперва всех пугали, но была такая Маруся, лицом как карлица, которая многих передразнивала, и стала биться в таких же припадках, очень искусно, чем совсем вылечила симулянтку. Эта Маруся со своим любовником (он был поваром в тюрьме), говорили, за-

манивали своих знакомых к себе, убивали и обкрадывали их. Говорили, что на их душе было 6-7 таких убийств. Она была разгульна, весела и кривлялась отвратительно, точно шутиха. Она не стесняясь бранила большевиков и говорила, что добьется того, что ее пошлют в тюрьму, чтобы быть со своим горячо любимым любовником. Впоследствии я с ним познакомилась и поняла отчасти ее чувства. Он был очень лихой, не раз попадался за побег и был добросовестный повар для своих товарищей-арестантов. Они были оба каторжники настоящие. Вечером ее пронзительный голос и кривлянья были жутки. Днем она бывала иногда просто очень смешна. Тут нас кормили скудно. Нас было 50 человек, и половина получала передачу, половина нет, и я в том числе. Нам давали около 8 1/2 ч. кипятка, около 11 по фунту кукурузного хлеба (после уменьшили до 1/2 ф.), и в 1 ч. суп из сушеных овощей с пшеничной крупой. Вот и все. За кипятком и супом мы ходили к мужчинам, и каждая несла свой сосуд с собой. Пока ждешь очереди, можно было переговариваться со знакомыми и мужьями. Я очень ослабела от такого питания, особенно, когда давали 1/2 ф. хлеба и почти не вставала, лежала днем на дворе. Единственным развлечением было смотреть, как молодежь балаганила с часовыми или же приход кого-нибудь нового. Публика часто менялась.

5-го июля вызвали всех в тюрьму по делу Раи и Души и мою дорогую Ольгу Еф. и Миру Павл. Они изо дня в день все были грустнее и Ольга Еф. мне говорила, что ей не сдобровать. Я подарила ей мой золотой медальон с иконой Пресвятой Богородицы, и мы с грустью расстались. Когда их вызвали в тюрьму, они с упреком сказали Рае, что она их погубила. Я в окно смотрела, как их вели и какие они были

удрученные, и не удивительно – в Казанскую их расстреляли – 20 человек, между ними мою бедную Ольгу, Раю, Душу, Миру Павл., другую 70-ти летнюю бабушку, Василия (не помню фамилию), Нестеренко, Прокофия. Мужчин в тюрьме накануне расстрела заставили копать могилы. Мне говорили, что на другой день к Савельеву привели его детей в тюрьму на свидание. Эти удивительные дети остались совсем одни, так как бабушку тоже засадили и 9-тилетняя девочка готовила на себя и братьев, носила передачу отцу и бабушке, и штопала платья им всем. Ранее Ольга и я обещали друг другу, что та из нас, которая выйдет из тюрьмы, возьмет детей к себе, так как она считала, что бабушка к ним равнодушна. Нас одновременно с бабушкой выпустили, но она и слушать не хотела расстаться с внучатами и видно, слава Богу, их любила. Отца и Губина сослали. С Губиным мы раз встретились на улице. Он был очень напуган пережитым и стал много пить.

Однажды привели к нам 2-х сестер, нам они казались очень нарядными. Одна была учительница (кажется Чебес). Они были очень милы со мной, особенно учительница и мы много с ней беседовали. У меня было много приятельниц. Враждебно относящихся было мало. Еще я была близка с двумя очень молоденькими Алей (Ковалевой) и Валею Николаевой. Это последняя была редкой чистоты душевной и кротости. Она была единственная дочь старых родителей. У Али был чудный голос, и она пела в церковном хоре в Минеральных Водах. У нас вообще часто пели, что мы все любили, иногда и плясали, но редко.

Однажды привели к нам одну даму очень неряшливо одетую, стриженную, и с забинтованными ногами, босую. Оказалось, что это Елена Феодоровна

Киндякова. Она выглядела очень больной, еле двигающейся. Она скоро со мной познакомилась, и я ее считала очень больной и одинокой. Мы много с ней беседовали. Она мне рассказала, что муж ее командовал Крымским конвоем, а она сама помещица балтийских провинций и имела чудное куроводство. Муж умер, они были бездетны, и у нее осталась только сестра, живущая в Адлере. К сожалению, фамилию сестры я забыла, а она просила непременно ее разыскать. Ей было 58 лет, но она выглядела старше. Меня поражала необычайная враждебность к ней большевиков, даже среди часовых. Насколько я могла понять, кажется, ее считали агентом контр-разведки. Говорили, что когда был повешен Анжеевский, она пришла с своими двумя шпицами и натравливала их на мертвое тело. Она мне рассказывала часто о своих шпицах. С самого начала она была убеждена, что ее расстреляют, а я не верила этому и успокаивала ее. Однажды, ее позвали на допрос, и она ответила, что слишком больна, чтобы дойти. Комендант сказал: «Пусть кто-нибудь ее ведет». Я вызвалась и мы поплелись под конвоем одного часового. День был палящий. Она еле шла, опираясь на меня, и наконец сказала, что не может и упала на меня. Я сидела на панели, поддерживая ее и думая, что она тут же умрет, взяла ее пульс и очень удивилась, что он ровный и не слабый. Прохожий спросил, что с ней. К моему удивлению она оживленно шепнула: «Что он спросил?», и когда часовой стал торопить, она пошла бодрее. Пока ее допрашивали, я ждала на лестнице и очень удивлялась ее бодрому, иногда веселому разговору и хохоту. Следователь меня позвал вежливо: «Мадам Толстая, отведите Киндякову». Это был один из тех, который меня допрашивал. Она шла обратно скорее и бодрей и после сказал, что у нее спрятано

много серебра у казачки и что если она отдаст его, то ее выпустят. Я ей советовала не беречь его в ущерб своей жизни. По ее же описанию не думаю, что оно было очень драгоценное и не знаю, сказала ли она о нем. Нам раз сказала одна из агенток, что она нарочно ноги бинтует для того, чтобы ноги отекали, а она подсмотрела ночью и никакого отека нет. Я тогда очень негодовала на эти слова, но раз, когда она забыла забинтовать, то увидала, что без бинтов ноги были очень мало отечны. Однажды вызвали ее в тюрьму одну. Несчастная пришла в отчаяние, билась в истерике. Я старалась ее успокоить, говоря, что конвой всего один солдат (это был признак благополучный, но показался один, а когда ее повели их шло 7 человек), но она ничего не хотела слышать. Тогда вышел наш новый комендант-казак, который хорошо к нам всем относился, не то что прежний, и стал на нее кричать: «Замолчи сейчас же, несчастная симулянтка!». Она тотчас замолчала и безмолвно отправилась.

Вообще публика у нас постоянно менялась и больше прибывала. Мы были битком набиты. Однажды я увидала очень знакомое лицо, и мы крепко поцеловались, но я не могла припомнить, кто это. Оказалась милая Лиза Колмакова! Ее из Владикавказа вернули с женихом, не зная, за что их судить. После Ольги очень близка я ни с кем не была, а тут мы поселились рядом на полу. Ее присутствие меня очень утешало. Один раз утром нас всех выгнали во двор и закрыли двери. Оказывается, осматривали все, что у нас было. Затем объявили, что будут «реквизированы золотые кресты и обручальные кольца». Когда я узнала, что отнимут крест, я была почти в отчаянии. Одно было горячее желание – умереть с крестом. Одна еврейка, увидя мое горе, мне сказала: «Спрячь-

те крест» (мы были на дворе и в стене можно бы спрятать). Но как-то у меня вырвалось: «Нет. Если Господь хочет, Он мне его сохранит». Один комиссар снимал в первой комнате, во второй – другой проверял, что снято. У меня кроме золотого креста от моего Иванушки, был еще золотой медальон от Папусы, где икона Спасителя совсем стерлась, и я носила волосы вашего отца, которые отрезала после его смерти. Я их вынула в уверенности, что отберут медальон, и говорю комиссару: «Возьмите себе медальон, только оставьте мне крест моего умершего сына». Он осмотрел крест и медальон и, к моему изумлению, сказал: «Да они не золотые! (а проба была ясная). Можете себе оставить!». Кольца он ковырнул, стараясь снять, но рука так отекала, что не снять, и он сказал проходить. Я сказала второму комиссару, что мне оставлен крест и медальон, потому что они не золотые. Он не стал смотреть даже, а сказал другим: «А вы не завидуйте! Она самая старая и ей и оставили в утешение!». Еще оставили золотой крест и золотые иконки Лизе Колмаковой. Больше никому. Среди молодежи была одна казачка лет 20-ти. В ее подушке, говорили, что нашли зашитые внутри прокламации белых. Оказывается, у них помещались казаки и, уходя, оставили кой-какие вещи и между прочим подушку. Она взяла ее к себе и в чека на ней спала, и вот при осмотре будто бы нашли и она была расстреляна. Как-то раз, принесся суп из мужского отделения, она мне сказала, что подошел к ней высокий мужчина и спросил: «Неужели между вами графиня Мария Николаевна Толстая? Я видел ее, когда их пригнали, и глазам не верил». Она спросила, откуда он меня знает? Он ответил: по Петербургу, но, конечно, себя не назвал. Некоторое время спустя, когда я ходила за едой, подошел ко мне высокий, худоща-

вый, белокурый мужчина с военной выправкой и тихо спросил: «Графиня Толстая?». Я сказала «да» и что его имени не помню. Он молчал, и я спросила, где мы встречались? «Давно, в Петербурге». Я не знаю, кто он, но если я Лизу Колмакову не узнала, то ничего нет удивительного, что не узнала не близкого знакомого. Он верно был расстрелян, так как после не видала его. Часовые были наши друзья и благодетели. Я помню одну мать, часто болевшую и очень тосковавшую по малютке сыну и как, когда ей бывало хуже, один громадный детина часовой ей приносил этого малютку. Большинство нам сочувствовало. Конечно, молодежь «крутила», как они выражались, с ними. Иногда бывало очень смешно. Раз я лежала, глядя на их веселье, как вдруг вижу, один солдат подзывает меня упорно. Подхожу; он спрашивает:

– Как тебе живется? скверно?

У меня был *point d'honneur* никогда не показать, что мне тяжело или страдаю. Я ответила, что живется хорошо.

– Где твои дети?

– Вот это, – говорю, – хуже всего, что около 6-ти недель ничего о них не знаю.

– Я еду завтра в Ессентуки!

– Тогда я вас очень прошу, повидайте их, узнайте, чем они живут и как им.

– А что тебе привезти?

– Рубашку, лучше всего.

– А ты на чем спишь?

– На полу.

– Значит, тебе надо подстилку. А ты очень голодаешь?

– Нет, – говорю, – но если они могут 2 ф. хлеба в неделю посылать, то было бы хорошо.

— Это не нужно, у меня всегда хлеб есть, я тебе буду давать.

Я спросила, откуда он меня знает? Он молчал, но, приглядевшись, мне казалось, что он был из тех, кто пришел ко мне отогреться, и я спросила, не он ли меня тогда арестовал, но он промолчал. На другой день, вижу он спускается с караульного помещения и делает мне знаки в направлении к окну на улицу. Я поняла, что дети там, и пошла. Он провел моих Катю и Павла несколько раз мимо окна, так что мы могли перекинуться кой-какими словами и я видела, как бедный Павлуша запущен, не стрижен, с нарывом на ноге. Такая радость была их повидать. Потом он пришел мне сказать, что они живут тем, что вещи мои продают, и бестолково продают «и когда ты вернешься, ничего уж не найдешь». Потом я узнала, что он к ним приехал рано утром, разбудил и дал Кате денег, чтобы она накупила хлеба, масла, колбасы, накормил их и повез ко мне. Потом, найдя что Павел грязен, отвел его в серный источник и выкупал и этим вылечил от нарыва! Он неоднократно к ним приезжал, чтобы мне давать известия о них. Его звали Костя Белов. Возможно, что это фальшивая фамилия, так как все тогда меняли фамилии. Он был матрос Балтийского флота. Когда он бывал на часах, я была счастлива и мы с ним много говорили или просто молчали дружелюбно. Раз подошел другой матрос и говорит ему с насмешкой: «Ты с ней только говори о божественном». Он спокойно ответил: «Мы о всем говорим». Его звали моим зятем. Он мне часто хлеб посылал, когда наши ходили в казармы полы мыть. Так как мы сидели без дела, то мытье полов было спортом. У нас было очень чисто, пол мыли утром и вечером. Я в казармы не ходила мыть полы, потому что была самая старая и мои товарки не да-

вали мне, жалея. Вообще я сохранила самые лучшие воспоминания о нашей дружной жизни. Мы все делили, все переживая, все горести и тревоги. Конечно, были недоброжелатели, но это как-то к нам не прикасалось.

Среди большевиков в конце июля была паника прихода белых и из соседних к чека казарм, ночью, бежали все солдаты. В ту же ночь к нам вошли человека 3-4 неизвестных и очень дружелюбно с нами говорили, ужасаясь нашей обстановке ночной и тесноте. Мы были полны надежд на приход белых. Часовые в то время сидели неопределенное количество часов. Они были плохо одеты и очень часто босые. У нас было очень душно ночью, и мне не препятствовали сидеть ночью во дворе, что я очень любила. Вот раз сижу, сменяют часового, и новый говорит разводящему: «Смотри, принеси мне сапоги и шинель, а то я тебе говорю, что убегу. Я устал и холодно». Тот обещает и уходит, а часовой и я знаем, что ничего не принесет. Мы разговорились, он был почти мальчик, гимназист, армянин. Он мне сказал, что в карауле уже 18-ть часов, не сменяясь, и устал ужасно. Я ему предложила надеть мой бухарский халат (подстилка привезенная Костей) и поспать, и когда будет проверка караула через три часа, я его разбужу. Он был очень благодарен, надел халат, положил рядом ружье и заснул. Как только раздалась сверху шаги разводящего, я его разбудила, он взял ружье, караульный проверил и ушел. Я предложила ему еще заснуть до следующей проверки, и таким образом он несколько отдохнул. Раз Костя зашел и сказал мне, что на другой день Павлуша приедет. Для свиданья с близкими лучший способ был идти пол мыть в казармы, так как часовые давали им возможность всю дорогу разговаривать со своими узниками. Вот я и

попросилась идти пол мыть. Товарка поставила условием, что я буду лишь подметать. Мы выступили, четыре женщины, на несколько часов. Это было наслаждение пройтись наконец опять. Часовые по дороге угощали помидорами и яблоками, и родные всю дорогу сопровождали. Только Павлуши не было. Публика всегда сочувствовала заключенным по всему пути. Казармы были на краю города и прогулка была порядочная. Это была казарма Кости. Там мне дали веник и я стала мести казармы, как вдруг солдат с негодованием на меня крикнул: «Да ты, видно, и мести не умеешь!». Вырвал было веник и сказал: «Прогнать эту старуху и больше ее не пускать». Я ушла наверх, где беспрепятственно вымела комнату. По пути встретила Костю и сказала, как меня выгнали, на что, глядя на веник, он заметил, что таким кривобоким веником никто не сумеет хорошо мести и позвал меня к себе пить чай с сахаром (тогда было лакомство) и хлебом. Но меня повели чистить отхожее место. Я думаю, что они хотели меня этим унижить, потому что меня одну повели туда и дали лопату. Я работала около часу и, не зная собственно как действовать (это был загаженный пол), прорыла ручеек для стока и, видно, их удовлетворила, так как меня отпустили к Косте. Пока я работала, он стоял около меня и когда мы остались одни, то сказал мне, что решил вернуться к своему отцу в Сибирь, так как видеть не может то, что делается. «И тебе советую, поезжай туда, там люди добрее». Он меня повел в свое помещение и напоил чаем с сахаром и хлебом, и мы с его товарищем весело поболтали, пока нас не отвели обратно в чека. Это, помнится, было наше последнее свиданье с Костей. Я ему подарила на память серебряную цепочку с креста.

Привели в чека «Варьку», которая предала Ольгу Савельевну. Она была на особом положении: посы-

лала часовых по поручениям покупать еду (значит, ей деньги оставили), ходила к коменданту. Все ее ненавидели, гнушались и издевались над ней. Она точно привыкла к такому обращению. Зная, что она столько погубила, я невольно сторонилась ее, хотя она часто со мной заговаривала, но было жутко видеть такое молодое существо, в которой никакой искупающей черты не было заметно. Ей было безразлично такое презрительное, всеобщее отношение. Как она дошла до такого совершенства зла в такие молодые годы – не понимаю. Она часто переодевалась и на ней узнавали платья преданных ею и расстрелянных, и ей это говорили, и она ничуть не смущалась.

Помню, какая для меня была радость долетающий до нас звон церковных колоколов; как я поняла слово «благовесть». Мы узнали, что в храмовой праздник св. Пантелеймона дорогой отец Кормилин служил молебен о всех нас заключенных. Как эта весть нас обрадовала.

(Продолжение следует)

КОЛЮЧКИ*

Я купил билет и доехал благополучно до Удине. По дороге наблюдал следы недавней войны. По каким-то мостам поезд двигался черепашьям ходом, еле-еле, и у меня было ощущение, что мы свалимся вниз. Ошарашивающее впечатление на станциях производили паровозы брошенные друг на друга... один прямо сидел верхом на другом. Можно было вообразить, что тут творилось во время бомбежки!

В Удине я не стал более искать никакого транспорта. По прошлому опыту я знал, что это безнадежно. Я принялся за старое, за хождение по «волчьим тропам» – способ не совсем удобный, скорее медленный, чем скорый, но где я ни от кого не зависел и был сам себе хозяин. Кое-какую провизию я смог теперь купить в Удине. «Меццо-сопрано... меццо-кило...» и пол кило хлеба лезет в сумку... Я же говорил, что идея музыкального побега мне понравилась с самого начала!...

На починенных ногах и в удобных ботинках я быстро добрался до поселка Толмеццо, а оттуда шла дорога вдоль узкой долины прямо на север к границе Австрии. Вот тут совсем недалеко от Толмеццо я и встретил ее, эту собаку...

* * *

Дорога на север шла посередине между двумя

---

* Продолжение – Начало см. «Р.В.» № 34, 36.

хребтами. Склоны поросли соснами, сперва редкими, которые, чем выше, становились гуще и гуще, и потом обрывались совсем, оканчиваясь голой верхушкой. С двух сторон дороги по бокам узкие поля кукурузы, в это время года уже сжатой – одни торчки остались. У самой подошвы горы, сразу там, где кончалось кукурузное поле, были кустарники, местами густые, настоящие заросли.

Толмещо я прошел с невинным видом и никто на меня не обратил внимания. Отошел от поселка по дороге километра полтора, два, и решил, что безопасности ради пора уже поддаться ближе к соснам и, поднявшись немного по склону, пойти дальше под их прикрытием.

Я перешел поле среди торчков, миновал кустарники, обратив вскользь внимание, что между кустами и самым началом склона шла тропинка, и стал подниматься. Сосны дружеской толпой двинулись мне навстречу. Но... о, это было лишь одно мгновение... но из-за дерева немного повыше высунулась голова человека и тут же спряталась. Ходить «волчьими тропами» влечет за собой одно последствие: всякое ненормальное явление вызывает мгновенную и совершенно нормальную для «волка» реакцию – «Берегись!..» Выглянувшая из-за сосны голова могла быть явлением нормальным, но то, что она спряталась!.. «Берегись!!!» отозвалось в моей волчьей душе...

Такая мгновенная реакция вызывает еще более мгновенное действие... Я повернул налево, к северу, косяком спустился к тропинке, что была внизу, и пошел по ней – справа гора, слева кусты... Через очень короткое время – может быть я прошел шагов сто-двести – я исподтишка, так как это делают волки во всем мире, оглянулся... «Голова» стояла на тро-

пинке и смотрела мне вслед... Я пошел дальше, стараясь не торопиться... Следит-ли он за мной, или это лишь случайность?...

Тропинка делает легкий поворот, и «голова» делает тактическую ошибку – она, то-есть голова на туловище человека, не соображает, что на охоте за волком упускать его из виду нельзя ни под каким видом. Он упускает меня... секунда, и я глубоко в зарослях притаившись... Положение улучшается в мою пользу, теперь я буду знать, за мной он или не за мной, а он будет недоумевать, куда я пропал... Может быть я спрятался, а может быть и нет... И, если спрятался, то где именно?...

Несколько минут проходит... Я не двигаюсь. Только легкий ветерок чуть шевелит листиками по верхам кустов. В сторону тропинки кусты такие густые, что мне сквозь них ничего не видно. В сторону же поля – маленький просвет и там еще светит послеобеденное солнце. В моих кустах уже сумерки... Я почти что не дышу...

Шаги!.. Шаги на тропинке... Ближе, еще ближе... Остановятся или нет?... Сейчас буду знать... Шаги останавливаются...

Значит он – обладатель головы – хотя и упустил меня, все же соображает, что, раз меня на тропинке не видно, то я должен быть где-то тут. Он ведь потерял меня из виду в общем не надолго.

Я лежу в моей полутемноте. Он стоит или сидит там на тропе, где еще светло. Мне кажется я слышу его дыхание... Это длится довольно долго.

Потом, не знаю спустя сколько времени, я слышу вдруг разговор, и как будто лошадь фыркнула два раза... Значит теперь их там несколько, по меньшей мере двое... Не двигаюсь, слушаю и не понимаю, о чем они говорят... Вероятно обо мне...

Потом как будто все затихло. Я чувствую, что постепенно тупею и начинаю цепенеть от неподвижности... Только лошадь фыркает иногда...

Через еще какое-то время – полчаса, час? – опять разговор... На этот раз я понимаю, понимаю только два слова, но они звучат зловеще для меня, эти два слова... «Карабиньеро... мотоциклето...» Значит это правда... Значит «он», «они» за мной... Сомневаться больше нельзя и сейчас будут карабиньеры на мотоциклете... С перьями на шляпах...

Лежу тихо, лежу не дыша или почти что... Мелькает мысль – а почему они не стараются найти меня в кустах, почему только стоят там?... Отвечаю сам себе – да потому что они-то думают, что у меня быть может оружие, и что я из своих кустов подстрелю их, даже прежде, чем они меня увидят... Подстрелю, как куропаток... Лежу. Тихо. Ветерок шелестит листьями, что-то шепчет там наверху...

Со стороны дороги, что посередине долины, звук мотоцикла. Он останавливается, и потом долгий темпераментный горячий итальянский разговор... Мотоцикл тарыхтит слегка на холостом ходу... Мне становится холодно...

Мотоцикл дает газ и уезжает... Вероятно карабиньеры не поверили «ему» или «им»... А может тоже подумали, а ну как у него там револьвер... жизнь-то ведь одна. Может этим все и кончится? Лежу, пока суд да дело. Мне становится теплее.

Нет, не кончилось... «Он» по крайней мере тут. Разговора нет, но я слышу, как он топчется там... И лошадь, кажется, сопит... Лежу, и временами впадаю в забытие...

Вздрыгнул от неожиданности и сразу очнулся... Шаги, шаги опять, явные шаги... но не на тропинке, а со стороны поля, там, где торчит кукуруза своими

культяпками... И в просвет, между ветками и листьями — я не видел человека... — я явственно увидел, как мимо проплыл рыжий хвост большой собаки... Немецкая овчарка похоже... Плохо... ищут с собакой... очень плохо...

Но почему собака прошла мимо и не учуяла меня? Вероятно потому, объясняю себе, что ветерок хоть и легкий, но с поля, и я у нее «под ветром»... Да, кроме того, если это немецкая овчарка действительно, то у них, как я помню, только нижнее чутье, а я в этом месте по полю не ходил и, значит, и следов не оставил... Но, плохо, плохо... Если собака ищет, то в конце концов... И скажет, так сладко чуть дыша... «Ага... попался голубчик!...» И бросится, бросится, бросится... И будет, как все немецкие овчарки, искать горло... горло... горло... Я, кажется, заснул от несладких дум.

Потом, я знаю, была ночь... Я все лежал там... Ветки и сухие сучья впивались в бока... Потом я опять спал... Но и во сне мне слышалось, как сопит и фыркает лошадь... Значит, «он» еще там, на тропинке, со своей лошадейю... Она, вероятно, сладко жует траву... Я спал опять... может быть и не спал... просто затих без дум и сновидений... Тело было тут, а душа бродила где-то, по каким-то далям...

Я пришел в себя. Светало.

С рассветом вернулась и известная ясность сознания. Прислушался. Все тихо. Даже ветерка больше нет... и лошади не слышно. «Ну, — думаю, — чепуха... 'Они' давно ушли... Я просто напуган слишком и усталость сказала... Не сидеть же мне в этих кустах до бесконечности... Никого нет... надо идти...»

Продираясь сквозь ветки, стал вылезать из кустов в сторону поля. Почти уже вылез, наполовину по крайней мере, ноги во всяком случае... Поднял

глаза... Она стояла передо мной, большая немецкая овчарка с рыжим хвостом, и верхняя губа ее дрожала над оскаленными зубами... Несколько мгновений мы смотрели в упор друг на друга... Мелькала судорожная мысль: «...если она меня за горло... и я ее за горло... руками... буду душить...»

Еще секунда... Она вдруг подскочила бочком, бросилась в сторону и... убежала... Я?... Я бросился обратно в кусты...

Ищут... Значит ищут!.. Собака побежала за хозяином, за «ним»... Сейчас найдут... и все...

Минуты бежали. Никого. Никто не идет за мной. Четверть часа, двадцать минут. Никого...

Привиделось ли мне это все, что-ли?... Игра расстроенных нервов?... Результат сидения в кустах?... Была не была... пойду... надо!

Решительно вылезаю из кустов, даже без особых предосторожностей... Никого, никого кругом... Бодро перехожу поле... Вот уже почти на дороге, где вчера стучал мотоцикл... Несколько шагов останется... Что-то толкнуло меня сзади в левую икру... Обращиваюсь... Она... собака... идет сзади по пятам и нюхает мою ногу... Мне не оставалось ничего другого, как продолжать идти... Она проводила меня те несколько шагов, что мне оставалось сделать до дороги... потом как будто чихнула и побежала назад...

Что это? Что это может быть? Как объяснить? Как объяснить, что она не бросилась на меня, на бродягу, оборванного, давно немытого, вероятно вонючего?... Разве собаки так поступают?... Или она была тоже бездомной бродягой, быть может затравленной, как я, и почуяла, поняла, что я свой?... Или... или в ее облике был снова тот, чьи крылья шуршали во время моего пути?

Дальше я пошел по дороге. Повидимому так безопаснее, чем скрываться в лесу, или в зарослях. И гораздо скорее. И сосны издали качали мне своими ветвями, поощряя...

Я шел весь день. И все думал о собаке, и все более удивлялся, и удивлялся еще более, и удивляюсь еще и сегодня...

К вечеру я был в голове долины, и только тогда стал подниматься наверх по склону, наверх, где по хребту шел ряд белых столбиков, граница... Ряд белых столбиков, а за ними Австрия, на северном склоне... Там свои, семья, друзья, наши...

Чем выше я поднимался, тем более доносились ко мне снизу, с юга, все пряные запахи Италии... Кто этого не испытал, все равно не поймет... Кто испытал, тому не надо объяснять... Музыка и ароматы... Италия!

Когда солнце закатилось за горизонт, или за то, что в горах служит вместо горизонта, вдруг похолодало. Набежали тучки и нависли близко над головой. Все же, когда я поднялся наверх, в последнюю минуту, в остатках света, в расстоянии двух-трех километров, я увидел ее... границу, черда белых столбиков. Я был почти у цели.

Почти, потому что тут же тяжелая пелена сорвавшегося дождя застлала и столбики, и все, что было кругом. Все потонуло в водяной мгле. И сразу наступила ночь...

Идти дальше в темноте и без дороги значило наверняка сломать себе ногу, если не шею, и ни то и ни другое не было в моих планах. Во мгле разглядел жалкую низкую корявую сосенку, какие бывают в горах. На ее ветки я набросил свой кусок одеяла и

сел под ним. Дождусь света и тогда пойду дальше...

Сначала было не очень плохо. Одеяло, хотя и относительно только, но все же предохраняло. Потом вода стала скапливаться в нем, оно все более и более набухало, намокало... и холодные струи потекли по голове, по шее, по спине... Я сжался в плотный комочек... Ждал рассвета, ждал его страстно, но рассвета не было...

Мысли побежали, как струи дождя, по спине, судорожные, холодные...

— Почему я здесь?... Зачем я здесь?... в чужой стране, на чужой горе, под чужим назойливым дождем?... Зачем, зачем?...

* * *

Лагерь... репатриационные комиссии... Их было две больших, когда происходили отправки на родину, и несколько маленьких, когда домучивали тех, кто смог отбиться и не хотел возвращаться...

В целях репатриации нашу группу — человек около шестиста — из смешанного лагеря перевели в специальный лагерь, где нас разместили комфортабельно в новеньких палатках и кормили на убой. На убой!.. очень подходящее выражение для репатриаций в советском стиле... Иногда по утрам через наш лагерь проводили куда-то на работы небольшие отделения немецких военнопленных... Наши встречали их возгласами: «У-у, гады!...», но вечером, пользуясь тем, что английский конвой смотрел на это сквозь пальцы, зазывали в кухонную палатку и подкармливали гадов... Наш народ далек от того, чтобы быть лучшим в мире, но по крайней мере он самый странный...

Маленькие комиссии носили скорее траги-комический характер... Из шестиста нас осталось человек

тридцать-сорок упрямцев, которые решительно отказались от «добровольного» возвращения на родину. Мы были переведены обратно в смешанный лагерь, на голодный паек...

Одна из комиссий... Мы стоим в строю, товарищ лейтенантик из войск НКВД говорит горячую патристическую речь...

— Товарищи!... Родина вас ждет!... Родные поля, села, луга... наше родное небо... Почему вы здесь?... Чего вы хотите?... Что вам тут делать?... Как настоящие русские люди вы должны ехать домой... это ваш святой долг... Родина, как любящая мать, простирает к вам свои руки!...

Когда в порыве патристических чувств, он делает паузу, я говорю:

— Товарищ лейтенант... согласно Карлу Марксу у пролетариев родины нет...

Лейтенант выпучивает глаза...

— Что?... Что?... Как?... Какой дурак тебе это сказал?!...

Роман, который стоит рядом со мной:

— Стыдно, стыдно, товарищ лейтенант, Карла Маркса не читать...

Другая комиссия, другой лейтенант... Тоже речь, тоже патристическая, чуть в другом стиле...

— А почему вы не уехали с другими?... Вы больные, что-ли?... Вы должны ехать домой... добровольно... А не поедете... так все равно увезем...

Кто-то из наших рядов, худенький, тощий с слегка скрипучим голосом от постоянного недоедания:

— Да ты чего нас пугаешь?... Ты бы и сам не поехал, если бы мог!...

Товарищ лейтенант подсакивает, как ужаленный, и подбегает к английскому офицеру, который назначен следить за порядком. Это капитан так на-

зываемых палестинских батальонов Леви. Он говорит по-русски, как русский.

– Господин капитан!.. – визжит лейтенант в истерике. – Меня тут оскорбляют... Вот этот там...

– Сейчас приму меры, – отвечает Леви, и подзывая сержанта, громко приказывает арестовать и отправить в штрафной лагерь провинившегося, и что-то добавляет шопотком, чего мы не разобрали.

Парня уводят под конвоем. Мы сумрачно смотрим ему вслед. Бедный, бедный... пострадал за откровенность... штрафной лагерь... мы слышали о нем кое-что... не подарочек...

Через две недели парень возвращается... пополневший, отдохнувший, нагруженный английскими сигаретами, которыми он тут же и угощает... Мы просто не можем глазам поверить...

– Капитан Леви, – объясняет он, – значит так приказал, что бы я, значит, там работал на кухне чуток, а чтобы меня побольше кормили... Жаль, что приходится возвращаться... Курите братцы...

Был еще полковник один. Уговаривал мягко, предлагал задавать вопросы, отвечал толково.

– Товарищ полковник, – голос из наших рядов, – разрешите вопросик задать...

– Пожалуйста голубчик, я ведь тут для этого...

– Товарищ полковник, вот не пойму я никак... Раньше за погоны, можно сказать, вешали... а теперь, вот вижу, вы в погончиках... Как же?...

– Дорогой мой, – мяукает полковник в ответ, – у нас теперь все лучше стало...

– А раньше, значит, плохо было?...

– Да нет... – не смущается полковник, – и раньше хорошо было, а только теперь еще лучше... Верьте мне... Вот поедете сами и увидите...

– Товарищ полковник, – говорит тот же голос,

– вот еще хочу спросить...

– Да, дорогой... пожалуйста... говорите, не стесняйтесь... Чем больше будете спрашивать, тем лучше... Я очень рад, что такой у вас интерес...

– Вот непонятно тоже... Раньше в церковь ходить нельзя было... По головке за это не гладили... в классовые враги попадешь того и гляди... А вот теперь говорят... ходи себе сколько хочешь... никто мешать не будет...

– Так, милый мой, мы же увидели, что без Бога нельзя войну выиграть...

И в том же духе дальше. Уговорил-ли кого-нибудь, не помню. Штучка этот полковник.

* * *

Я помню... В специальном лагере, до отправки... Каким-то образом случилось, что я жил в одной палатке с десятью таджиками. С самого начала они сказали мне:

– Ты у нас за старшего будешь...

– Нет, не буду, – ответил я. – Вас большинство, выберите от себя, кого хотите, я буду слушаться...

– Нэт... нэ хотым... Ты старшой будешь...

– Но зачем же? – протестовал я.

– Порадок будет!..

Вот так история!... Не ожидал никак... И стал я у них старшой, и, должен сказать, что мои обязанности оказались самыми легкими... Более дисциплинированных и милых людей я редко встречал.

Один из них – кажется самый молодой – был и поэтом и композитором одновременно. Он все время сочинял все новые и новые произведения и хотел, чтобы я их слушал... Он мне их пел... Я слов, конечно, не понимал, но музыка... Я в Азии никогда

не бывал, но я понял ее через музыку... его музыку... Вся в восточных перепевах, в ней весь простор, в ней и тоска и редкая радость, в ней вся суровость природы, с жарой, с холодом, с ветром... В ней блеяние овец и запах пилава... Она такая удивительная – эта музыка, что мне казалось, что не понимая слов, я понимал слова...

Мы жили в общем в безделии. Ждали комиссии, после которой, говорили, что будет «добровольная» отправка домой. Ждали с некоторым страхом, с вопросом в душе, что будет и как, но так как сделать ничего по существу не могли, то ждали с покорностью и инертно. Как стадо баранов...

От безделия и для того, чтобы не слишком думать, я раздобыл в штабной палатке, куда, тоже от безделия, устроился Роман, бумаги и набрасывал кое-что – пытался набросать настоящее и прошлое и втихомолку мечтал о будущем.

Из полутемной глубины палатки голос:

– Старык!..

Ему года двадцать два, мне сорок, я, конечно, для него старик. Это он меня зовет.

– Старык!... Что пынешь?...

Отвечаю ему под стиль:

– Книга пышу... большой книга... понымаешь?...

– А-а-а... Ну, пыши... пыши...

Через некоторое время я задумался, ища «вдохновения», бумага опустилась на колени, смотрел на небо без единого облачка.

– Старык!...

– Да?

– Почему нэ пынешь?...

– Думаю...

– А-а-а... – и после короткой паузы, – пыши,

нэ думай! . . .

Ждали комиссии. Но когда ее можно было ожидать, не знали даже и охранявшие нас англичане. Жили. Жили дружно.

Но, наконец, наступили сроки. Надо сказать, что первая комиссия провалилась и никаких результатов не дала и никого не отправили. Причина, в основном, была в том, что английский капитан, тоже из палестинских батальонов, уж очень был груб. Кто-то наверху узнал, кому-то это не понравилось, и назначили вторую комиссию под председательством Леви. Настало время «невозвращенцам» сказать открыто при всех, что мы не едем. Это было не так легко – угроза стать в глазах держав победительниц, включая Советский Союз, изменниками, нацистами, фашистами и просто преступным элементом была слишком реальна. А кроме того . . . это, конечно странно и мало понятно . . ., но отказаться раз и навсегда от возможности попасть домой, порвать с родиной окончательно, это чувство не помогало . . . Мы, остающиеся, каким-то странным совершенно иррациональным образом завидовали тем, кто возвращается . . . Несмотря на всю холодность логики, на все рассуждения здравого ума . . . И все же, наша маленькая кучка неисправимых отказалась, под улюлюканье толпы наших вчерашних друзей возвращенцев . . . Леви нам очень помог . . .

На сердце было так тяжело, как давно не было . . .

Когда комиссия кончилась, мы вновь стали друзьями . . . А улюлюканье – ну это своего рода страховка, выработанная советской практикой, так же как и крики «ура» и горячие приветствия «великим вождям» . . . Когда вождей поблизости нет, то мы снова люди . . .

Вечером этого дня я пришел в палатку к своим

таджикам... В ней было необычайно тихо... Горела свеча посередине, они сидели вокруг кружочком...

– Садись к нам...

Я подсел. Молчание, вздохи... Потом один из них сказал:

– Вот думаем... Ему, – он показал пальцем на одного, – может только три года дадут... Молодой еще... А вот ему, – опять ткнул пальцем, – наверно семь дадут... А мне десять...

Я не выдержал, взорвался...

– Ну зачем вам ехать!... Зачем считать, сколько кто получит... Оставайтесь!...

Я говорил долго, горячился, доказывал, болел вместе с ними... Они слушали внимательно, не перебивая, иногда нагибали головы в знак согласия... Когда я кончил, воцарилась вновь тишина... Вздох... Потом:

– Все равно увезут...

Ну, что мне было делать с ними?... Что?... Я больше не говорил, опустил вместе с ними голову... Молчали вместе и плакали вместе, роняя горькие тихие слезы на песок палатки... Их увезли на следующее утро...

Какой же человеко-ненавистнической должна быть эта система, напитанная идеями немецкого еврея Карла Маркса, и осуществленная бреднями прогрессивного паралитика Ленина, чтобы таких людей, милых, послушливых, добрых, наивных людей, напугать так, что они покорно добровольно ехали на каторгу, если не на верную смерть, и только в своей доброте и наивности своей чистой души думали о том, кто получит семь, а кто только десять лет!... Какими извергами надо быть!... Для чего?... Для статистики?... Чтобы показать Западу, что все «сознательные» советские люди добровольно и с благодар-

ностью возвращены на родину... и что только жалкая кучка отъявленных изменников и мерзавцев, вроде нас оставшихся, вроде меня самого, не поехали в советский рай... Какой дьявольской силой они обладают?...

Когда окончательно выяснилось, что нас «мерзавцев» не увезут, мы пошли к капитану Леви поблагодарить его за его посильную помощь.

— Ах, господа, господа... — сказал он, — меня не надо благодарить, я ничего не сделал... По службе, я должен вам говорить, что вам лучше ехать домой... Что с вами будет дальше, я не знаю. Куда вас отправят отсюда и когда — я тоже не знаю...

Кто-то из нас сказал:

— Эх, господин капитан... Мы не боимся, лучше к черту на кулички, только подальше от большевиков...

— Дорогой мой, — ответил Леви, — когда мы уезжали в двадцатом году из Батума, были кулички... Теперь куличек больше нет...

* * *

Холодные струи текут по шее, по спине... Больше нет сил это выдержать... Холодно, смертельно холодно... Но я понял, зачем я здесь... Это цена моей свободы... Мои кулички... Чтобы не забыть ни на одно мгновение того, что было... Что было? ... Много чего...

Россия... Минск... Слуцк... «Культуртрегеры» несут культуру, вешая на придорожных столбах... Связь с партизанами... Под занавес, я с отрядом был откомандирован от Власовской армии для связи с Сербским добровольческим корпусом в его борьбе против Тито. Вскоре Власовская армия была выдана союзниками на растерзание, Сербский корпус расстре-

лян титовцами... В результате плен в Италии... Но цель не погибла... Я тут под сосной, под дождем для того, чтобы продолжать... любой ценой... Но если ничего другого не останется, если ничего другого не будет, то никто не сможет отнять у меня права непримиримости к этой дьявольской власти, и права отмщения за всех покорных, забитых, затравленных... И за моих таджиков... Их образ навсегда со мной...

Есть слова, заученные еще со школьной скамьи на уроках Закона Божия...

«Вы отца вашего дїавола есте, и похоти отца вашего хотите творити: онъ челоувѣкоубійца бѣ искони и ко истинѣ не стоитъ, яко нѣсть истины въ немъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ лжи:» (Иоан. 8, 44).

Эти слова Христа, сказанные фарисеям и книжникам в Иерусалиме, разве нельзя теперь отнести к современным фарисеям в Москве?... Вы отца вашего дьявола есте... дьявола... дьявола...

Какой дьявольский холод!... Голова совсем заостенела... Мерещатся какие-то видения... колючки... английские сержанты... карабиньеры... лошади... мотоциклы... собачьи зубы... и опять колючки, колючки без конца... В какие-то минуты я соображал, что мой конец не так далек... Ну и пускай... пускай конец... только бы не этот холод... Собачьи зубы... колючки, колючки... и дьявольские рога... дьяволы... дьяволы...

И вдруг стало тепло, блаженно тепло... Нет больше холодных струек по спине, нет и теплых, вообще больше струек нет... Ах, как хорошо, теперь

бы заснуть немного... Невероятным усилием я встряхнулся... Как будто кто другой встряхнул меня... Ибо я понял, что замерзаю...

Раскрыл глаза. Все тот же дождь, но как будто стал менее плотным, более призрачным... Светает. Сквозь прозрачно-серенькую пелену я снова вижу столбики на границе, там, где я их вчера оставил. Я встал. Огляделся. Рассвет, слава Богу, рассвет...

Я выжал, сколько мог, воду из одеяла, набросил его на плечи – все же это лучше, чем одна рубашка... И пошел туда к столбикам... Рассветало все больше, и в моей душе был тоже рассвет...

* * *

Австрия... Северный склон суровых сумрачных елей. Граница позади, где-то там наверху. Если там и была где-то охрана, то они меня не заметили – кому хочется быть особенно бдительным в такую погоду?... Только одни волки-бродяги слоняются по горным тропам...

Дождя нет – он превратился в снег. Холодными мокрыми тяжелыми хлопьями он ложится на плечи, на голову, на спину. Опять холодно, опять мерзну, несмотря на ходьбу... Руки закаченели, пальцы еле держат одеяло, чтобы оно не упало на землю. Я знаю, что я буду не в силах его поднять. Усталость предельная. Хоть бы какой-нибудь домик подвернулся, хоть бы согреться чуть-чуть...

Выхожу на лужайку... Два дома – я просто не верю своему счастью!...

Подхожу к первому... Дверь полуоткрыта, толкаю ее и вижу кухню, какие бывают в деревенских домах в Австрии... Пусто, никого нет, печь не горит...

Поворачиваюсь ко второму дому. Он побольше

размером, и из его трубы поднимается, путаясь со снегом, дымок... Бреду к нему, и при каждом шаге в ушах отдается: «Берегись... берегись... берегись...» Как набат, как к пожару звонили в старое время... Все мое существо противится этому, не хочется верить, слушать...

«Берегись... берегись... берегись...» Меня так тянет к дымку, к теплему... «Берегись...» С отчаянием поворачиваюсь к пустому холодному дому... Вхожу в кухню... Дальше еще дверь внутрь... Открываю ее... На меня смотрят лица, целое море лиц в ушанках и шинелях...

Как из тумана кто-то говорит по-русски:

– Ложись... Рассказывать потом будешь...

Я ложусь на нары... Меня раздевают и покрывают грудой шинелей... Я понимаю – это наши на лесозаготовках... Надо мной шелест знакомых крыльев... От них веет теплом...

Позже мне рассказали, что из того дома, другого, откуда шел манящий дым, австрийцы за денежную премию выдавали властям таких беглецов, как я.

* * *

В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть...

В те минуты, когда кажется, что жить в окружающем нас мире становится все труднее и труднее, когда, несмотря на оптимизм, который, в общем, свойствен Сю и мне, на сердце начинает щемить грусть, я часто вспоминаю об этих колючках и о том, что с ними было связано, и люблю и Сю рассказывать про них.

В моем лишь очень маленьком опыте, – а порой

удивляешься и поражаешься, сколько другим людям пришлось на их веку пережить и выдержать, – в моем микроскопическом опыте проявилась еще раз уже давно известная аксиома, что нет, или почти нет, безвыходных положений. Чтобы преодолеть надо уметь терпеть, нужно упрямство и упорство, нужна вера в свои силы и в свою правоту, и еще что-то невесомое, неуловимое... Удача?... Везение?... Может быть, конечно, вероятно... Но и еще что-то, что где-то выше, дальше, далеко, далеко... вне всех наших земных и часто жалких планов...

Колючки стали для меня некоторого рода символом и лекарством одновременно. Если в данную минуту трудно... вспомни о них! Тогда ведь тоже не сладко было, поэтому не жалуйся и не скули сейчас. Тогда выкрутился, и сейчас выкрутимся... И это помогает. И Сю улыбается на эту мою деревенскую философию. И Алабамское солнце того и гляди проглянет вновь сквозь дождь и мглу...

Не так-ли и в большом масштабе? Мир сейчас окутан терниями, окружил сам себя колючей проволокой. В этой паутине, в атмосфере наполненной миазмами взаимного недоверия, радиоактивного распада и морального разложения, под аккомпанемент террористических взрывов, – патентованные миротворцы говорят о мире, но в мир не верят, декламируют о правах человека, но с правами считаются лишь постольку, поскольку и когда это выгодно, войны боятся, но оружием бряцают и вооружаются до зубов... Холодная война на верхах, а горячая на низах, где сводят свои счета и сильные мира сего и мелкая сошка, которым бросается оружие с барского стола...

Естественно, что в этой обстановке путь русской

эмиграции к России труден, тяжел и, подчас, выглядит безысходным.

Я знаю, дорогой читатель, что я вам сильно надоел. Но если вы согласитесь уделить мне еще минутку, то хотелось бы на прощание сказать следующее:

Наш путь тяжел, это бесспорно. Часто мы сами его делаем еще более тяжелым. Но, если забыть непонимание, прямую ложь, цинизм и жадность нас часто окружающие, если забыть наши собственные неурядицы, ломание копий, а подчас, и клевету друг на друга, а вместо этого подать дружескую руку и перекинуться ласковым и мужественным словом, если сжать зубы и упорно, упрямо продираться сквозь тернии и проволоку и что еще будет на нашем пути . . . первая колючка, н-ная колючка, последняя колючка . . . то мы дойдем, доползем до тебя, Россия!

И еще одно. «Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог!» Надо любить и верить.

Верить и знать, что любовь, а не убийство, торжествует в конечном итоге. Верить в это не в теории, не из книг и лекций, не из блеска католицизма и не из ученой проповеди протестантского проповедника, а верить по-детски, бесхитростно, помня, что детская вера есть путь в Царство Небесное. Верить, и знать, и чувствовать, что в каждом ничтожном зеленом листке самого жалкого деревца живет сила огромной мощи, необозримо высокая, непреодолимо победная, умом неохватная . . . Как сказал Державин:

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет,
Хотя и может ум высокий . . .
Тебе числа и меры нет!

И тогда, если будем верить так, если возлюбим Бога, вместо безверия, а вместо убийства возлюбим ближнего своего, тогда услышим мы на нашем трудном пути шелест незримых крыльев... И взойдет солнце... И будет рассвет... И благовест...

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Делаем наборы текстов на английском, русском (по новой и старой орфографии), церковно-славянском языках на электронной машине Мергенталер.

MULTILINGUAL TYPESETTING

56 Rockland Lake Park

Valley Cottage, N.Y. 10989

Tel. (914) 268-3782

Tatiana A. Rodzianko, Ph.D., Owner

Прот. С. Булгаков

ПРАВОСЛАВИЕ И ГОСУДАРСТВО*

Церковь находилась в различном отношении к государству в разные времена своего существования. Первенствующая Церковь первоначально относится к языческому государству, как к зверю, имеющему диадему с надписанными на ней именами богохульными. Это царство зверя ведет войну со святыми и гонит Церковь. Отношение к этому царству остается непримиримым и эсхатологическим: «преходит образ мира сего», и скоро всему конец. Однако и этот эсхатологизм и эта непримиримость соединяются с принятием государства в плане истории, поскольку есть история. Этот переход от эсхатологизма к историзму (которые могут внутренне и совмещаться) намечается в посланиях ап. Павла, в особенности в 13 гл. послания к Римлянам, где пред лицом Нероновой империи провозглашен принцип: «нести власть, аще не от Бога» и признано положительное значение

---

* По просьбе корреспондентов нашего журнала, проживающих в России, мы перепечатываем эту главу из книги о. Сергия Булгакова «Православие». Вопрос православия и государства, православия и других сторон жизни, рассматриваемые не в поспешности сегодняшнего дня, а рассматриваемые в свете непреходящей правды православного догматического и канонического сознания более, чем драгоценны в наше время.

Печатается с небольшими сокращениями.

государства в исторических путях Царствия Божия. Это соответствует и общему как ветхозаветному, пророческому, так и новозаветному воззрению, что пути Царствия Божия включают в себя и судьбы языческого мира и естественные силы, действующие в истории, в частности и государство. Однако отношение Церкви к государству остается часто внешним до тех пор, пока государственная власть является языческою. Когда же она подклоняется под сень креста в лице императора Константина, положение изменяется в том смысле, что Церковь становится значительно ближе государству и принимает на себя ответственность за его судьбы. Это сближение выразилось в положении царя в Церкви. Когда он стал христианским государем, Церковь излила на него свои дары в священном помазании на царство и возлюбила помазанника своего не только как главу государства, но и как носителя особой харизмы царствования, как жениха церковного, имеющего образ самого Христа. Царь занял свое особое место в церковной иерархии. Это место трудно определить во всей точности, потому что в нем соединялся разный смысл: с одной стороны, царь почитался как особый харизматик, с другой стороны, он являлся как бы представителем церковного народа, мирянской стихии, «избранного народа, царственного священства», и наконец, в качестве носителя власти он являлся первым слугой Церкви, в его лице государство венчало себя крестом. . . . Влияние царя в Церкви фактически определялось той государственной мощью, которою он располагал. Поэтому положение «внешнего епископа» в Византии давало ему возможность оказывать самое широкое влияние в Церкви, вплоть до созыва и председательствования на вселенских соборах, что не вызывало ни малейшего возражения ни на востоке, ни на западе.

Отношения между Церковью и государством в Византии принципиально определялись по типу симфонии, т.е. взаимного согласия при независимости каждой из областей. Государство признавало для себя внутренним руководством закон церковный, Церковь же считала себя обязанной повиновением государству. Это не было цезарепапизмом, в силу которого царю принадлежало бы главенство в Церкви. Цезарепапизм всегда являлся только злоупотреблением и никогда не имел для себя догматического или канонического признания. Однако «симфонические» отношения между Церковью и государством делали то, что император, управляя всеми отраслями жизни, правил и церковною жизнью в пределах своего государственного управления. Когда же эта симфония нарушалась диссонансами, и цари пытались догматически руководить Церковью, навязывая ей свои догматические ереси (арианство, иконоборство), тогда Церковь оказывалась в гонении, и обнаруживалось действительное отношение ее к государству, которое никогда не было догматическим цезарепапизмом. Однако Церковь чрезвычайно дорожила своим союзом с государством, поскольку оно служило Церкви, и наличие царственного главы всего православного мира, православного царя, почиталось как существенный атрибут Церкви. Он был символом завоевания мира крестом, строителем царствия Божия на земле. Когда пала Византия, православному ее императору уже готово было заместительство в лице русского царя, который короновался византийской короной и рассматривался как прямой продолжатель единого православного царства. На русской почве, в эпоху новой истории, учение о царе не имело уже той простоты и последовательности, какую оно имело на Востоке. Здесь оно, начиная с Петра Великого, осложнилось элементами

протестантского учения о главенстве монарха в Церкви, и это, с точки зрения церковной, неверное и неприемлемое начало проникло даже, хотя и с должными ограничениями, в основные законы государства, хотя и никогда не было провозглашено как закон церковный. Поэтому известные элементы цезарепапизма и здесь являлись только злоупотреблением, каковым было и фактическое превращение Церкви в одно из государственных ведомств, в «ведомство православного исповедания». Несмотря на эти злоупотребления, идея православного царя и его место в Церкви и на Руси оставалась по существу неизменной и ничего общего не имела с папизмом в лице императора, т.е. цезарепапизмом. Православная Церковь, в свою очередь, всегда хотела максимально влиять на государственную власть, хотя не извне, но изнутри. Папская теория двух мечей, согласно которой папа устанавливает монархов чрез коронование и низлагает чрез отлучение, т.е. является верховным сувереном над государственной властью, никогда не имела места в православии.

Когда государство в лице императора Константина, прославленного за то Церковью как «равноапостольный», признало себя христианским, могло казаться, что вопрос об отношениях между Церковью и государством решен, и государство перестает быть «зверем», теряет свою натурально-языческую природу, входит в область Царствия Божия. Вместе с тем, вопрос решался и церковно-иерархически чрез введение личности царя в круг церковной иерархии в качестве харизматика. Казалось, что отношение между царем и епископатом и самое место царя в Церкви представляет собой нерушимые ее устои, которые не могут измениться. Однако события показали ошибочность последнего заключения: православная Церковь

дважды лишена была православного царя, сначала в падении Византии, а в настоящее время в падении русского царства, и, в этом смысле возвращается к тому положению, в котором находилась в до-константиновскую эпоху (православные государи балканских государств, разумеется, не могут рассматриваться как вожди православного царства, которым была Византия и ее наследница Россия). Церковь существует ныне без Царя, и ее харизматическое положение, как и полнота ее даров, от этого не изменилась. Что же произошло?

Дело в том, что превращение языческого государства в христианское оказалось совсем не таким легким и простым делом, как это могло казаться. Легко было Миланским эдиктом превратить гонимую религию в терпимую, а затем государственную, и даже облечь ее в государственные латы. Но само государство во всей своей жизни сверху до низу оставалось языческим, вскормленным римской государственностью и восточным деспотизмом. Византия в лице своих императоров делала чрезвычайные усилия сблизить законы гражданские и церковные, но и это было только начало долгого исторического пути, который прервался катастрофой. Подобное же было и в России. Древняя Русь имела много прекрасных и трогательных черт патриархального благополучия, но, конечно, и здесь была такая глубокая прослойка натурального язычества. . . . То был удел всего христианского мира, и на востоке и на западе, который восходил к христианству из первобытного варварства и языческой культуры: православное царство Византийско-русское оказалось не в ином положении, чем и священная римская империя. То было лишь ознаменовательно-символическое обозначение не того, что уже есть, но что должно быть, и явилось бы,

конечно, тяжким заблуждением символ или мечту приравнять реальной действительности. Больше того, стало необходимо, чтобы это несоответствие было обличено историей. Символы сделали свое реальное дело в истории. Христианские цари были водителями ко Христу своих народов дотоле, пока возможно было такое водительство. Однако время его миновало, потому что самой жизнью упразднена реальность того представительства церковного народа в лице Царя, на котором опиралась власть царя и в Церкви. А без такого представительства она стала фикцией, влекущей за собой самую тяжелую форму тирании, – церковную, осуществляя гнет цезарепапизма. Народ стал жить непосредственной жизнью вне такого представительства, и государство может быть оцерковляемо ныне не извне, но изнутри, не сверху, но снизу. Это приводит нас к той новой постановке вопроса об отношении Церкви и государства, в котором застает нас новое время. Здесь два вопроса: об отношении православия, во-первых, к царской власти и, во-вторых, вообще к государству.

Есть ли определенная, догматическая предустановленная связь между православием и царской властью («самодержавием»), аналогичная той связи, которая существует между католичеством и папизмом, или же это есть связь историческая, возникшая в истории и ею же упраздненная? В долгие века существования православного царства возникло и было широко распространено первое понимание, и исторически сложившийся порядок вещей рассматривался как нерушимый. Конечно, это убеждение никогда не становилось и не могло стать догматом Церкви просто потому, что для него нет основания в христианстве, и православие никогда не было подвинуто на своеобразную параллель Ватиканского собора в при-

менении к царской власти. Как уже сказано, царь как помазанник Божий, харизматик власти, харизматический представитель мирян, занимал определенное место в Церкви. Однако оно не является столь же необходимым для самого существования Церкви, как иерархия апостольского преемства, клир и епископат, без которых Церковь обходиться не может. С другой стороны, мирянство, «народ Божий, царственное священство», представляет столь же необходимый элемент в Церкви, как иерархия, пастыри, которые не могут существовать без стада. Но это значение мирян в Церкви не может быть связано с их представительством в лице царя, и вообще может вовсе не быть такого личного представительства, как не было его в первенствующей Церкви. Правда, потенция царя по образу Христа присуща Церкви. Это не есть политическая идея, связанная с той или иной формой организации власти, но чисто религиозная. Эта идея может найти свое осуществление при наличии самой крайней демократии, осуществиться не в политическом самодержце, но и выборном представителе власти, президенте. Это есть вообще идея освящения власти в лице ее высшего представителя, идеал святого царя, предуказанный в Ветхом Завете, в псалмах и пророческих книгах, и данный в образе «кроткого Царя» совершившего Свой царский вход в царственный град. Эта идея имеет связь с обетованием «царствования святых со Христом» в «первое воскресение», о котором говорит Апокалипсис (гл. 20). Историческая царская власть представляла собой столько же осуществление этой идеи, сколько и ее затемнение и извращение. Может быть, она и погибла вследствие этого своего внутреннего несоответствия своей идее. Этот апокалипсис власти есть, так сказать, утопия православия, однако имеющая для

себя основание в библейских пророчествах. В русском народе родилась эта идея «белого царя», святого правителя, которым осуществится Царствие Божие на земле. Это есть преобразование власти, которая становится уже не властью меча, но властью любви.

Но эта идеология личного освящения власти не имеет ничего общего с принятием определенного политического режима, именно полицейско-бюрократической монархии. Такой подмен делался и делается сторонниками определенной политической партии («camelots du roi»), для которых религия является – сознательно или бессознательно – средством для политики. Вообще, связывать православие, которое есть религия свободы, с реакционными политическими или классовыми стремлениями, представляет собой вопиющее противоречие, которое находит для себя объяснение в истории, но не в догматике православия. Разумеется, в течение долгих веков православие было связано с монархией, которая оказывала незаменимые услуги Церкви, хотя и наносила ей тяжелые раны. «Христианская» государственность, обеспечивавшая «господствующее» положение православной Церкви, оказывалась для нее и оковами, задерживавшими ее свободное развитие, и многое в исторической трагедии православия, как в падении Византии, так и в современной России, объясняется именно этим нарушением равновесия в отношениях Церкви и государства. И неправильно эту историю, со всеми светлыми и мрачными сторонами, превращать в Апокалипсис и видеть в прошлом потерянный рай, царствие Божие на земле. Революция страшною ценой неисчислимых жертв навсегда (надо думать) освободила православие от чрезмерной связи с монархической государственностью. Связь эта нико-

гда не была исключительно определяющей. Православная Церковь существовала в разных странах при разных политических режимах, одинаково – в Новгородской и Псковской республиках, как и при деспотии Ивана Грозного, как и под иноверной и инославной властью, и она не теряла своей полноты и силы. Так и в настоящее время Церковь существует и под игом коммунизма, и в беженстве, и во всем мире при разных политических условиях. Не существует никакой внутренней и нерушимой связи между православием и тем или иным политическим строем, а потому православные могут иметь разные политические взгляды и симпатии. Это есть дело их политической совести и разума. Конечно, при известных условиях возникает единство и политических настроений в группах, религиозно единомыслящих; этому содействуют, прежде всего, начало любви церковной, но, повторяем, нет догматической связи между православием и определенной политической формой. Православие свободно и не должно отдаваться в услужение тому или иному политическому режиму. Оно имеет религиозный, но не политический идеал освящения власти и растворения ее в стихии Церкви, но это не есть идеал обладания двумя мечами или церковного государства в форме папской монархии, от которой так и не хочет отказаться католичество: ни папоцезаризм, ни цезарепапизм.

Исторически, отношения государства и Церкви остаются изменчивы. До последней революционной эпохи они сводились к разным формам «христианского государства», которое находилось в союзе с Церковью. В новейшем государстве, имеющем в своем составе народы разных исповеданий и даже вер, конфессиональное государство являлось давно уже не соответствующим положению вещей. В настоящее

же время оно стало, по-повидимому, и вовсе невозможным. Произошло разлучение Церкви и государства, к взаимной выгоде обоих, и вместо прежнего союза наступило отделение Церкви от государства в различных его видах.

Отделение Церкви от государства, сначала вынужденное, в настоящее время приняла и православная Церковь, – как отвечающее ее достоинству и призванию. Правда, еще существуют страны, где этого отделения вполне и не совершилось, однако и здесь положение православной Церкви совершенно иное, нежели в конфессиональном государстве. Православие перестает, тем самым, быть государственной Церковью, – положение, которое связано с разными преимуществами, но и тяжелым бременем (как это ясно видно на примере *established Church of England*). Отделение Церкви от государства фактически может иметь разное содержание, от открытого гонения на веру, как теперь в России,* до полной вероисповедной свободы (как в Американских Соединенных Штатах). Последняя есть в настоящее время наиболее благоприятный и нормальный режим для Церкви, который освобождает ее от соблазна клерикализма, но обеспечивает возможность беспрепятственного развития. Конечно и это положение для Церкви имеет силу лишь ради исторической целесообразности. Но Церковь, принимая юридическое отделение

---

* Советская государственность, хотя и провозгласила *de jure* отделение, однако *de facto* оно является единственным в мире конфессиональным государством, в котором господствующей религией является воинствующий атеизм коммунистической секты, другие же религии, сначала только терпимые, становятся уже нетерпимыми.

от области кесаря, от государства, как свое освобождение, отнюдь не отказывается от задачи оказывать влияние на всю жизнь государства, с проникновением его во все поры ее. Идеал христианского претворения государственности силою церковности остается во всей силе и без всяких ограничений и в эпоху отделения Церкви от государства, ставшего «правовым», ибо это отделение остается только внешним, но не внутренним. Пути влияния Церкви, при этом, изменяются, оно приходит не извне, сверху, но изнутри, снизу, из народа и чрез народ. То представительство, которое имел народ в христианском государе и правительстве в эпоху христианского государства, теперь упразднилось, и народ, без всякого внешнего представительства, в качестве мирян присутствует в Церкви, которая осуществляет, тем самым, влияние в государстве чрез народовластие. Но это есть народовластие в душах. На этом пути возникают свои опасности и трудности, аналогичные тем, которые существовали при союзе Церкви с государством: вовлечение Церкви на путь политической партийности, которая, в свою очередь, может отклонять ее от своего пути. Но здесь остается одно основное преимущество: влияние Церкви на души осуществляется путем свободы, которая, единственно, соответствует достоинству христианскому, а не принуждением сверху, которым иногда можно достигать более скорых результатов, но которое и наказуется в истории, как об этом достаточно говорит нам новейшая история и востока и запада. Нельзя закрывать глаза, что отделение Церкви от государства в наш век, при возрастающем небрежении к личной свободе, становится прямым или косвенным насильствием Церкви или даже гонением. Но нужно верить, что пути Провидения чрез испытания ведут Церковь к освобождению

от тех исторических наростов, которые образовались веками, а чрез то – к усилению ее влияния на жизнь, и, в частности, на государственность.

Этот сборник издан к 1000-летию Крещения Руси
и может быть приобретен в книжном магазине
Синодального Храма,
75E. 93 St.
New York, N.Y. 10028

СУДЬБЫ «СВЯТОЙ РУСИ»*

1.

Спор номиналистов с реалистами извечный. Он постоянно преломляется и в наших современных спорах. Как только мы произносим слово народ, нация, национальная душа, ее призвание, т.е. говорим о весьма реальных, живых и ценных для нас предметах, так мнимо «строгие» ученые останавливают нас и просят осторожнее обращаться с столь «общими и туманными» понятиями. Современные номиналисты начинают нам доказывать, что содержание данных идей неопределимо; ибо текуче и изменчиво в порядке непрерывного развития. Что национальный характер слагался в истории, под воздействием множества влияний, часто сторонних и чуждых; эти влияния идут непрерывно до наших дней, и ничто не ручается

---

* Материалы по вопросу читатель в изобилии найдет у: *М. Макария* «История русс. Церкви»; Акад. *Е.Е. Голубинского* «История русс. Ц.» т. 11-й; «Русск. Историч. Библ-ка», изд. Импер. Археогр. Комисс. т. VI, СПб, 1-е изд. под ред. проф. А.С. Павлова, 1880, 2-е проф. В.Н. Бенешевича 1914 (здесь перепечатка из Miklosic «Acta Patriarchatus Constantinopolitani»); Акад. *А.М. Дьяконова* «Власть московских государей». СПб. 1889; Проф. *Малинина* «Старец Псковск. Елеазар. монастыр. Филофей и его посл.» Киев. 1901. Проф. *В. Саввы* «Московские цари и византийские василевсы» Харьков. 1901. Проф. *Шпакова* «Государство и Церковь в др. России в их взаимн. отнош.» Киев. 1904. Проф. *П.В. Верховского* «Учреждение Духовной Коллегии и Дух. Регламент». Ростов-на-Дону. 1916.

за устойчивость «духа нации» на завтрашний исторический день. При кажущейся основательности такие суждения лукавы и неверны. Они берут вопрос в мертвой математической абстракции, в отвлеченных рамках космического, а не исторического, времени и в перспективе столь же отвлеченной, мнимо бесконечной эволюции. На самом деле достаточно указать на простые эмпирические факты, чтобы сбить эту номиналистическую метафизику. Все народы и культуры и древности и нового времени, раз выступив на историческое поприще, никогда не существовали в виде какой-то протоплазмы, переливающейся из одной формы в другую. Не было ассиرو-вавилонян, переливающихся в персов, персов в египтян, египтян в греков и т.д. Напротив от исторического начала до их исторической смерти, если таковая уже наступила, народы являлись и являются устойчивыми и неразложимыми типами, явно подвластными закону биологической индивидуализации и самосохранения, аналогичному закону устойчивости органических видов. Египтянин всегда был египтянином, римлянин римлянином, еврей евреем, араб арабом, армянин армянином, как и русский русским, начиная с первых свидетельств о русском характере арабских и византийских историков IX века. Народы столь же четко индивидуальны, как различны их языки, и степень их исторической изменчивости не превышает степени изменчивости языков, всегда остающихся в своем русле и не сливающихся с руслом истории другого языка. Эта-то историческая индивидуальность народов, их типа, их гения, их призвания, единственно и интересует нас практически, когда мы устанавливаем, духовный образ и высший долг служения нашего народа в пределах отмежеванного ему Провидением исторического времени, пусть относительно и малого

в сравнении с космическими мерками, но реально для нас существующего и реально заполненного конкретным развертыванием судеб и творчества живого русского соборного лика. Вот наш реалистический, нравственно-религиозный и – смеем прибавить – православный подход к вопросу о душе русской культуры и ее верховной цели, ее энтелехии. Пред нами нет препятствия в мертвой изгороди отвлеченных номиналистических построений.

Живая душа русского народа, создавшего Россию, не только как государство, но и как нацию и культуру, как цельный духовный организм, для нас есть непосредственно данный, опытно сопереживаемый факт. Онтологическое доказательство бытия качественно определенной Руси – в нас самих, в нашем самосознании, как и онтологическое доказательство бытия Божия.

2.

Каково же это качественное самоопределение Руси-России? Опять таки реально, эмпирически раскрывшееся и закрепленное в 1000-летней истории? Русь нарекла себя «святой Русью». Ни нашей матери греческой Церкви – нации, ни православным сирийцам и арабам, ни нашим братьям славянам, ни соседям – румынам, никому не полубилось назваться так, по крещению и вере. Греция охотно величает себя «великой», как Англия «старой», Германия «ученой» и Франция «прекрасной». «Святым и избранным» назван был только библейский Израиль, несмотря на его низменные инстинкты сребролюбия и материализма, и современный Израиль продолжает сознавать себя таковым. В этом самосознании Израиля и Руси бесспорно есть нечто дерзновенное и ответственное.

Никто, во имя научной критики, не может возразить, что столь возвышенное до претенциозности имя Руси есть плод «литературы» – канцелярски ли напыщенных перьев тиунов и дьяков, официальной ли литературы иерархов и церковно-правительственных актов, литературы ли монахов и книжных просвещенных людей, передовых носителей культуры старого времени. Характерно, что вся наша древняя письменность, довольно богатая и церковно-патриотическими произведениями, вплоть до XIX в. не знает термина «святая Русь». Он – плод низового, простонародного творчества. Он родился и хранился в неписанном народном предании, «каликами переходжими» в так называемой народной литературе. Как «красно-солнышко», «море-синее», «мать-земля сырая», так и этот алмазный самоцвет – «святая Русь» – «свято-русская земля» рассыпан по сказочным полям былин и духовных стихов. В нем нет ничего сочиненного «господами» – «варягами».* Наши культурные «варяги» дознались о нем только в XIX в. из народного творчества и до сих пор еще не научились обращаться с ним, не разгадали его: явный знак, что это не их ума дело, что они только бессильные комментаторы того слова откровения, которое они получили из недр народного сознания, что «святая Русь» есть «г л а с н а р о д а», vox populi. Об этот разительный факт должны разбиться кощунства некоторых наших варягоманов, презрительно лишающих русский народ, как пустой «этнос»,

---

* Повидимому это ласкающее слух простонародное имя Руси впервые дошло до сердца православных русских книжников, очутившихся под властью латинской Польши и раньше других понявших, что значит своя «земля святорусская», ибо выражение это вдруг проскальзывает в переписке Курбского из Литвы.

не только дарований государственных и культурных, но и религиозных; для них нет народа-богоносца, а есть только «варяги»-богоносцы и при том несущие бездарному народу богоносный свет «ex occidente» (!!!) Над ними в сотый раз оправдывается слово вещего поэта.

«Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной».

3.

Когда же именно живое народное слово дошло до этого речения «святая Русь», когда его зачеканило и какой соединило с ним смысл? О хронологии устного творчества можно лишь гадать, и потому обратимся к твердой отправной почве документальной истории и датированной собственной литературы.

Как губка воду, легко впитал в себя греческую веру русский народ. Таков общий вывод, вытекающий из внимательного рассмотрения истории первоначального распространения христианства по русской земле. «Огонь и мечъ» в новгородском эпизоде Хобрыни и Путяты чисто политической природы и врываються в эту историю, как чуждая ей случайность. Крещенный по приказу сверху, «не только волею, но и страхомъ повелѣвшаго», русский народ тем не менее с величайшей легкостью и быстротой по всем концам еще слабо объединенной русской земли стал народом «крестьяньскимъ-християньскимъ» и стал технически именно так называться (Устав св. Владимира; XII в. – Завещ. грам. св. Антония Рим.). Воспринятую греческую веру русские домонгольского времени не называли православием, а просто «вѣрой

крестьянской» и как таковую противопоставляли ее всем «вѣрам поганьскимъ» и даже «латынской». И чем упорнее было сопротивление христианской миссии в среде окраинных инородцев (финнов), тем быстрее и характернее в сознании именно русского, колонизирующего, «державнаго» населения его «крестьянство» – христианство сливается с его русскостью. Власть к XIII в. подчеркнуто называла свое коренное, крещеное население «к(х)рестьянствомъ» в отличие от некрещеного, от всякой «чуди»; причем и «чудь» крестившаяся приобщалась к «крестьянству», ибо через это русела. Церковное влияние в новых законах, обрядах и быте, требовательно отделяя «хрестьянъ» от всех иноверцев, как «поганыхъ», тем закрепляло это отождествление юного национального сознания с принадлежностью к «вѣрѣ крестьянской». Монгольско-татарское иго Русь встретила с ощущением своей «чистоты» и крещености – «крестьянственности», оскверняемой «Идолищемъ Поганымъ». Под этим большим ударом впервые начало формироваться общерусское национальное сознание, именно как Руси христианской. И забрезжил над всеми концами разрозненной, но церковно объединенной, русской земли единый идеал освобождения христианского народа от «засилія поганскаго», от «належащей мглы языковъ» жуткой, темной, «бесерменской» Азии. В этом самочувствии в XIII и XIV вв. Русь слилась с своими учителями в христианстве – греками, которые претерпевали веками одоление со стороны басурман-сарацын, а теперь и турок, уже вступавших одной ногой в Европу и фактически державших Византию в тесной осаде. Это единство переживаний всего тогдашнего православного мира особо способствовало усвоению и единого полуапокалиптического церковно-политического

мировоззрения, от греков заимствованного и нами.

4.

Воспитание русской княжеской власти в идеалах вселенского православного царства со стороны и греческой и русской иерархии и всей вообще церковной письменности составляет факт общеизвестный и прекрасно уясненный в науке. Но глубоко принялись и освоились эти идеалы на русской почве под влиянием некоторых объективно сложившихся условий и крупных, волнующих исторических событий: объединения Руси под московским единодержавием, свержения татарской неволи, Флорентийской унии и падения Константинополя. Еще в первые десятилетия XIV в. в разгар борьбы за гегемонию Твери с Москвой весьма литературный тверской монах Акиндин горячо внушал тверскому вел. кн. Михаилу Ярославичу идеи «царской» активности и ответственности в делах веры и Церкви. Но теория, не поддержанная фактами, осталась без последствий. Лишь образовавшийся московский центр, завязь будущей царской власти, стал круто притягивать к себе и центр церковной власти и все просвещенные и идеологические силы своего времени. Лишь теперь тип православного царства, преемственного продолжения Византии, стал вырисовываться сознанию и великих князей и церковных писателей, как некая наступающая и исторически зримая реальность. И мысль заработала и чувство проснулось. То, что народ уже в глубине своего сознания накопил и полюбил: – свою крещеность, свое запечатление именем Христовым и Его спасительным и животворящим Крестом, свою чистоту и избранность среди заблуждающихся народов мира, – все это начитанные и прекрасно владевшие пером мыслители

и публицисты Москвы, главным образом XV века, выразили в богатой религиозно-патриотической литературе, обосновав в ней теоретически, богословски и исторически переход на русскую землю мировой миссии православного царства и посему священное значение и назначение московской государственности. С восторгом светлой радости, но и с трепетом апокалиптической ответственности, как некое откровение, осознали и принимали они эту идею, сверкнувшую во благовремени и потому всем понятную, всеми принимаемую, для всех самоочевидную. Подлинный народ и подлинная, нераздельная от него интеллигенция «единомыслие исповѣдали» и единым сердцем и едиными устами изрекли вещее слово о «святой Руси». С этого времени (т.е. с XV в.) по крайней мере, а может быть и раньше и независимо от литературы, и эпос об Илье Муромце и об Егории Храбром украсился «святою Русью», «землей Святорусской» или «Свѣтлорусской». А для народной исторической песни XVI в. уже стереотипно: «то было во каменной Москвѣ на святой Руси». Какое содержание и какой смысл вложила в это русская московская мысль – ответит нам краткая историческая справка.

5.

Система взаимоотношений в христианском государстве властей церковной и гражданской, созданная греками и закреплённая в истории восточного канонического права, сводится к началу двуединой симфонии. Положение церкви в Персии, арабских халифатах и под властью иноверных варваров мыслилось как ненормальное, дефективное. Идеальной нормой был унаследованный от римского владычества образ единого на земле, по крайней мере по

возглавлению всех других, вселенского царства, которым управляет миром помазанный церковью вселенский христианский царь (βασιλεύς) Нового Рима, т.е. Константинополя. Рядом с ним стоит архиепископ Нового Рима, патриарх вселенский, по чести и значению возглавляющий всех других патриархов. Государство и Церковь есть *единый организм*, в котором подданные живут управляемые материально и морально двумя согласными властями – царством и священством и направляемые чрез земное благополучие к *единой* небесной *цели*: вечному духовному спасению. «Василевсъ и патриархъ» – гласит Эпанагога царей Василия Мак., Льва и Александра – «мірская власть и священство, относятся другъ къ другу какъ тело и душа и, сообразно существу чѣловека, оба необходимы для благоденствія подданныхъ. На согласіи той и другой власти утверждается высшее благо государства». Это согласие *συμφωνία* властей включало в себя отчасти узаконенное, отчасти морально свободное, управляемое тактом, соучастие каждой в сфере действия другой, без нарушения ее специфических полномочий. Права царей в церковных делах, унаследованные от прав римских императоров, как понтифексов (*iura circa sacra* были частью *juris publici*), несмотря на частые фактические злоупотребления, горячо отстаивались авторитетными византийскими канонистами. Вот выражения знаменитого Феодора Вальсамона (XII в.): «Василевсы, какъ и патриархи, должны почитаться учителями в силу сообщаемого имъ помазанія священнымъ мвром. Отсюда происходитъ право благовѣрныхъ василевсовъ поучать христіанскій народъ и подобно архіереямъ, кадить въ церкви. Сила и дѣятельность василевсовъ простирается и на тѣло и на душу подданныхъ, тогда какъ

патриархъ есть только пастырь душъ». В силу этого, узаконенного практикой и канонем, права царей защищать правую веру и блюсти в церкви порядок, греческие канонисты и присвоили им эпитет ἐπιστημονόρχης, т.е. блюститель, взятый от имени старших надзирателей за порядками в монастырях. Эпитет характерный. Ссылаясь на него, напр., архиепископ Дмитрий Хоматин так обрисовывает канонические права царей. «Василевсъ, который есть и называется верховнымъ блюстителемъ церковнаго порядка ἐπιστημονόρχης стоитъ выше соборныхъ определѣній и сообщаетъ имъ силу и дѣйствіе. Онъ есть вождь церковной іерархїи и законодатель по отношенію къ жизни и поведенію священниковъ. Онъ имѣетъ право рѣшать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантныя епископскія каѳедры. Онъ можетъ возвышать епископскіе каѳедры и епископовъ въ достоинство митрополій и митрополитовъ. Словомъ за исключеніемъ только права совершать литургію и рукоположеніе, василевсъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ прочія преимущества епископовъ и потому его постановленія имѣютъ силу каноновъ. Какъ древніе римскіе императоры подписывались pontifex maximus, такъ и настоящие имѣютъ такой же авторитетъ въ силу получаемаго ими священнаго миропомазанія. какъ Искупитель нашъ, помазанный Духомъ Святымъ, есть верховный нашъ Первосвященникъ, такъ справедливость требуетъ, чтобы помазанникъ Божий-василевсъ надѣленъ былъ благодатью первосвященства». За вычетом риторических и логических преувеличений, эти выражения являются довольно характерным свидетельством, отражающим дух греческого понимания

канонических правомочий царей и их роли и призвания в служении церковном.

6.

Так как вселенский царь и вселенский патриарх являются фигурами единственными в мире, как и само православное «Ромейское» (так называли его и себя по Риму византийцы) царство, то этот своеобразный «христианский империализм» логически возглавлял все другие православные народы, государства и церкви и канонически соподчинял их себе. Это были как бы части некоторой канонической федерации, из коих каждая внутри себя копировала во взаимоотношениях властей гражданской и церковной образец «симфонии» своего высшего центра, т.е. Нового Рима и была провинцией своей единственной метрополии. Конечно, фактически местный национализм и растущая сила новых государств, их борьба и конкуренция с Византией (напр. в XIV в. Тырновское Болгарское царство и царство Стефана Душана Сербского) ломали эту схему, но греки настойчиво и канонически победоносно отстаивали ее. Уже после первого массового крещения русских в 862 г. (после набега их на Царьград в 860 г.) патриарх Фотий в окружном послании 866 г. называет их не только союзниками, но и «подданными» василевса (ἐν ὑπηκόων τάξει), а историк XIV в. Никифор Григора сообщает, что русскому великому князю от начала русской Церкви в чинах Византийского двора было отведено место и звание «стольника» (ὁ ἐπὶ τραπέζης ὀφφίκιος – букв. «оффициантъ при столѣ»). Пусть политически это всеподданство всего православного мира Новому Риму было придворной иллюзией, но каноническая власть василевсов ромейских действительно

простиралась на всех православных по делам общецерковного значения. И в частности, в течение всего древнего периода русской Церкви, до отделения ее от греков (в 1449 г.), все важные моменты в ее административном устройении (назначения митрополитов, деления и объединения митрополии, передвижения ее кафедр) не проходили без царских и соборных актов из Византии. Так например, закрытие в 1347 г. уже не раз отделявшейся от общерусской митрополии (по титулу «Киевской») митрополии Галицкой при нашем митроп. Феогносте и патр. КП. Исидоре Вухире произведено было хрисовуллом василевса Иоанна Кантакузина формулированным так: «Наше царское величество изволяетъ, постановляетъ и опредѣляетъ, чтобы святѣйшія епископіи находящіяся въ Малой Россіи... снова были подчинены митрополіи Киевской». В 1356 г. греки снова разделили русскую митрополию в пользу кандидата Литвы м. Романа, и патриарх Каллист, зная как это горько для Москвы, пишет вел. князю Ивану Ивановичу, что все это произошло «по решѣнію и приговору нашей мѣрности, а равно священнаго собора, и должно имѣть силу и твердость согласно съ распоряженіемъ и опредѣленіемъ высочайшаго и святаго моего самодержца». Такие формулы повторяются многократно.

Эта система введена была на Руси и как факт действующаго церковнаго права и как доктрина, настойчиво предлагаемая особенно в минуты сомнений и колебаний. А до сомнений и колебаний довели смиренных и церковно-законопослушных русских людей сами греки своим соблазнительным, незаконным и подкупным образом действий по отношению к русской митрополии при св. м. Алексее, поставив на его

место Киприана, и особенно после его смерти, произвольным поставлением в митрополиты Пимена учинив десятилетнюю смуту в русской Церкви. Новый вел. кн. Василий Дмитриевич (1389-1425 г.), желая покончить смуту великодушным компромиссом, принял м. Киприана. Но, выражая наболевшее общественное мнение русских о предательствах византийского двора, воспретил упоминать имя василевса в синодиках (диптихах) и частным образом говорил: «мы имѣемъ Церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ». За это патриарх КП. Антоний задал целый выговор вел. князю и прислал следующий урок из византийского канонического права:

«Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ Церкви; онъ не то что, другіе, помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей... И если по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все же до настоящего дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ Церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мѣромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, *т.е. всѣхъ христіанъ*. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей... *Невозможно христіанамъ имѣть Церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ*

*союзъ и общеніи между собой и невозможно отдѣ-
лить ихъ другъ отъ друга. Техъ только царей от-
вергають христіане, которые были еретиками, неи-
стовствовали противъ Церкви и вводили развращен-
ные догматы... Послушай верховнаго апостола Пет-
ра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи:
'Бога бойтесь, царя чтите', не сказал 'царей', чтобы
кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у
разныхъ народовъ (!), но 'царя' указывая на то, что
одинъ только царь во вселенной. И какого царя это
(повелѣваетъ чтить апостолъ)? Тогда еще нечестива-
го и гонителя христіанъ! Но, какъ святой и апостолъ,
провидя въ будущемъ, что, и христіане будутъ
имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестива-
го, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить царя
благочестиваго и православнаго».*

7.

Эта история единого православнаго царства мыс-
лилась греками, какъ продолжение ветхозаветной свя-
щенной истории и потому отправлялась от открове-
ний пророка Даниила о преемственной смене четырехъ
царствъ. Такъ создавалась величественная рама, в кото-
рую входила вся мировая история. Четвертое Дании-
лово царство («человѣческое»), по согласному мнѣ-
нію толковниковъ, должно было существовать до
скончания века и отождествлялось с Римской-Ромей-
ской имперіей. Хронографы, популяризовавшие
эту теорію, черезъ славянскіе ихъ переводы рано став-
шіе известными и русскимъ, обыкновенно пишутъ такъ:
«Ассирійское царство раззорися Вавилоняны; Вави-
лонское Царство раззорися Персяны; Перское цар-
ство раззорися Македоняны; Македонское царство
раззорися Римляны, – Римское царство раззорится

Антихристом». «Ромейское царство, – говорит позднейший излагатель теории, – неразруσιμο, яко Господь въ римскую власть написася», т.е. неразруσιμο потому, что Иисус Христос по плоти был римским подданным, что, следовательно, и христианская Церковь должна всегда состоять под охраной римской государственной власти. Таким образом судьба Церкви и православия тесно связывалась с политическими судьбами Ромейского царства. Но политические судьбы переменчивы, и эти перемены тихой сапой подрывали стройность теории.

Слабым местом ее было уже то, что пришлось ввести в нее скользкую деталь, а именно: идею преемственного передвижения христианского царства. На возможное недоумение, почему же, при неразрушимости римского царства, центр его уже не в Риме, хронографы отвечали, что ветхий Рим, спустя семь веков, впал в Аполлинариеву ересь, прельщенный Карулом царем, и его место занял Константинополь. А не поколеблется ли и Новый Рим и не перейдет ли царство в другое место? На этот неприятный вопрос греки отвечали себе просто твердой уверенностью, что этого не будет. Патриарх Фотий говорил: «какъ владычество Израиля длилось до пришествія Христа, такъ и отъ насъ-грековъ – мы вѣруемъ – не отнимется царство до второго пришествія Господа нашего Иисуса Христа». Но печальная действительность противоречила этой уверенности. Не говоря уже о неуклонном приближении волны турецкого потопа, даже соседние православные славянские державы начали именоваться царствами, а их князья и крали венчаться «царями и самодержцами» с расчетами взять самый Царьград. Правда их столицы пали от турецкого меча еще раньше, чем Константинополь. Но крушение их юных, неокрепших

надежд на преемство православного царства, не прошло бесследно и для Руси. Раненое национальное чувство подсказало славянским пришельцам на Русь (м. Киприан, Пахомий и др.) перенести свои радужные упования на таинственную новорожденную столицу северного славянского «царства» – Москву и желать видеть в ней «Новый Царьградъ». Так по существу идеологии и по сумме внешних исторических обстоятельств мысль о «передвиженіи и преемствѣ» вселенского православного центра стала мостом, по которому в определенный момент перешла на Русь вся величественная византийская историческая концепция и дала мгновенно полное, богатое и законченное до художественной цельности содержание уже выношенному в глубине народного сознания самочувствию «святой Руси». Культурные и книжные русские люди облекли в плоть и кровь теории бесформенное национальное чувство. Случилось это в обстановке исключительно ярких событий и обстоятельств. Чисто русские и местные переживания вызвали усиленную духовную работу в русских людях, и они вплотную придвинуты были к необходимости перенять от греков издавна им известное учение о вселенском православном государстве и применить его к себе. В этом оригинальном национальном движении исчезает, как побочная деталь, выше отмеченное юго-славянское влияние. Русь сама нашла в себе силы ответить на ставший пред ней трагический вопрос о судьбе православия во всем мире.

8.

Греки потрясли русских своей изменой православию на Флорентийском соборе (1439 г.). Эта измена легла незабываемой гранью в истории их взаимных

отношений. «Солнце православія померкло», сам вселенский царь с патриархом поцеловали туфлю папы! Наступило страшное затмение православия, голгофский мрак и трепет объял русские сердца. Авторитет греков умер. До сих пор отрочески покорные ему, русские вмиг стали религиозно совершеннолетними, покинутыми только на самих себя. Это был многозначительный духовный толчек, скристаллизовавший русское религиозно-патриотическое сознание. Произошла переоценка самого мерила православности.

Когда в Пскове один защитник двоения аллилуйи, ходивший перед самым флорентийским собором в Константинополь и на Афон, стал ссылаться в подтверждение своего мнения на греческий обычай, то ему отвечали, что патриарх Иосиф с русским митрополитом Исидором и с папою римским учинили 8-й собор в граде Флорензе фряжском, что на соборе этом, который был на «сихъ лѣтѣхъ», греки «къ своей погибели отъ истины отвернулися» и что следовательно, «не подобаетъ намъ принимать отъ грековъ новаго ученія и развращатися отъ греческія земли; на мѣстѣ святѣмъ, сиречь въ соборнѣй и апостольстѣй Церкви Константина града теперь уже мерзость и запустѣніе». Митрополит Иона в известительном послании на Литву о своем постановлении, между прочим, пишет: «коли было въ Цариградѣ православіе», до тех пор и московские князья «оттуда пріимали благословеніе и митрополита», а теперь, подразумевается, там православия нет. Собор епископов московских в послании по случаю прихода в Литву униата-Григория также утверждает, что «нынѣ цареградская церковь поколебалася, отъ нашего православія отступила».

Если, таким образом, русские увидели, что греков они переоценили в смысле верности православию,

то может быть они не дооценивали с этой стороны самих себя? Передовым человеком в такой именно коренной ломке взглядов явился русский книжный иеромонах из Суздаля Симеон, очевидец падения греков во Флоренции, взятый в далекое путешествие еп. Авраамием Суздальским в качестве протоколиста событий. В своей «Повѣсти объ осьмомъ соборѣ», этот официальный литератор, начав с тона сдержанного, переходит в тон резко критический и, наконец, возвышается, как публицист, до мыслей новых и смелых о высоте русского православия. Он утверждает: «въ Руси великое православное христіанство болѣ всѣхъ». Московского князя он называет «благовѣрнымъ и христіолюбивымъ и благочестивымъ истиннымъ православнымъ великимъ княземъ, бѣлымъ царемъ всея Руси» — такова зачаточная формула мысли и переходе царства на Русь.

Подводя итог развернувшимся событиям в 1461 г., по поручению московской власти тот же Симеон или Пахомий Серб или какой-то другой литератор, на основании «Повѣсти» Симеона и всех других материалов, пишет: «Слово избранно отъ святыхъ писаний, еже на латыню и сказаніе о составленіи осьмого собора латыньскаго, и о низверженіи Сидора Прелестнаго, и о поставленіи въ русской земли митрополитовъ, о сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василию Васильевичу всея Руси». Здесь уже открыто и смело проводится тенденция о превосходстве, единственности русского православия и московском великом князе, как царе православия, ибо, как известно, ему, вел. кн. Василию Васильевичу преимущественно принадлежит решимость отвергнуть м. Исидора с его унией. «Достоитъ же удивиться разуму и великому смыслу великаго князя Василя Васильевича, — пишет летописец, — понеже о семъ Иси-

дорѣ митрополиты вси умолчаша и воздремаша и уснуша; единъ же сей богомудрый и христолюбивый государь великій князь Василій Васильевичъ позна Исидорову прелесть пагубную, и скоро, обличивъ, посрами его, и вмѣсто пастыря и учителя злымъ и губительнымъ волкомъ назва его». Лишь после этой смелой инициативы «вси епискупи... возбудишася; князи и бояре и вельможи и множество христианъ тогда вспомянуша и разумѣша законы греческія прежнія и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ». Слово избранно открываетъ собой целую серію восторженно-патриотическихъ произведений юной русской публицистики, служащихъ яркимъ выражениемъ только что родившагося русского національного самосознания, гордого и счастливого своей осознанной благодатной миссіей обладания сокровищемъ чистого православія и именно въ этомъ полагающаго высшій смыслъ московской государственности. «Нынѣ убо, — читаемъ въ 'Словѣ', — во временахъ богопросвѣщенная земля русская, святымъ правленіемъ Божіа Церкви, тебѣ подобаетъ во вселеннѣй подѣ солнечнымъ сіаніемъ съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся, свѣтомъ благочестія, имѣя покровъ Божій на себѣ многосвѣтлую благодать Господню, исполнишися цвѣтовъ богозрачнѣ цвѣтущихъ — Божіихъ храмовъ... и зборѣ святого пенія величаемыхъ, държавою владѣющаго на тебѣ, богоизбраннаго боговзлюбленнаго, богопочтеннаго и богопросвѣщеннаго, и богославимаго богослественника, правому пути богуставаго закона, и богомудраго изыскателя святыхъ правилъ, благаго ревнителя о Бозѣ и споспѣшника благочестію истиннаго православія, высочайшаго исхо-

дательная благовѣрію, богоукрашеннаго и великодержавнаго, благовѣрнаго и благочестиваго, великаго князя Василя Васильевича, боговѣнчаннаго православью царя всея Руси». В этом ненасытном нанизывании любовно похвальных эпитетов, как бы в светском акафисте, слышится и горячее желание, чтобы это было именно так и как бы усилие словами покрыть то, чего не хватает. Автор, конечно, понимает, что московскому вел. князю и Москве недостает формально признанного титула царя и царства. И он даже придумывает этому своеобразное объяснение. Он сообщает будто греческий царь Иоанн Палеолог в бытность на соборе в Италии сделал такое заявление: «Царь же тогда киръ Иоанъ извѣствоваше сицево слово Еугенію, папѣ Римскому и всемъ бывшимъ ту: 'яко восточніи земли суть большее православіе, высшее хрестіанство Бѣлая Русь, въ нихъ же есть государь братъ мой Василей Васильевичъ, ему же восточніи прислухаютъ и величіи князи съ землями служатъ ему: но смиренія ради и благочестія, величествомъ разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ Русскихъ земель православія'». Вскоре, как известно, особенно после брака Ивана III с племянницей последнего Палеолога Зоей-Софией, у Москвы появилась и формальная опора для провозглашения себя царством. Тогда и официальный язык московских дипломатов и свободный язык публицистов приобретают в этом смысле совершенно уверенный тон.

Но опять таки в этом убеждении о наступлении на Руси эпохи православного вселенского царства ни «литература», ни книжные домыслы не были главной движущей силой. Оно родилось в религиозном опыте московской и государственной, и церковной власти и прошло длительное

горнило страданий и борений церковной совести. Нелегко было зачеркнуть исторический авторитет греков. Неизмеримо труднее – преодолеть канонический авторитет Церкви-матери. Назревший вопрос об автокефалии русской Церкви в эту минуту должен был решиться под давлением необходимости. Митрополия отступила от православия. Ее филиальные части имели не только право но и обязанность, хотя бы на время, во имя православия, объявить себя независимыми. Русские не сделали этого, хотя весьма нуждались в автокефалии. Они истощили все усилия и способы, чтобы получить ее канонически легитимно и, если не достигли этого вполне, то, в конце концов, по вине Константинополя и по вине опасных посягательств униатской интриги, грозивших произвести в русской Церкви тяжелую смуту. История скрупулезных страданий русской канонической совести в вопросе о самостоятельном поставлении митрополита Ионы (1448 г.), что было равносильно началу автокефалии, представляет одно из выдающихся свидетельств русской религиозной добросовестности.* Столь же добросовестно выстрадана была вел. кн. Василием Васильевичем неожиданно свалившаяся на него крайне ответственная задача: стать на страже православия, которое пошатнулось в самом его святилище – Царьграде и грозило таким образом, исчезнуть во всем мире. «Мы же убо худїи, – писал вел. князь последнему василевсу Константину, – Богомъ наставляеми ни во что же вѣѣнихомъ его и самого (т.е. Исидора) и принесенное имъ злочестіе отвергохомъ, яко изсохль травную; отъ того же пакы времени попеченіе начахомъ имѣти о

---

* Вопрос этот оч. большой, важный и интересный не вмещается в пределы настоящей статьи.

своемъ православіи, о безсмертныхъ
единородныхъ нашихъ душахъ и часѣхъ
смертныхъ, и о предстаніи нашемъ въ
онъ будущій страшный день судный
предъ Судящимъ вся съ кровенная и на-
ша дневная мысли и дѣла...».

9.

Но вот пал Константинополь. Событіе вновь
потрясшее православный восток, а русских людей в
особом смысле. Событіе, происшедшее чрез 15 лет
вслед за греческой уніей с латинянами, явилось для
русских многозначущим знаменіем: и карой гре-
ков за предательство веры отцов своих, с отнятіем
от них царского венца, и – знаменіем милости Бо-
жией к русской земле, соблювшей православие и
оставшейся единственным в мире оплотом правой
веры, а следовательно и единственной на-
следницей православного царства. «Сами
дѣти знаете, – писал м. Иона в окружном посланіи
1459 г., – сколько бѣдъ перенесъ царствующій градъ...
однако же нисколько не пострадалъ, пока греки со-
блюдали благочестіе. А когда они отступили отъ
благочестія, сами знаете какъ пострадали, каково
было плѣненіе и убійство; и ужъ о душахъ ихъ
– Одинъ Богъ вѣсть!» Составитель повести о падении
Царьграда, перефразируя текст юго-славянской хро-
ники Манассии, пишет: «сія убо вся благочестивая
царствія – греческое и сербское, босанское и арбан-
ское грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущеніемъ без-
божніи Турци поплѣниша и въ запустеніе положиша
и покориша подъ свою власть. Наша же Руссiйская
земля, Божіею милостію и молитвами пр. Богороди-
цы и всѣхъ свв. чудотворецъ, растеть и младѣеть и

возвышается. Ей же, Христе Милостивый, даждь расти и младѣти и расширяться и до скончанія вѣка». Скончание века многими тогда ожидалось скоро, в 1492 году (конец 7000 лет от сотворения мира). Стало быть новое вселенское царство – Москва по всем вероятностям должно быть последним и отвечающим за судьбы православия на страшном суде. Эта прибавка эсхатологических настроений только повышала веру в реальность царственного наследования Москвы, которая закрепилась и по миновании страшного срока – 1492 г. Изданная в этом году московской митрополией пасхалия на 8-ю тысячу лет, между прочим, гласит: «нынѣ прославилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго вел. кн. Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константию – Москвѣ и всей русской земли и инымъ многимъ землямъ государя».

В соблазнительном противоречии с высоким самочувствием Ивана III, как наследника греческого благословенного царства, особенно после венчания его в 1472 г. с византийской принцессой и усвоения себе византийского герба – двухглавого орла, стоял факт тяготевшей над страной зависимости от татарской орды, официально именовавшейся по-русски «царствомъ». Басурманский бич Божий, наказавший греков, не должен был бы касаться народа в огне искушения сохранившего православие. Идея наступления русского царства стала мощным духовным стимулом, чтобы покончить с унижительной татарской неволей. Обескуражившее на первых порах Ивана III нашествие хана Ахмата в 1480 г. было отброшено и закончилось полным освобождением благодаря энергичному давлению на вел. князя русского патриотического мнения, выраженного голосами иерархов.

До этого времени линия поведения русской Церкви в отношении к «царямъ» ордынским была линией пассивной лояльности. Теперь в сознании ее произошел целый переворот. Мириться свободная автокефальная Церковь в последнем свободном православном царстве на земле с уродливым, незаслуженным басурманским засилием, уже не могла. И к колебавшемуся вел. князю Ивану Васильевичу обращены были новые дерзновенные речи. Так например, Ростовский архиепископ Вассиан писал ему: «И мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата не какъ на царя, а какъ на разбойника, хищника, богоборца; лучше солгавши получить жизнь, чѣмъ соблюдая клятву, погибнуть, т.е. пустить татаръ в землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству и уподобитися окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ, или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю?» Вчера еще «законный», сегодня уже «самозванный», ибо — «богостудный и богоборецъ», немыслимый в звании «царя» православного царства. Целая революция в умах! Сформировавшееся национальное сознание в теократическом мировоззрении Византии нашло ясные мерки и новые оценки для всех сторон окружавшей действительности.

Иван Васильевич III уже начал писаться царем и самодержцем: «Божією милостію царь всея Руси», возбуждая тем даже дипломатические конфликты. А Василий Иванович III (1505-1533 г.), по словам летописи, составил себе «особую титулу великія державы и тако въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ исторіяхъ писать себе повелѣлъ, имже зва-

нѣмъ въ русской земли даже и отъ великаго князя Рюрика никто отъ рода ихъ таковымъ самодержательствомъ не пишешся и не нарицаешся, яко же сице сей: Божіей милостію царь и великій князь», и стал систематически, настойчиво титуловать себя так во внешних сношениях. Тут не только ступень политическаго развития страны, но и религиозно-церковнаго возрастанія. И даже более: именно церковное возрастание, как первенствующій двигатель политическихъ решений. Параллелизмъ нарастаній с преобладаніемъ фактора духовнаго, идеологическаго. Ясный, смелый, определенный и увлекательный языкъ публицистики того времени свидѣтельствуетъ о томъ, где именно тогда бился пульсъ національной жизни и чемъ горело ее сознаніе, управлявшее волей и творчествомъ.

Посольскій толмачъ Дмитрій Герасимовъ написалъ «Повѣсть о бѣломъ клобукѣ», где онъ доказывалъ, что эта святыня – потому чудеснымъ образомъ перешла на Русь, что «ветхій Римъ отпаде славы и отъ вѣры Христовы гордостію и своею волею; въ новомъ же Римѣ, еже есть въ Коньстянтинѣ градѣ насиліемъ агарянскимъ такоже христіанская вѣра погибнетъ. На третьемъ же Римѣ, еже есть на русской земли, благодать Св. Духа возсія, яко», говорится далее в формѣ пророчества, изрекаемого папой Сильвестромъ, «вся христіанская царства приидуть въ конецъ и снидуся во едино царство русское православія ради – яко же бо отъ Рима благодать и слава и честь отъята бысть, тако же и отъ царствующаго града благодать св. Духа отъимется в плѣненіе агарянское, и вся святая предана будутъ отъ Бога велицей русѣй земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки, и подъ властію его мнозіе царіе будутъ отъ иноязычныхъ, и патріарше-

ский великій чинъ отъ Царствующаго сего града такожде данъ будетъ русѣй земли во времена своя, и страна та наречется свѣтлая Росія, Богу тако изволившу прославить таѣми благодареній русскую землю, исполнить православія величество и честнѣйшу сотворити паче первыхъ сихъ». Итак, без колебаний: Москва – Третий Рим и даже более славный, чем первые два. Для времени Дмитрия Герасимова это конечно *vaticinium post eventum*. Но всетаки примечательно возвышение поэтического вдохновения и до буквального пророчества о грядущем русском патриаршестве: «желаніе есть отецъ мысли», да и теория царства без этого не полна.

В то же время целый цикл сказаний о «Мономаховомъ вѣнцѣ» развивает мысль о переходе знаков царского сана из Вавилона через Египет, Рим, Византию на Русь.

10.

Окончательную и самую сильную формулировку сложившихся в русском обществе высоких представлений о новых теократических правах и обязанностях русского государства и его самодержавных (т.е. независимых от чужой власти) правителей дает учительный старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей в своих посланиях к дьяку Мисюрю Мунехину и вел. князьям Василию III и затем Ивану IV. Церковь православная, как апокалиптическая жена, сначала бежала из старого Рима в новый «еже есть Константинъ градъ, но ни тамо покоя обреть, съединенія ихъ ради съ латынею на осьмомъ соборѣ». «И оттолѣ Константинопольская Церковь разрушися и положися в попроаніе, яко овощное хранилище». «И паки

въ третій Римъ бѣжа, иже есть въ новую великую Русію. Се есть пустыня, понеже святыя вѣры пусти бѣша, и иже божественніи апостоли въ нихъ не проповѣдаша, но послѣди всѣхъ просвѣтися на нихъ благодать Божія». Судьба Церкви тесно связана с судьбами христіанскихъ государствъ: «вся христіанская царства потопишася отъ неверныхъ; токмо единого государя нашего царство едино благодатию Христовою стоитъ». Стало быть оно и есть богоизбранное царство – последний сосудъ православия до дня наступления вѣчнаго царства Божія, «Внимай Господа ради, – обращается Филофей к вел. князю, – яко вся христіанская царства снидошася въ твое царство; посемъ чаемъ царства, ему же нѣсть конца»; или иначе: «вся христіанская царства снидошася въ твое едино: яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти; твое христіанское царство инѣмъ не останется». Отсюда сама собой понятной становится и провиденциально-церковная роль русскаго великаго князя. *«Единъ ты, – пишетъ нашъ старецъ Василию III, – во всей поднебесной христіаномъ царь»*. «Единъ есть православный русскій великій царь во всей поднебесной, – говоритъ онъ в послании к Ивану Васильевичу, – якоже Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утверждая православную веру». Последнимъ выраженіемъ ясно дается знать, что самая существенная функция царской власти – это защита веры и Церкви Христовой; великій князь московскій поэтому является, «браздодержателемъ святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія соборныя апостольскія церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, иже въ

сто константинопольскія просіяла». Вместе с «вселенскимъ» царем на Москве титул «вселенской», здесь приписывается и символу Церкви – Успенскому собору, заменившему вселенскую св. Софию, лишенную креста. Другими словами и русская Церковь есть «вселенская» в смысле главенства и первенства чести «вмѣсто Константинопольскія».

Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное религиозно-национальное сознание по существу никогда не подымалось. Последующая его история была только практическим раскрытием и приложением все того же цикла идей. Русское самосознание от самых пелен своих как-то сразу вознеслось на свою предельную высоту и в этом величии своих помыслов, в некторм их максимализме, вскрыло природу России, как лона мировой культуры. На грани XV и XVI веков величие и слава «святой Руси» сразу и ослепительно открылись русской душе и затем незабываемо залегли в ней навсегда, как светлые, чистые и окрыляющие мечты и воспоминания юности. Великие мечты великого народа, воплощенные в слове с таким пафосом и с такой редкой силой на заре его литературы! То были гимны первой юношеской любви русской души своему религиозному избранничеству, своему мессианическому призванию. И не было более в истории русского самосознания мгновения, равного этому по захватывающей новизне, по оплодотворяющему творческому вдохновению. После Петра привзошел в русскую жизнь пафос внерелигиозной культуры, который нашел в даровитом народе также свой отклик и принес выдающиеся плоды иного, светского творчества. Но никогда этот параллельный, не сливающийся с прежним пафос, пока одной только интеллигенции, а не народа, не создавал еще во всенарод-

ном смысле какого-либо яркого специфического национального идеала, тем более мессианического. Идеал «святой Руси» и в этой новой, духовно-сложной атмосфере остается неповторимым по своей глубине, силе, исторической укорененности и сродности духу народа, им запечатленному. Не было еще в истории примера, чтобы народ, создавший свою культуру на почве одного вдохновения, одного идеала, в расцвете сил своих переменил этот идеал и начал творить столь же успешно новую культуру, на новую тему. Нет. Народы в свою органическую эпоху воплощают свой дух только в одну свойственную им форму и, так сказать, обречены прожить свой исторический век в ней, ее развивая, обогащая, видоизменяя, но не заменяя и ей не изменяя. Измена ей – культурное самоубийство, или этническая старость, обесцвечивание народа, после чего он может еще жить долгие столетия механической, подражательной, интернационально-шаблонной жизнью, никого не радуя и никому ничего не обещая. Не будем указывать примеров, чтобы никого не обижать.

Россия, найдя свой идеал, употребила великие и добросовестные усилия, чтобы стать его достойной. И если падала, изнемогала и грешила, то подымалась вдохновляемая им же. А главным образом – им, и единственно им, спасалась в страшные минуты своей истории, когда жизнь ставила ее на край опасности или гибели.

«Православная мысль»

Вячеслав Завалишин

ЗНАМЕНИЕ, СЛЕЗУ ИССУШАЮЩЕЕ
(ГЛАВА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО РОМАНА
«ГОД 988»)

Год 988 – благословенный год для Руси.

Это светлый праздник преображения Земли Русской. Для русичей он значит то же, что Преображение Господне для всего христианского мира.

Чудотворный свет воссиял над Днепром (греки когда-то Борисфеном называли) и оттуда златокудрые лучи понеслись над страной, расprostертой от понта Евксинского до понта Гиперборейского!¹ Вся Русь начала приобщаться к таинству Крещения, стала христианской. Языческие идолы были утоплены и преданы поруганию и огню.

Содеял сие киевский князь Владимир, величаемый Равноапостольным или Князем князей.

Все началось с осады княжей дружиной града Корсунь. Владимир захватил корсунскую воинь² в Тавриде,³ на бреге Понта Евксинского.

Корсунь оборонялась сноровисто и храбро. Полгода держалась.

Воинству Князя князей так и не удалось взять смаху град сей, тремя каменными стенами огражденный. Тут не поможет и разъяренное стадо овнов⁴ в

---

1. См. сноски на стр. 302

железы закованных.

Пособил случай: княжий дружинник Олекса подобрал стрелу со стогнов корсуньских спущенную. К оперению стрелы была берестянка прицеплена, а в той грамотке берестяной было написано по-гречески:

«Кесарь Владимир, хочешь Корсунь без зряшнего пролития крови взять? Прикажи искать на восточной стороне зарытые в землю водотечные трубы. По трубам сим бежит в Корсунь сладкотечная живительная вода. Возьмешь трубы в торы – и Корсунь твоя! Град, изнемогая от жажды, сдастся тебе.

Протопоп Анастас».

Нашлись в княжей дружине умельцы, способные, держа в руках свежесрубленную ветку, распознать, где находятся зарытые в землю водотечные трубы.

Дружинники Владимировы их нашли и прекратили доступ воды в осажденный град Корсунь.

У всей Корсуни пересохло горло, и град сдался врагу, изнемогая от жажды.

Анастас, слугитель распятого Бога эллинов,⁵ не был подкуплен киевским князем или приближенными его. Анастас говорил, что поступал по воле Христа. Так случилось, что священнослужитель сей стал не предателем, а благодетелем Корсуни и всей Византии. Да и Русь должна быть благодарна ему.

Корсунь, да и рыбограды и селограды⁶ окрест Таверии тож были избавлены Богом и судьбою от напрасного разорения.

Корсунь – это полис прибрежной Таверии, а рыбограды и селограды, к ней примыкающие – хора ее. Владимиру было куда легче захватить всю хору, нежели полис. Многие насельники хоры бежали в полис, чтобы найти прибежище от грабежа и насилия.

И зря бежали. Насилий и грабежей не было. Киевский князь и не собирался пустить Корсунь, да и

всю Таверию, на дым и битый камень.

Княжья дружина ни полис, ни хору не обижала: грабежей и хмельных бесчинств не было. Женщин и юниц русичи не бесчестили.

Патрикии корсуньские приподнесли в дар князю -язычнику сперва двух бронзовых львов, а потом мраморную статую богини, которой поклонялись греки до Крещения. Было поверье, что каждое утро, чуть свет, статуя оживала, зоревые брызги, становясь человеческой кровью, претворяли белый, как слежавшийся снег мрамор в живую плоть.

– Знаю, кто сотворен, – сказал Владимир, узрев статую. – Это младая с персями пурпурными Эос».⁷

Это Анастаса не удивило. Сведомо ему, что княгиня Ольга, бабка Владимирова, рассказывала малолетнему Владу о слепце Гомере и дивных песнях его.

Благодаря патрикиев, полуварвар Владимир возжелал увидеть горожанку, чья плоть во всем подобна языческой богине с персями пурпурными. Анастас сокрушенно сказал: – Неосуществимо желание твое, кесарь! Мы, христиане, не верим в воскрешение богини языческой.

– А ты, протопоп, веруешь в распятого при Тиберии иудея, почитаемого эллинами как Бога?

– Верую!

– Ну, так уповай на чудо, ибо без чуда любая вера мертва есть.

И чудо совершилось. Сыскали таки в Корсун юницу, сходную ликом и плотью с беломраморной статуей.

Оказалась она все ж не гречанкой с диаспоры, а невольницей и магометанкой из Согдианы. Откуда ж сходство со статуей? В Согдиане, говорят, еще со времен Александра Македонского пленные его вои остались. Они-то видно и были предками прекрасной

согдианки. В Корсунь ее привезли как невольницу на арабском корабле. Кесарь Владимир выкупил рабыню, сходную с языческой богиней с персями пурпурными.

Князь князей поразил Анастаса, дав ей вольную, ежели она веру **Христову примет**. Крестил согдианку Анастас. Владимир тотчас отослал ее от себя, отказавшись от любовных утех с ней.

Умен и дальновиден был киевский князь: знал, что деет. Владимир и ликом пригож, и телом могуч. Взглянет – и из глаз то копыя летят, то искры ласковые сверкают. А Владимир сам сын рабыни Малуши – ключницы княгини Ольги и наложницы Святослава, отца Владимирова. Не утаилось от Владимира, что и в Корсунь, и в Царьграде его недруги «рабынником» прозвали. Так пусть увидят, что и рабыня может быть и ликом, и плотью сходна с богиней. Пусть вся Корсунь, вся Таверия, вся Византия знает, какие рабыни бывают, и пусть все знают, что он ее удалил от себя, не прикасаясь к ней.

О Владимире шла молва, как о блудодее, каких свет не видал. А согдианка крещеная повсюду разнесет, что это не так.

Бежала по земле слава о буйном разгуле на пирах варвара Владимира. Там по слухам пили винище и меды чуть ли не из бочек и жрали не по людски, а будто кабаны, что до желудей с дуба дорвались.

В захваченной им Корсунь Князь князей тоже пиры устраивал, приглашал отведать пива-меду старейшин покоренного им града. Старейшины в долгу не оставались. Сами приглашали Владимира на пиры свои.

Никакого разгула на пирах не было. Владимир и люди пили и ели умеренно, держа себя так, будто царьградской знати впору. Вот те и полуварвары!

Многое предвидел базилевс Владимир! Так, он строго-настрого запретил воям своим посещать лупонары⁸ корсуньские: пусть паскудные девки прирастают к собственным стульям, наголо оголяя срамные места телес своих. Крепкий наказ Владимиров держал тароватых дружинников вдали от лупонаров.

На одном пиру князь Владимир, наполнив кубок свой, огласил послание базилевсам византов. В послании, что переложил на греческий протопоп Анастас, было сказано:

«Я пришел к Вам с мечем, но мира ради, а не ради меча.

Пусть кесари царьградские, Василий и Константин, отдадут мне в жены родную сестру свою, царевну Анну Прекрасную.

Будет по-моему – верну Корсунь и всю Таврику Византии, как свадебный подарок от меня и от всея Руси».

Послание, где языческий князь Владимир сватался к христианской царевне Анне, полетело в Царьград, по синим волнам под белыми парусами с алой, под цвет зари, лентой.

В ожидании ответа князь Владимир и протопоп Анастас зачастили в книжницу при храме Св. Софии.

А книжница эта – целая страна, запечатанных на пергаменте вещей слов. Тут стояли Ветхий и Новый заветы, жития святых, труды ученых богословов.

Каждая книга была в окладах, украшенных серебром и драгоценными камнями. Слово пророческое дороже и нетленнее всея ризницы с украшениями из золота и серебра.

– Я хочу знать, что писали о Руси моих предков мудрецы византийские – сказал Владимир Анастасу. – Только не потчуй меня трудами Льва Диякона.⁹ Не люблю его.

– А пошто, князь, не любишь – сказал Владимиру протопоп Анастас. – Сей ученый муж не отнимает у отца твоего Святослава ни храбрости, ни чести. И где-то он прав, не надобно б отцу твоему тягаться с византийским императором Иоанном Цимисхием. Лучше обоим меж собой союз заключить. Тогда б и отец твой, великий Святослав, мог остаться в живых и печенегов укротить.

Владимир слегка нахмурился, но смолчал. Чуть позже спросил:

– А кто еще писал о моей Руси?

Протопоп Анастас снял с полки пергаментный манускрипт с творениями митрополита Игнатия Никейского.

– Вот, у него сказано: о нашествии Руси в 860 году во времена Аскольда и Дира.

– Это не тот ли Игнатий, что басни на Эзопов манер слагал?

– Он самый. Но басни Игнатий слагал еще в сане диакона. Откуда вам сведомо сие?

– Бабка моя Ольга, поведала... Я тогда еще мальчонкой был. Да и мать моя, Малуша, знала эзопки Игнатия.

Анастас слышал, что Малуша, ключница княгини Ольги, была наложницей Святослава, батюшки Владимира. Потому-то недруги и прозвали его «рабыничем». Но кто такие Малуша и родной брат ее Добрыня, кормилец Владимира?

Говорят, что отец Малуши и Добрыни жил в граде Любиче. Так оно так, но откуда он родом, некий Малх. Отца Малуши и Добрыни Малхом звали. Не славянское это имя, а скорей греческое, Малхов у византов хоть пруд пруди. Сдается, что отец Малуши и Добрыни беглый раб с Византии, пригревшийся на Руси.

Князь Владимир не унимался:

– Раз уж мы Льва Диякона вспомянули, то не забудем и Льва из эзопок Мниха Игнатия. А тот писал:

«Самсон рвет пасть у льва на старой фреске.
Какой ж ты царь зверей? – сказал льву человек.
Но человеку зверь ответил дерзко:
Будь я художник, кончился б твой век!»

Помню и эзопку, где не про тебя ль сказано,
протопоп?

«Орел был в грудь стрелой смертельно ранен
(С орлиным опереньем на стреле)
Пернатого к пернатым смерть приманит:
Раз перья были на другом орле.»

Анастас помрачнел и обиделся.

– Я, Владимир, научил тебя захватить Корсунь не
силком, а тайком. Не корысти и не алчности ради по-
шел я на подвох, а для нашего блага. И для вас, руси-
чи, и для нас, греков диаспоры¹⁰ Царьградской.

– Ладно, ладно, не серчай. Вот те напоследок
еще одна эзопка:¹¹

‘Однажды звездочет, считая звезды в небе,
С обрыва прямо в речку угодил.
Ты, человек, у Бога неба требуи,
Но под ноги смотри, чтоб не лишиться сил’.»

Князь князей опять усмехнулся.

– А вот вас, корсуньцев, эзопка сия не
умудрила.

– Ты, Владимир, – ответил Анастас, – можешь

меня вконец избидеть. Но над верой нашей не смейся, не глумись. Может, хватит эзопок. Да и не так уж хороши эзопки сии. Не лучше ль послушать слово епископа Игнатия о нашествии русов.

И с этими словами протопоп Анастас передал Князю князей пергаментный манускрипт в окладе драгом.

Князь Владимир строго-настрого наказал протопопу:

– Сам читай. Токмо не по-гречески, а по-нашему, по-русски.

– Стоит ли? – сказал протопоп. – бедна моя русская речь.

– А я говорю: тотчас перекладывай на русский, – настаивал Князь князей. – Может еще пригодится, ежели будешь детей и внуков наших речи русской обучать.

А протопоп Анастас стал наспех перекладывать на русский слово епископа Игнатия о нашествии русов:

«Знамение, слезу иссушающее» – так назвал епископ Никейский Игнатий повесть свою о нашествии русов...

Было это в 860 году от Рождества Христова... Тогдашние киевские князья, Аскольд и Дир, пошли войной на Царьград.

Княжье воинство превратилось в бурлящий поток, на ряд рукавов разделившийся... Один рукав потек ко граду Амастриде в Вифвании Понтийской.

Русичи разгромили град сей, и земли, и рощи и вертограды окрест его.

Не покоровшиеся горожане и горожанки укрылись в храме Святителя Георгия. Были среди них мужи и жены, юнцы и юницы, дети и старцы...

Тут Анастас прервал чтение и сказал:

– Это не тот Георгий, что сразил острым копием змия крылатого.

– Знаю. От бабки моей княгини Ольги слышал, – нетерпеливо ответил князь Владимир. – Дале читай!

И протопоп Анастас продолжил переклад свой:

«Военачальник русичей не раз пытался взять приступом Амастридский храм святителя Георгия.

Но свершилось чудо:

Окованный железом овен сам выпадал из рук храбрых русичей, и те наземь валились, удивляясь бессилию своему и пугаясь бессилия сего.

Тогда военачальник русичей порубил трубы, по которым вода протекала в храм.

– Ты, стало быть, у нас выдумку сию перенял. Вы, греки, народ хитрющий. А мы, выходит, вас перемудрили, – усмехнулся Владимир.

Протопоп Анастас смолчал, вздохнул и стал дальше читать:

«Укрывшимся в храме амастридцам угрожала гибель от жажды.

Средь осажденных ропот великий поднялся... Одни хотели отпереть врата храма и сдать врагу, другие молились святому Георгию, уповая, что он отведет от них гибель безводия...

И святитель Георгий внял молящимся Ему.

Ночью спящие в подвалах и трапезной храма слышали пенье предивное.

А меж тем хор спал. Все певчие до единого спали.

Светильники в храме сами собой зажглись.

Люди очнулись и направились туда, где обычно службы проводились.

Пришли и видят осажденные в храме, что святой Георгий, воспрянув из гроба, служит молебен. Вся иссохшаяся плоть его излучала сияние, истекала светом нездешним.

– Не падайте предо мной на колени – наказывал молящимся святитель Георгий. – Соберите боченки, амфры и все сосуды, что есть в храме нашем. Несите все на крыши и кровлю: скоро пойдет обильный дождь, и вы будете спасены.

Сказав это, святой Георгий растаял в воздухе на глазах у молящихся. Дивное пение смолкло, и свечи в паникадилах сами собой погасли.

На душе у осажденных стало благостно и светло.

Близко к вечеру огромная сизотемная туча надвинулась над градом Амастрида. Бывшие в храме поднялись на крышу и кровлю, собирая влагу дождевую в деревянные бочки и глиняные амфоры, как советовал им святитель Георгий.

Протопоп Климентис, настоятель храма, где укрывались осажденные, открыл крышку гроба, в котором покоился прах святого Георгия.

Святитель лежал в гробу как живой. Стало быть, молебен недавний служил его отделившийся от плоти дух.

Все пали на колени, благодаря святителя Георгия, заступника своего. Вдруг трубный звук раздался. К храму приблизились два русских глашатая на конях.

Они затрубили в среброкованные трубы, бывшие при них, и зычным голосом потребовали главного жреца распятого Бога эллинов.

Отец Климентис вышел на правое крыло осажденного храма и спросил трубачей:

– Что вам нужно от нас?

– Наш военачальник хочет говорить с тобой с глазу на глаз.

– Согласен. Мы встретимся завтра, чуть свет, на площади перед храмом, если ваш начальник отведет воев своих на расстояние полета стрелы.

И пусть за его спиной, на площади перед храмом,

будет не конница, а пеший строй.

Глашатаи усаkali. И вскоре вернулись снова, оповестив протопопа Клементиса, что воевода русов согласен на это.

Встреча состоялась на заре.

Неприступная было дверь храма святителя Георгия распахнулась, чтобы хлопнуться сызнова.

Протопоп Клементис спокойно сошел с крыльца. Навстречу шел воевода русичей.

Отец Клементис был в простенькой, но чистой рясе и сандалиях на босу ногу. Сан его обличал лишь золотой, разузоренный драгоценными камнями крест наперстный.

Подходя к протопопу, воевода русов снял с головы своей золоченный шлем и держал его в руках. Меч его в драгах ножнах был при нем.

Воевода был в кольчуге и в ноговицах, высокий, крепко сложенный, он чем-то походил на ястреба в полете.

Голова его была гладко выбрита, но на макушке, словно одинокое деревцо в чистом поле, метался клочок рыжего цвета волос.

— Хочешь, я брошу наземь меч свой, — сказал военачальник, не доходя до протопопа Клементиса двух-трех шагов.

— А зачем? — спросил военачальника отец Клементис. — Вы, русичи, можете быть жестоки и злы. Но вы отходчивы и держите слово даже во зле вашем. Я верю тебе, воевода. Скажи лучше, что ты хочешь от меня?

— Я хочу постичь, что за сила оберегает вас. Я полагал, что вы поражены и боле с колен не подниметесь. А мы, покорившие вас, бессильны перед вами. Тетивы луков у стрельцов моих сами собой лопаются. А ведь жилы у луков не гнилые. Колчаны не отпи-

раются. Мечи из рук выпадают. Как это вы заморозили воев моих?

Протопоп Клементис подумал и ответил:

– Нас охраняет воля Божья и сила духа святителя нашего Георгия. Никто и ничто не может вступить в поединок с волей Бога – ни князья земные, ни полчища варваров, ни силы адавы... И это потому, что наш Бог – истинный Бог. Весь мир, воевода, приведен волей Бога из небытия в бытие.

– Но и у нас, русичей, – сказал протопопу поводом русов, – есть боги и капища, где мы приносим дары и жертвы нашим богам и устраиваем возлияния в их честь.

– Ваши боги – не боги, – сказал протопоп Клементис, – а обрубки деревьев, отесанных топориками, или обломки камня, коему придано сходство с человеком. Не одним топором и каменными орудиями творите вы идолов ваших, а и лютой жесточью ваших сердец. Жертвоприношения варваров не угодны Христу, коему я служу.

– А чем мы, Русь некрещенная, смогли бы унять гнев Бога вашего и заодно дружинников его? Тех, кого вы живописуете на досках и стенах храмов ваших?

– Ты, воевода, храбр, и сам видишь, что Бог наш не бессилен, а всемогущ, именно потому, что он – истинный Бог.

Любям твоим смерть в бою не страшна. Но их гнетет страх перед жизнью после смерти, страх перед возмездием за пролитую ими кровь в былых временах.

– Каждый из нас считает своих богов истинными, – возразил военачальник русичей. Но примет ли он от нас, некрещенных, дары, если они от сердца?

– Христос и ваш и наш, – ответил поводому русичей протопоп Климентис. – Он пришел в мир, чтоб призвать не праведников, а грешников к покаянию.

Покайтесь, и тогда Бог наш примет дары ваши. Перестаньте осквернять грабежами храмы наши, перестаньте рубить на топливо для ваших костров наши святые иконы и пусть твои вои вернут расхищенное ими добро из амастридских церквей. Пусть сложат уцелевшее от грабежей к усыпальнице святителя Георгия. Сотворишь сие – сделаешь первый и лучший дар Господу нашему, Иисусу Христу.

– Быть по сему, – кивнул головой поводим русов.
– Взятые нами из церквей ваших силой и хитростью будет возвращено повелением моим. Чего еще желаешь ты, жрец распятого Бога эллинов?

– Конники твои, воевода, все еще рыщут по амастридской хоре будто китоврасы¹² с красными петухами на плечах. Уйми ты их, воевода. Не претворяй в горелые места рощи и вертограды наши, Освободи плененных, военачальник. А не хочешь, аль не можешь, так обращайся с ними, как с людьми, а не как со скотом.

– Тех, кто попал в плен, не сражаясь с нами с оружием в руках, отпущу бескорыстно. А за тех, кто бился с дружиной моей, полагается выкуп. Будь это не одни мужи, но жены и юнари.

– Ладно, воевода, мы согласны на выкуп. Но выкуп посильный, Божеский. Об этом позаботятся еще находящиеся в храме. Дашь слово, что их никто более не тронет – немедленно распушу всех по домам.

– Даю. Слово мое нерушимо. Пока что, жрец распятого Бога эллинов, вы отстаиваете свое добро, нами присвоенное. Вы его и получите. А что вы от нас хотите? Чтобы мы одарили вашего Бога не чужим, а своим добром, не от вас, а от себя. У нас есть мехи и меды, и мы русичи, готовы принести их в жертву вашему Богу.

– Меха и меды Христу ни к чему, – ответил про-

топоп Клементис. – А если у вас есть воск для свечей в светильниках наших, мы б охотно приняли этот дар от вас.

– Стало быть, сладились, – сказал протопоп Клементис воеводе русичей. – Когда ж начнем? Ибо слово без деяний мертво есть.

– На твое усмотрение, жрец распятого Бога эллинов, – сказал протопопу военачальник русичей.

Отец Клементис вынес решение:

– Пусть сегодня в полдень вой твои, поведем русичей, принесут награбленное ими в церквах наших к усыпальнице святого Георгия в храме моем. А пополудни приведешь пленных Русью на площадь перед храмом. Воск пусть сносят в подвалы храма.

А вечером я совершу богослужение с хоровым пением и возжиганием светильников многих. На вечерню милости просим всех – и христиан, и язычников.

Решено – содеяно. Русские вой стали сносить с утра к усыпальнице святого Георгия серебряные светильники, евхаристические чаши, драгоценные кресты, иконы, окаймленные басмой.

На усыпальницу святителя Георгия вой русские умоляюще смотрели, будто чувствовали вину свою перед нетленной памятью его.

После полудня военачальник русов привел на площадь взятых в полон и в полисе и окрест полиса.

Одних сразу выпустили безвозмездно, а за других потребовали посильный выкуп.

Протопоп Клементис дал военачальнику слово свое, что те, у кого нет ни денег и ничего иного взамен, выкуп соберут позднее. Военачальник русов кивнул головой в знак согласия.

Радость и веселье овладело Амастрадой вольноотпущенной в Вифвании Понтийской. Матери обнимали сыновей, жены мужей, женихи невест.

А вечером протопоп Клементис всенощную служил.

Русские вои-язычники стояли в храме Святой Софии вместе с греками-христианами.

Народу пришло столько, что всех храм не вместил.

Проповедь глаголил сам протопоп Клементис.

«Русь, – говорил он, – загляни в душу свою и ты чудо узришь. А душа твоя, Русь, – это свято-зверь. Человек зверем не рождается, а делается им. Вы ворвались к нам стаей волчьей и покидаете нас как люди, приблизившиеся к святости Истинного Бога.

Но приближение к святости нашей еще не есть приобщение к ней.

Истинного Бога и слуг Его вы еще не познали, но познаете. Тебе, Русь, не так долго пребывать во тьме языческой. Истинный Бог взойдет в сердца сыновей и внуков ваших. Взойдут, вырастут, увенчанные крестами, храмы христианские на месте языческих капищ в рощах, полях и лесах ваших.

Потомки твои, Русь, примут веру Христову, грядет, грядет, Великое Крещение земли вашей».

Протопоп Анастас захлопнул пергаментный манускрипт в окладе, драгоценными камнями изукрашенный.

Таково «Знамение, слезу иссушающее» епископа Игнатия Никейского.

Князь князей, выслушав повесть Игнатьеву в перекладе протопоба Анастаса, сперва молчал. Видно, он переживал и переосмысливал услышанное.

Наконец, киевский князь сказал:

– Средь богов, коим преклонялись предки мои и преклоняемся мы теперь, не все суть бесы. Не все исчадия ада.

Велес – скотий бог наш – чем хуже Георгия из Амастриды, о ком так цветисто мних Игнатий баял? Хороши и вы, греки. Вашу богиню плодородия Де-

метру забыли. Ведь теперь и вы, греки понтийские, и мы, русичи, от души жалеем ее. Не зря ее у вас Девой-Обидой нарекли.¹³ А наш Ярило Бахуса вашего наверняка перепьет.

– Ну, нашел чем бахвалиться, князь Владимир! Бахус не наш бог, а языческий. Ты ж наших служб церковных не знаешь.

– Верно, не знаю. Но постичь хочу. Сегодня ж приду на вечерню в храме твоём. Но приду не явно, а тайком, под простого дружинника ряженный.

И ввечеру Князь князей, никем не узанный, переряженный, в сопровождении трех дружинников своих побывал на богослужении эллинов в корсунском храме Софии Премудрой.

Вечерню служили благолепно. Весь храм сиял огнями от свечей и от лампад пред образами святых. Как будто месяц и звезды совершили сошествие с небес во храм.

А как пели! Велелепно и сладкогласно. Не то, что жрецы, гворя обряды языческие, были как волки и били в большие бубны, обтянутые турьей кожей.

О службах церковных в Царьграде Князь князей слышал много хорошего от бабки своей, княгини Ольги. И от своих послов в Византии.

Теперь же князь Владимир сам убедился в правоте слов приближенных своих. А приближенные говорили, что краше и лучше служб византийских нет ничего на земле.

Наутро Владимир получил ответ византийских императоров на послание свое. В ответе сем сказано было:

«Негоже христианам отдавать замуж нехристианам-язычникам сестер и дочерей своих.

Но ежели в нашу веру перейдешь – войдешь в царствие небесное так же, как и мы. Крестись – и

сестра наша Анна станет женой твоей. А не захочешь крещение принять, не можем царевну Анну за князя-варвара выдать».

Князь Владимир на сей раз в раздумьях не нуждался. Вручил новое послание базилевсам царьградским, и в послании том говорилось:

«Я крещусь. Сведом мне закон ваш, любя мне вера ваша и службы православные».

Императоры византийские, Василий и Константин, советовали Владимиру прежде креститься.

А Владимир отвечал: «Пришлите мне епископа вашего и священников ваших. И с ними вместе пришлите царевну Анну-Прекрасную. Сперва пусть меня окрестят и потом сразу справим свадьбу по вашему христианскому обычаю».

Ожидая епископа и царевну Анну, князь Владимир сон смутный видел.

Будто стоит он на маховце Днепровском, подле капища Перунова.

Все небо хмуротемными тучами обложено. Внизу крутые, с зубатыми щучьями мордами, волны на брег набегают...

И видит князь, что волны оживают, в живую кровь и плоть богатырскую оборачиваются...

Князь князей выхватил из ножей меч свой харалужный. Но держит меч не за рукоять, а за лезвие, остро отточенное.

Тяжко, кровь так с рук и сочится! Но зато рукоять меча на крест христианский похожей стала.

Вдруг солнце сквозь просвет меж тучами устремилось вниз, на рукоять меча слетело.

И не солнце это, а голубь златокрылый из лучей светоносных сотворенный.

Идолы стали метать во Владимира молнии синь-горючие.

Тогда светоносный голубь с рукояти меча Владимира слетел и стал виться над головами идолов, обличье человеческое принявших. Идолы заматались и побежали. Но Перун успел метнуть во Владимира молнию свою... Молния ударила Князя князей в глаза, и он снопом наземь повалился.

Очнулся Владимир с резью в глазах.

— Ничего не вижу! Тьма окрест меня! — крикнул Владимир слугам своим, сбежавшимся на зов его.

А тем временем на пристани корсуньской закачался, зашумел вертоград шлемов, шляп земли греческой и земли русской, вертоград кокошников и бабьих платков цветастых... Серебром, с утренней зарей смешанным, отливали паруса корабля с епископом Михаилом и царевной Анной.

Богато разодетая царевна стояла на носу корабля, подле епископа Михаила. Был он в ризе драгой, с митрой на главе, позади статуи Миколы Угодника, большим умельцем из дерева содеянной и красовито разузоренной. Статуя как бы летела с распростертыми руками навстречу встречавшим корабль. Словно за плечами у Миколы крылья незримые.

— Слава тебе, правительница земли нашей, слава тебе!

Так величали с челнов на плаву Владимировы дружинники невесту князя своего.

На бреге епископа и царевну встречали русские девы с ветками дикой малины в руках. По обычаю русичей ветвь дикой малины охраняет от бурь и гнева водяных всех плавающих по волнам.

Епископу и царевне отвели самолучшие палаты в Корсунь.

А князь Владимир невесту свою, царевну Анну Прекрасную, не встретил. Слепоты своей побоялся.

Девы, встречавшие царевну, были оставлены

при ней для служения ей. К девам присоединили и ту, окрещенную уже в Корсуні согдианку, которую Владимир выкупил из рабства и щедро одарил.

До крещения ее звали Фатимой. А после крещения называли Феодорой. Она еще в неволе выучила греческий, и потому оказалась наиболее полезной царевне Анне по прибытии ее в Корсунь.

Царевна Анна – что греха таить – побаивалась своего суженого, полу-варвара Владимира.

Феодора уверила царевну Анну, будущую повелительницу русов, что слухам дурным верить не след. Владимиру ведомо вежество византов и человек он добрый и мудрый, хоть мудрость и доброта не всегда рука об руку идут.

Царевна Анна боялась жен и наложниц княжых, особливо Рогнеды.

Та в ревности и гневѣ может до того дойти, что возжаждет задушить аль отравить ее, царевну Анну как соперницу свою.

Феодора и тут нашлась, такое сказала, что у невесты Князя князей душа сразу на место встала.

Владимир, как поведала Феодора царевне, допреж говорил с Рогнедой, и та собиралась креститься сразу после Владимира и пожелала постричься в монахини монастыря распятого Бога эллинов.

Но что ж с Князем князей случилось? Царевна, поселясь в палатах роскошных, так с Владимиром и не свиделась. Что у него, шапка-невидимка, что ли?

И довелось Феодоре поведать царевне Анне горькую правду о слепоте Владимира, о помрачении глаз княжых.

Епископ Михаил ране услышал об этом и передал князю совет свой: хочешь скорей исцелиться – крестись немедленно.

А царевна Анна отправила князю берестянку, в

коей написала: «Крестись нареченный церковью и братьями женихом моим – и злая тьма соидет с глаз твоих».

Сперва Князь князей порешил было, что молнии синь-горючи в руках Перуновых глаза ему выжгли.

Но вспомняв о голубе светоносном на рукояти меча, увиденного во сне, порешил креститься тот-час же.

Таинство крещения Князя князей свершил епископ византов Михаил в сослужении Анастаса и других лиц духовных.

– Свет. Я вижу свет! – воскликнул обрадованный Владимир, выходя из купели.

Тогда ж, вслед за князем крестились приближенные Владимировы, а потом и большая часть дружинников его.

Бывает, что малый ручеек разрастается в реку, которой ни конца, ни краю нет. Так и великое Крещение Руси из храма в граде Корсунь распростерлось по всей земле русской, от моря Евксинского до моря Гиперборейского.

Владимир встречался с царевной Анной, будучи единой с ней веры. Князь князей возжелал, чтоб свадьба состоялась как можно скорее.

Кто из христиан не знает, как велик светлый праздник Преображения Господня?

Корсунское крещение князя Владимира и дружинников его в Корсунь – это великий исток преображения Великой Руси.

СНОСКИ

1. Т.е., от Черного до Белого и Балтийского морей. Греческие периплы, т.е. указатели береговых линий, не делали различия между Белым и Балтийскими морями.

2. Воишь – собственно башня по-древнерусски. Но так же называли крепость или укрепленный город.

3. Крым.
4. Овен – по древнерусски дословно баран, иносказательно – таран, стенобитное орудие.
5. Так в языческой Руси называли христианских священнослужителей.
6. Рыбограды – это рыбачьи слободы по-древнерусски; зернограды и селограды – земледельческие слободы. Были еще глинограды, то-есть, ремесленные грады, где преобладало гончарное ремесло.
7. Эос – богиня утренней зари у древних греков.
8. Лупонар – публичный дом у древних греков.
9. Лев Диакон, византийский историк и летописец, автор обстоятельной биографии византийского императора Иоанна Цимисхия.
10. Диаспора – периферия, провинция.
11. Эзопка – басня, от имени основателя этого жанра Эзопа.
12. Китоврасы, то-есть, кентавры в античной мифологии: полукони-полулюди.
13. В «Слове о полку Игореве» Дева-Обида тоже воспроизведена с сочувствием.

Еженедельная газета

« ЕДИНЕНИЕ »

орган русской эмиграции в Австралии.

Выходит с декабря 1950 г.

Цена одного № (12 страниц) .50 центов (австр.).

Пересылка за границу дополнит. по почт. тарифу.

Типография принимает заказы на печ. работы

Адрес: UNIFICATION NEWSPAPER

28 Regent St.

Chippendale. NSW 2008. Australia

ПАМЯТИ БОРИСА СОФРОНОВИЧА КОВЕРДЫ

Умер выдающийся, не только говорящий о высоких идеях, но согласно своим убеждениям поступающий, мужественный русский человек.

Возможно, что не всем известно, что Борис Коверда, будучи еще юношей, застрелил с целью отмщения прибывшего в Варшаву советского посла Петра Войкова (Вайнера Пинхуса), одного из убийц Царской Семьи.

Борис Коверда вошел в историю как герой, готовый заплатить за свой поступок собственной жизнью: он стрелял не из-за угла, а открыто на Варшавском вокзале во время встречи посланника с проезжающим из Лондона в Москву А. Розенгольцем, полномочным представителем СССР в Лондоне. Это была не только месть, но и террористический акт. Когда это произошло, Борис Софронович был совсем молодым человеком и видел лишь одну грань своего поступка... Прошли долгие годы жизни, человек созрел и приобретал способность многогранного представления как о вещах вообще, так и о своем поступке в частности.

Убийство, кровавая месть и тем паче террористический акт – вещи до жути страшные во многих смыслах, прежде всего потому, что им нет конца. «Не отвечай злом на зло, и зло не будет увеличиваться». – Мы, русские, как никто другой, в революционные годы были погружены в безумное море

кровавого мщения, и не понимать трагизма этого может только тот, кто стоит на уровне готентотской морали – «когда бьют меня – это плохо, когда бью я – это хорошо».

Прошедши через всю трагедию революционной страды, генерал А.А. Власов и его соратники поняли, что ничего другого как – «Никакой мести и преследования!» (Слова из Власовского Манифеста) русский человек сказать не может.

За свою долгую жизнь, и не только в конце ее, а уже давно, покойный Борис Софронович переболел вопросом мести и собственным своим поступком и осудил их как ложные. Он вторично проявил в жизни недюжинное мужество, поступая согласно убеждению. Он покался в грехе пролития крови и стал христианином не по имени только, но и по мужеству убеждения. Он тяготился воздаянием похвал за его прошлое, ибо оно давно уже не согласовывалось с его настоящим: по убеждению живущего жизнью скромного, отзывчивого, доброго семьянина и православного христианина.

Сохраним же облик этого выдающегося человека в том виде, к которому он пришел и в котором отошел к Господу Богу своему.

Протопресвитер Александр Киселев

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ ЖИЗНИ»

1. **Преподобный Серафим Саровский**
В.И. Ильин, 206 стр. .... \$ 8.00
2. **Избранное, Борис Зайцев, стр. 252 .... 10.00**
3. **Русские художники (Сборник статей)**
Е.Е. Климов, 263 стр. Илл. 10.00
4. **Лето Господне, И. Шмелев, 529 стр. 14.00**
5. **Облик генерала А.А. Власова**
(Записки военного священника)
Прот. А. Киселев, 200 стр. Фото.
Второе дополненное издание 10.00
6. **Воспоминания, М.В. Добужинский, 400 стр. Илл. .. 14.00**
7. **Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории**
Прот. Александр Киселев (Издание Комитета русской молодежи) 144 стр. Многочисленные изображения икон Богородицы в красках 17.00
8. **Акафист преподобному Серафиму Саровскому 4.00**
9. **О подвиге общения, Архиепископ Сергей Пражский .. 4.00**
10. **...Память их в род и род**
(То, что надо знать, сохранить, донести)
Прот. Александр Киселев, 112 стр. Твердый переплет, редкие фото 10.00

St. Seraphim Foundation, Inc.
322 W. 108 St., New York, N.Y. 10025 USA

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
<i>Митрополит Анастасий – Нравственный облик</i>	
Пушкина	8
<i>И.М. Андреев – А.С. Пушкин .....</i>	<i>35</i>
<i>В.М. Некрасов – «Молитва» .....</i>	<i>95</i>
<i>Р.Г. Шульц – Легенда об атеизме Пушкина .....</i>	<i>103</i>
<i>Р.Г. Жуков – Пушкин по воспоминаниям</i>	
современников	122
<i>В. Юнк – Американская литература и</i>	
Пушкин	142
<i>О. Димитрий Дудко – Собеседование</i>	
седьмое	169
<i>О. Ильинский – Юрий Кузнецов .....</i>	<i>183</i>
<i>Прот. А. Киселев – Ответ на статью «Кокетничая</i>	
с Боженькой»	192
<i>Гр. М.Н. Толстая – Воспоминания .....</i>	<i>197</i>
<i>Д.В. Шульгин – Колючки .....</i>	<i>220</i>

ПУТИ РОССИИ

<i>Прот. С. Булгаков – Православие и</i>	
государство	241
<i>А.В. Карташев – Судьбы «Святой</i>	
Руси»	253

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

<i>В. Завалишин – Знамение, слезу</i>	
иссушающее	282

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

<i>Прот. А. Киселев – Памяти Бориса Софроновича</i>	
Коверды	303

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный
национальный журнал

Подписка:

	США и Канада	Франция	Германия
На 1 год	24 ам. долл.	150 фр.	50 н.м.
Воздушной почтой	39 ам. долл.		
Отдельный номер	7 ам. долл.	45 фр.	15 н.м.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату, насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.

Подписную плату следует посылать:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.

322 West 108 St.

New York, N.Y. 10025

В Европе, Канаде и Австралии — нашим представителям.

.....
Желаю подписаться на "Русское Возрождение"
на 198... г.

Фамилия: .....

Имя и отчество: .....

Адрес: .....

.....

С пересылкой обыкновенной почтой .....

воздушной почтой .....

добавляю поддержку .....

Подпись: .....

Дата: .....

RUSSIAN RENAISSANCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней – Mr. N.M. Serebriakov, P.O. Box A 310, Sydney South, 2000 N.S.W. Australia.

Мельбурн – Mr. A. Souprounovich, 7 Rendell Crt., Oakleigh 3166, Victoria, Australia.

Аделаида – Miss G.N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth St., Croydon, South Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ и АВСТРИЯ:

Нетт V.A. Kutsche, Diesel Str. 19, Munchen 50, Germany.

КАНАДА:

Торонто – Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescet, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6.

Монреаль – Miss Sofia Apraxine, 5316 Duquette, Montreal, Quebec H4A 1J4 Canada.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк – 1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025.

Mr. A.O. Rodzianko, 272 Germonds Road, West Nyack, N.Y. 10994.

Вашингтон – Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N.W., Washington, D.C. 20016.

Массачусетс – Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street, Jamaica Plain, MA. 02130.

Калифорния – Mr. Miroshnichenko, P.O. Box 60501, Sunnyvalley, CA. 94088

ФРАНЦИЯ:

Париж – Mme Marina Déruguine,

17, rue de Boulainvilliers, 75016 Paris, France

Printed in U.S.A. by Multilingual Typesetting

56 Rockland Lake Park

Valley Cottage, N.Y. 10989

Multilingual Typesetting
56 Rockland Lake Dr.
Valley Cottage, NY 10989

Наше издательство в сотрудничестве со Св. Троицким Монастырем, и с благословения архиепископа Лавра издает большой документальный труд протоиерея Владимира Русака «СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБВИНЕНИЯ».

В этом труде о. Владимир подробно описывает преследование Русской Православной Церкви под Советской властью с 1917-го года до наших дней.

Вышла из печати Первая Часть этого труда (6 x 9 дюймов, 350 стр.), которые включают алфавитный указатель имен и 208 фотографий епископов Русской Православной Церкви, погибших от Советской власти.

За работу над этой книгой и смелые выступления в защиту Церкви о. Владимир был осужден на 7 лет тюрьмы в 1986 году, где и находится по сей день.

Желающие заказать эту книгу могут это сделать заполнив бланк на обороте.

Цена первой части \$20.00

Имя: .....

Адрес: .....

.....

1) Прошу выслать мне Первую часть книги Владимира
Русака «Свидетельство обвинения»

Цена \$20.00

Пересылка в США и Канаде ..... \$ 1.50

Прилагаю чек \$21.50

Или 2) Даю предварительный заказ на все три (3)
части книги В. Русака со скидкой

Первую часть \$20.00

Вторую и Третью части \$30.00

.....
\$50.00

Скидка 10% ..... - 5.00

Прилагаю чек \$45.00

Пересылка в США и Канаде бесплатно.

Книжным магазинам при заказе более 10-ти книг скид-
ка 35%. При заказе 30 книг и больше скидка на 40%.

Подпись

Чеки выписывать на и заказы посылать:

Multilingual Typesetting

56 Rockland Lake Dr.

Valley Cottage, NY 10989 USA

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог слышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай не торопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный помилуй нас! (три раза)

И. Ланской

Jordanville, N. Y. 13361

Присоединяясь к идее И. С. Ланского, призываем всех участвовать в молитве за спасение России. Другим издательствам предлагаем перепечатать воззвание.

Редакция